

В О П Р О С Ы
Я П О Н С К О Г О
Я З Ы К А

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

*Памяти
академика
Николая Иосифовича
КОНРАДА*

ВОПРОСЫ
ЯПОНСКОГО
ЯЗЫКА

•

Ответственный редактор
И. Ф. ВАРДУЛЬ

СИСТЕМА НАКЛОНЕНИЙ НОВОЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Критерии выделения наклонений

При выделении и определении наклонений в любом языке, где они имеются, должны использоваться все их признаки, существенные для данного языка. Их установление производится на основе различных критериев.

1. Морфологический критерий требует наличия особой формы (или ряда форм) для каждого наклонения. Это требование приложимо к флективным (или агглютинативным) языкам с полисиллабической структурой глаголов. Именно к таким языкам относится новояпонский. Спряжение в нем, как правило, является флективным: корень глаголов 1-го спряжения самостоятельно употребляться не может (в частности, потому, что он исторически имеет согласный исход, а японские слова кончаются всегда на гласный). Агглютинативные форманты (в небольшом числе) также имеются, но они приклеиваются к формам, уже обладающим той или иной флексией.

Спряжение японских глаголов является в основном синтетическим. Правда, при переходе к новояпонскому языку (примерно к началу XVI в.) система наклонений существенно перестроилась. При этом ряд синтетических форм сменился устойчивыми грамматическими конструкциями [см. 30], но и ныне система наклонений состоит преимущественно из синтетических форм.

Выделить наклонения было бы значительно легче, если бы у каждого из них была только одна форма. Но в большинстве случаев их имеется целый ряд. Чтобы не произошло ошибки при распределении форм по наклонениям, надо строго придерживаться морфологического критерия: у всех форм одинаковой модальности долж-

на обнаруживаться общая служебная морфема — показатель данного наклонения, который, однако, у индикатива (или императива, или части их форм) может быть и нулевым. Наличие такого показателя должно обеспечивать единое модальное значение всех форм одного наклонения, которые могут различаться между собой другими служебными морфемами, привносящими немодальные значения. Так, в русском языке *пиши* и *пишите* представляют собой ряд форм повелительного наклонения, обладающих общей служебной морфемой *-и* и различающихся тем, что в первой форме отсутствует, а во второй наличествует агглютинативный суффикс множественного числа *-те*. Но у японских глаголов есть своя специфика: не имея категорий ни чисел, ни лиц, они выражают степень вежливости / грубости по отношению к действующему лицу (или к собеседнику): *kak-e* 'пиши', 'пишите', 'пусть [он] пишет', 'пусть [они] пишут' (грубо), *o-kak-i-nasa[re]i* 'пишите' (вежливо, букв. 'писание делать извольте' — к одному или нескольким лицам) и т. п. Кроме того, формы одного и того же наклонения могут различаться по залогам, по видам, по временам, по конечности/срединности.

Казалось бы, морфологический критерий никем не может оспариваться. Русисты, например, признают, что «модальности, выражаемые особыми глагольными формами, называются наклонениями» [8, 470]. Отсюда, естественно, можно сделать вывод, что наклонениями называются только такие модальности, которые выражаются особыми глагольными формами.

Однако при применении этого критерия к японским предикативам встречаются три вида ошибок:

а) неглагольные формы приравняются к глагольным и объявляются особым наклонением. Так, ряд авторов считает «уступительным наклонением» форму деепричастия на *-te*, когда к ней присоединена частица *то* 'и', 'также', 'даже'. Но *то* в том же значении присоединяется и к другим глагольным формам, и к именам. Следовательно, наличие частицы *то* не превращает форму глагола в особую;

б) модальная конструкция новояпонского языка объявляется особым наклонением в связи с тем, что им была синтетическая форма старояпонского языка, которой она пришла на смену. Подобного рода ошибку делал и

я, признавая долженствовательную конструкцию типа *ikaneba naranu* 'надо идти' аналитической формой долженствовательного наклонения [см. 19, 256]. Однако близость этой конструкции по значению к синтетической форме старояпонского языка типа *ikubeshi* 'надо (можно) идти' не означает, что она осталась той же грамматической категорией. Главное состоит в том, что конструкция особой формой не обладает, она образована из двух форм, каждая из которых сохранила свое значение (букв. 'если не пойти, не годится');

в) формы, различающиеся не по модальности, а по другим грамматическим значениям, считаются разными «модальными категориями». Так, проф. Р. Э. Миллер к «десяти модальным категориям» относит: «1) непрошедший индикатив: *taberu* 'ест' и 2) прошедший индикатив: *tabeta* 'ел'» [см. 27, 316]. Но совершенно очевидно, что обе формы принадлежат к одному наклонению — изъявительному (= индикативу) и различаются по грамматическим временам.

Очевидно, что одного морфологического критерия мало для того, чтобы однозначно распределить все формы глаголов по наклонениям.

2. Семантический критерий требует единого модального значения для всех форм, зачисляемых в одно наклонение. Такому условию отвечают формы двух японских времен: *taberu* и *tabeta*; они принадлежат к одному наклонению, но к двум разным временам, т. е. к двум разным грамматическим категориям. Но причислять их к разным модальным категориям нет оснований. Ошибку противоположного характера совершают те, кто относит отрицательные синтетические формы японских глаголов к тому же наклонению, что и положительные: *tor-u* 'беру' ('берет' и т. п.) и *tor-a-na-i* 'не беру' ('не берет' и т. п.) считают соответственно положительной и отрицательной формами одного и того же изъявительного наклонения. Такой точки зрения придерживается большинство грамматистов (в том числе и Р. Э. Миллер, поскольку среди его «десяти модальных категорий» отрицательных форм нет), поэтому разбор ее имеет большое значение.

Прежде всего следует отметить, что для отнесения обеих форм к одному наклонению не хватает морфоло-

гической общности — единой морфемы наклонения: у *tor-u* и *tor-a-na-i* общим оказывается только корень предшествующего времени *tor-* (корень предшествующего — *tot-*) и нулевой показатель действительного залога. Кроме того, обе формы принадлежат еще к одной категории — они являются конечными формами, т. е. могут быть сказуемыми главных и придаточных определительных предложений (а также придаточных, замыкаемых союзами). Это значение выражается флексией *-u* в *tor-u* и флексией *i* в *tor-a-na-i*. В западной ветви японского языка отрицательной формой служит *tor-a-n-u*, где есть та же конечная морфема *-u*, что и в *tor-u*. Однако ее значение — указание на конечную синтаксическую позицию глагола — еще не сочеталось в старояпонском языке со значением изъявительного наклонения, так как были и другие наклонения с флексией *-u*. Лишь после выхода из употребления одних из них (с суффиксом *-gam-*, например) и фонетического видоизменения других (в частности, перехода формы на *-a-m-u* в форму на *-o*: вероятно-пригласительного наклонения) обе оставшиеся формы приобрели значение категоричности. Точнее говоря, это значение, которое было у них и раньше, стало возможным приписывать флексии *-u*.

Следующий шаг — утрата *-u* в отрицательной форме ряда диалектов, что было обусловлено, видимо, не фонетическими, а морфологическими причинами: форма типа *toranu* превратилась в *toran*. Таким образом, *-u* осталось формантом только изъявительного наклонения предшествующего времени (в предшествующем времени с отпадением конечного *-ru* в форме типа *tottaru* формант изъявительного наклонения стал нулевым). Возникшее противоречие между *-u* в утвердительной и *-u* в отрицательной формах оказалось ликвидированным: *o-Miyo ya o-Hide-o, yobi-ni yaran ka ... Yotte yoban* (Sh, 288) 'Не послать ли [кого-нибудь] позвать о-Миё и о-Хидэ?.. Поэтому [я его] не позвал'.

В восточной ветви вместо *toranu* выступает форма типа *tor-a-na-i*, которая имеет окончание прилагательного *-i* (ср. отрицательное прилагательное *na-i* 'нет', 'не имеется'). Однако форма с суффиксом *-mas-*, выражающая вежливость по отношению к собеседнику, в отрицательном наклонении оканчивается не на *-nai*, а на *-n*, что является нормой национального языка, появившейся под

влиянием западного диалекта. В памятниках конца XVIII в. встречается и форма на *-masene:/maschine:* (из *-masenai*), но она уже тогда была диалектизмом: *Do:ka shirimashine:* (Sh, 331) 'Совсем не знаю' (диалект Каруидзава). Формы на *-masenu* и на *-masen* встречались на равных правах. Ср.: *Kawasan-wa o-ide-nasaremasenu ka* (Sh, 283) 'А г-н Кава не пришел?' и *Kaerimasen kara...* (там же) 'Так как [еще] не вернулся...'

В восточных диалектах, имеющих форму типа *tor-a-na-i*, флексия *-i* приобретает и значение изъявительного наклонения, т. е. категорического утверждения наличия данного процесса. В тех диалектах западной ветви, где *-i* в форме *toranu* сохранилось, разница между формой изъявительного наклонения и формой отрицательного того же залога заключается в наличии у формы отрицательного наклонения формантов *-a-n-*, т. е. показатель изъявительного наклонения остается нулевым.

Как бы то ни было, выходит, что общего модального показателя утвердительная и отрицательная формы не имеют. Исходя из морфологического критерия, их нельзя относить к одному наклонению.

Ну, а семантически — можно ли утверждать, что категорическое отрицание и категорическое утверждение — это одно и то же значение? Разумеется, нет. В русском, немецком и ряде других языков отрицание выражается особой частицей, а не синтетической глагольной формой. Русское *не* может относиться не только к глаголу, но и к любой другой части речи и, следовательно, *не беру* в части отрицания не представляет собой ничего специфически глагольного.

Но тут возникает два вопроса: а) как значение изъявительного наклонения выражено в русском языке морфологически? и б) если *беру* выражает утверждение, то как эта форма может сочетаться с *не*, выражающим прямо противоположное значение?

Большинство русистов уклоняется от ответа на первый вопрос. В академической грамматике говорится: «Изъявительное наклонение выражается в формах настоящего, прошедшего или будущего времени» [6, 474]. Но так как единой служебной морфемы эти три формы не имеют, выходит, что одно наклонение выражается в разных временах по-разному, тем же, чем выражаются и времена, противопоставленные по значению.

На второй вопрос дается следующий ответ: «Изывательное наклонение обозначает действие как реальное: оно устанавливает наличие действия (в настоящем, прошедшем или будущем времени) или же отрицает его наличие; в последнем случае глагольной форме наклонения предшествует отрицательная частица *не* (в некоторых синтаксических конструкциях *ни*). Отрицание наличия действия не изменяет значения изъявительного наклонения, так как и в этом случае говорится о реальном, наличествующем явлении, факте — об отсутствии действия...» [6, 473—474]. Такое объяснение подгоняется к фактам русского языка и других языков, в которых отрицание выражается частицей, и действительно должно было бы интерпретировать только их. Но преподносится оно в общей форме; на него ссылаются как на положение общего языкознания, универсалию. Между тем существование языков, в которых наличие и отсутствие процесса обозначаются разными синтетическими формами, не так, как отрицание имен, побуждает нас уточнить объяснение академической грамматики.

Прежде всего обратим внимание на выражения типа *Kami-wa aru* 'Бумага есть' и *Kami-wa nai* 'Бумаги нет'. В выражении чистого наличия или отсутствия и в русском и в новояпонском языках используются разные слова [ср. *ar-u* (глагол) — *есть, имеется* и *na-i* (прилагательное) — *нет, не имеется*]. В новояпонском языке нет формы отрицательного наклонения от глагола *ar-u* (кроме вежливой формы *ar-i-mas-e-n*), хотя в старояпонском языке помимо отрицательного прилагательного *na-shi* была и форма *ar-a-zu* 'не имеется'. Как бы то ни было, ни в русском, ни в японском языке наличие и отсутствие не приравниваются одно к другому.

Но, может быть, в русском и японском языках изъявительное наклонение имеет разные значения. — более широкое в русском и более узкое в японском? Ведь эти наклонения входят в разные системы наклонений! Думаю все же, что утверждение (а не «установление», как сказано в академической грамматике) является самой распространенной модальностью во всех языках. Частотность форм изъявительного наклонения в потоке речи, сочетаемость их с модальными частицами, синтаксические позиции, в которых они употребляются, встречаемость их в речи о разных отрезках объективного време-

ни (чаще всего в речи о будущем) могут быть в разных языках неодинаковыми, но модальное значение их — при отсутствии в предложении всяких модальных частиц и слов — должно быть весьма близким.

Акад. В. В. Виноградов писал: «...так называемое „изъявительное наклонение“ это — нулевая, негативная грамматическая категория. Изъявительное наклонение служит для простого констатирования, утверждения или отрицания действия...» [4, 587]. Эта формулировка показывает, что В. В. Виноградов считал нужным объяснить, как изъявительное наклонение служит для выражения противоположных значений — утверждения и отрицания. Он искал выход в том, что считал его, вслед за А. М. Пешковским [см. 14, 354], нулевой (в семантическом смысле) категорией. {Думается, что словом «негативный» эта категория характеризовалась им с морфологической стороны (см. ниже), что, конечно, следовало бы разъяснить.} В действительности же изъявительное наклонение в повествовательном предложении без модальных частиц и вопросительной интонации всегда выражает только утверждение. Отрицание В. В. Виноградов считал (с полным основанием) модальностью: «...выражение модальных оттенков действия переносится на модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения (ср., например, отрицательные модальные частицы и наречия: *вовсе не, отнюдь не, совсем не...* и т. п.)» [4, 587].

А. М. Пешковский считал «нулевой категорией» не только изъявительное наклонение, но и утверждение: «Нулевой категорией к категории отрицания служит категория утверждения, не имеющая, как и большая часть нулевых категорий, собственных средств выражения... Предложения, не заключающие в себе отрицательных членов, сознаются как утвердительные» [14, 354]. Иначе говоря, А. М. Пешковский, исходя из русского языка, подходил к утверждению и отрицанию синтаксически, а не морфологически, как должны подходить японисты. Ни утверждение, ни отрицание он не называет грамматической (у него «формальной») категорией. Противопоставляя утвердительные предложения вопросительным, восклицательным и повелительным, он говорит о повествовании: «Категория „повествования“ является нулевой категорией по отношению к остальным

и соответственно не имеет особых средств выражения» [14, 356]. Но у него есть и прямое высказывание об изъявительном наклонении: «Изъявительное наклонение, например, есть, в сущности, „нулевое“ наклонение» [14, 58]; «...самое отсутствие значения создает здесь своего рода значение» (там же). Думается, что значение выражается не «отсутствием значения», а отсутствием показателя отрицания или другого наклонения, что признавал и сам А. М. Пешковский (см. цитату выше).

Однако в другом месте А. М. Пешковский пишет: «*у* в слове *веду* обозначает и лицо, и число, и время, и наклонение, и часть речи...» [14, 49]. Сходную точку зрения выражает и М. М. Гухман: «...русский форматив *-ю* в глагольной форме *чита-ю* совмещает в себе граммы: 1-е лицо, единственное число, настоящее время, изъявительное наклонение, действительный залог...» [7, 167]. С этим положением трудно согласиться: налицо неоправданное преувеличение многозначности русских флексий. Значение действительного залога свойственно всем формам глагола *читать*, в том числе и инфинитиву, а не только настоящему времени. Естественно, что значение, встречающееся чаще других (например, значение действительного залога по сравнению со значением страдательного, изъявительного наклонения прошедшего времени по сравнению с сослагательным), выражается самым экономным образом — отсутствием форманта, который выражает значение формы (например, пассива или сослагательного наклонения), противопоставленной данной в системе. Вот почему В. В. Виноградов назвал изъявительное наклонение негативной категорией. Оно негативно в морфологическом смысле, т. е. лишено форманта другого наклонения.

Настоящее время глаголов выражается в русском языке (как и в японском) не окончанием, а основой (*вед-*, *читай-* в отличие от основы прошедшего *вел*, *читал*). Никакого форманта *-ю*, разумеется, не существует: *-й* относится к основе, а *-у* — флексия 1-го лица единственного числа [см. 4, 590].

Труднее установить, чем же выражается изъявительное наклонение. Если сказать, что нулевым формантом, то чем же тогда выражается повелительное? В форме *читай!* скорее можно обнаружить нулевой показатель (+ повелительная интонация), чем в форме *читай-у*.

Думается, что в русском спряжении функционируют не только обычные и нулевые форманты, но и отрицательные величины — отсутствие определенного форманта. Так, *бер-ешь* отличается от *бер-и* отсутствием *и*, а *брал* от *брал бы* — отсутствием *бы*. Тогда получается, что *читай-у* отличается от *читай!* отсутствием нулевого форманта императива (и повелительной интонации). От отрицательного *не берешь* утвердительное *берешь* отличается отсутствием *не*, на что указывал еще А. М. Пешковский. Выходит, что изъявительное наклонение в русском (как и в старояпонском) языке оказывается морфологически немаркированной категорией. Но это не то же самое, что и семантический нуль. Противопоставление изъявительное наклонение — повелительное наклонение вовсе не является привативным.

Когда Н. С. Трубецкой ввел различие привативных оппозиций (с маркированным и немаркированным членами) и эквиполентных (равнозначных) оппозиций, «оба члена которых логически равноправны» [21, 82—83], он имел дело с фонемами и их дифференциальными признаками, которые в отличие от грамматических форм, взятые изолированно, не обладают значением. Если переносить, как это делают структуралисты, понятия привативности и эквиполентности на грамматические оппозиции, мы можем обнаружить формы, различающиеся наличием/отсутствием какой-либо служебной морфемы. Так, английские *book* : *book-s* с этой чисто морфологической точки зрения можно считать привативной оппозицией, а русские *книг-а* (ед. ч.) : *книг-и* (мн. ч.) — эквиполентной оппозицией. Но отсюда еще нельзя делать вывод о том, что единичность (или нерасчлененность по Исаченко), выражаемая нулевым суффиксом или отсутствием показателя множественности, является нулевой категорией и семантически. Семантическим нулем можно считать лишь отсутствие различения по данному признаку. Так, имена в новояпонском языке очень редко получают суффикс множественности. Имя без этого суффикса может обозначать в контексте как единичный предмет, так и ряд их. Оппозицию японское имя с суффиксом (обозначающим множественность) : то же имя без суффикса (могущее обозначать как один предмет, так и множество их) можно назвать привативной (как морфологически, так и семантически). Но оппозицию в том же языке *watashi*

'я': *watashi-domo* 'мы' следует, мне кажется, считать семантически эквиполентной, поскольку личное местоимение без суффикса всегда имеет значение единственного числа. Это значит, что личные местоимения в новояпонском языке имеют категории единственного и множественного числа, а имена — нет. Привативной является и оппозиция «невидовая форма (*mi-r-u*): длительный вид (*mi-t-e i-r-u*)».

В отличие от числа имен категория того или иного наклонения присуща всем японским глаголам (в особенности в позиции заключительного сказуемого). Несмотря на обилие наклонений в японском языке, самым употребительным из них остается изъявительное (см. ниже, п. 5).

Есть все основания считать изъявительное наклонение центром системы наклонений во всех языках, где она имеется¹.

Надо иметь в виду, что, применяя различные критерии для установления того, является ли та или иная форма особым наклонением данного языка в определенный период его развития, мы часто сталкиваемся с таким фактом, когда форма отвечает одному критерию, но не отвечает другому. Так, долженствовательная конструкция удовлетворяет требованиям семантического критерия, но не удовлетворяет требованиям морфологического. Уступительная срединная форма *yom-e-do* 'хотя и читает (читал)', 'если даже читает (читал)', напротив, является особой синтетической формой. Стало быть, в морфологическом плане возражений против отнесения ее к особому наклонению нет. Но семантический подход требует, чтобы она выражала особую модальность. На деле же речь может идти только о выражении особой связи между предложениями (уступительной), т. е. о значении по нашей мерке союзном. Говоря *yomedo* 'хотя и читает', мы утверждаем, что действие совершается, т. е. модальность остается изъявительной. Конечная позиция сказуемого (в том числе и придаточного предложе-

¹ См. статью В. В. Виноградова, в которой критикуется «выведение за пределы категории модальности предложений, содержащих формы изъявительного наклонения...» [3, 43]. См. также статью Б. А. Успенского, который пишет: «Если в языке имеется дифференциация по наклонениям, то в нем есть изъявительное наклонение» [22, 15]. Это положение считается универсальной.

ния) и преобладание синтетизма в японском языке привели к тому, что связь между предложениями (как и в других алтайских языках) нередко выражается формой сказуемого придаточного предложения. Вспомним, что многие союзы как в японском, так и в других языках возникли относительно недавно. Однако пикто не считает, что *aru to*, вытесняющее *areba* 'если (когда) есть', является аналитической формой условного наклонения. Столь же мало оснований считать *yonde-mo* формой уступительного наклонения.

Краткий обзор взглядов русистов на отрицание показывает, что:

1) отрицание считается особой категорией (Пешковский);

2) отрицание считается особой модальностью (Виноградов);

3) признается принципиальная возможность существования таких языков, в которых есть отрицательное наклонение (к ним причисляется английский ²);

4) констатируется, что в русском языке отрицательного наклонения нет, поскольку отсутствует особая синтетическая форма с таким значением.

Состав форм наклонений в русском языке является сравнительно бедным [см. 4, 583]. Все богатство модальных оттенков русских предложений выражается большим числом различных модальных слов, частиц, глаголов, интонациями и другими не морфологическими средствами. Следовательно, русская система наклонений (как и столь же бедная морфологически английская) не может служить каким-то эталоном (ни эксплицитно, ни имплицитно) при суждении о наклонениях языков с большим числом синтетических модальных форм.

Японские синтетические отрицательные формы вполне логично считать принадлежащими к особому наклонению. Отсутствие отрицательного наклонения в славянских языках не может служить каким-либо аргументом против этого, тем более что определения, которые русисты дают наклонению вообще, полностью применимы и к японскому отрицательному наклонению.

² «Уже А. А. Шахматов указывал на то, что в русском языке с формами изъявительного наклонения сливаются отрицательное „наклонение“ (ср. в английском языке), а также „вопросительное и восклицательное наклонения“...» [3, 50].

3. Существенным является также синтаксический критерий: все формы, принадлежащие к разным наклонениям, надо сравнивать в одинаковой синтаксической позиции — прежде всего там, где встречается максимальное число наклонений, — в заключительном (или единственном) сказуемом главного (или простого) предложения. Иначе возникает опасность принять за самостоятельное наклонение форму, которая находится в отношении дополнительной дистрибуции к конечной форме того или иного наклонения, т. е. является его срединной формой. Правда, положение осложняется тем, что эти срединные формы нередко отягощены дополнительными грамматическими значениями, которые и принимаются обычно за семантику особых наклонений. Но вместе с тем в срединной позиции различается меньшее количество модальных синтетических форм, чем в конечной. Тенденция развития этих форм заключается во все большем сокращении их числа, в особенности за последние 200—300 лет. Однако противопоставление позитивных и негативных форм сохраняется и здесь:

Позитивные

Утвердительные

tor-i[-nagara] 'беря', *totte*
'взяв'

Желательные

tor-i-ta-ku[-te] 'желая взять'

Негативные

Отрицательные

tor-a-ide, tor-a-zu-ni, tor-a-na-ku[-te], tor-a-na-i-de 'не беря'

Нежелательные

tor-i-ta-ku-na-ku[-te] 'не желая взять'

Повелительное и запретительное наклонения не имеют срединных форм. В новояпонском языке исчезает срединная форма дубитативного наклонения на *-majiku*, как не противопоставленная отсутствующей срединной соединительной форме вероятного наклонения. Я нашел крайне редкий пример, в котором делается попытка выразить срединность дубитативной формы иначе: *Nanji-wa wodjigo-wo shirumaizu, mata wo-yado-woto woshiyete yaranu ni yotte...* (К, 335) 'Так как ты вряд ли знаешь дядюшку [в лицо] и [я] не растолковал тебе даже его адреса (букв. дома)...'. Здесь срединность выражена агглютинативно, путем добавления форманта срединной

формы отрицательного наклонения *-zu* к конечной форме дубитативного наклонения на *-mai*, которая тем самым понимается говорящим как неизменяемая. Думается, что такая сложная форма не была нормой и в XVII в., так как прибавление отрицательного *-zu* должно было бы дать двойное отрицание, т. е. выразить утверждение (долженствование), чего в данном примере нет. Но спорадическое возникновение такой редкой формы говорит об исчезновении срединной формы на *-majiki* в живой речи Западной Японии к XVII в.

Положительные срединные формы типа *tori* и *totte* также не были противопоставлены срединной соединительной форме вероятного наклонения даже в древнеяпонском языке. Видимо, это повлияло и на определительную позицию, в которой формы вероятного наклонения постепенно уступили свое место изъявительным. В современном языке в определительной позиции редко встречаются и формы желательного наклонения и совсем исчезли формы дубитативного, уступившие свое место отрицательным. Таким образом, в позиции определения к знаменательному слову или перед союзными словами практически встречаются лишь формы изъявительного и отрицательного наклонений обоих времен (перед именными концовками и союзами типа *-ga* 'но', 'и' форм разных наклонений несколько больше).

Стало быть, для исследования морфологических средств выражения модальности в новояпонском языке синтаксическая позиция форм играет огромную роль. Это тем более важно подчеркнуть, что при переходе к новояпонскому языку заключительные формы глаголов и прилагательных были вытеснены определительными [за исключением дубитативной формы на *-maji*, которая была в старом языке заключительной. Превратившись в *-mai*, она не стала употребляться в определительной позиции, хотя старая определительная форма на *-majii* (из *-majiki*) вышла из употребления в XVIII в.]. Можно было ожидать, что набор форм, применяющихся в обоих позициях, тем самым будет унифицирован. Однако этого не произошло: в позиции определения количество форм разных наклонений стало меньшим по сравнению с формами в срединной и в особенности в заключительной позиции.

После такого общего обзора обратимся к срединным

формам с условно-временным (и иногда и причинным) значением. Являются ли они формами особого условного наклонения или нет? Сначала рассмотрим их состав и тенденции развития на протяжении около 400 лет документированной истории новояпонского языка. Оказывается прежде всего, что они в XVI—XVIII вв. различались между собой по наклонениям:

	Изъявительные	Предположительные
	1-е спряжение	
Одновременные	<i>tor-e-ba</i> 'если (когда) брал (берет)'	<i>tor-a-ba</i> 'если возьмет (берет)'
Предшествующие	<i>tot-tar-e-ba</i> 'если (так как) брал'	<i>tot-tar-a-ba</i> 'если брал (возьмет)'
	2-е спряжение	
Одновременные	<i>mi-r-e-ba</i> 'если (когда) видит (видел)'	<i>mi-ba</i> 'если видит (увидит)'
Предшествующие	<i>mi-tar-e-ba</i> 'если (так как) видел'	<i>mi-tar-a-ba</i> 'если видел (увидит)'

Форма на *-e-ba* образуется одинаково от глаголов всех спряжений. Это придает ей большую устойчивость. Значение условно-временно-причинной связи со следующим (главным) сказуемым сообщает всем четырем формам суффикс *-ba* (соответствует монгольскому *-басу/бал* [см. 16, 240]). Подобные формы называются в нашем монголоведении и тунгусоведении условными деепричастиями [см. 17, 298—304]. Четкое морфологическое отличие срединных сказуемых от конечных является одной из важных черт, типологически сближающих между собой алтайские языки. Думается, что сходные грамматические явления надо и трактовать одинаково.

Существование различий между четырьмя условно-временными деепричастиями является характерной особенностью японского языка. Они могут быть сказуемыми как к подлежащему главного предложения, так и к особому, своему подлежащему. Этим японские деепричастия отличаются, например, от материально близких нанайских, которые могут иметь только общее подлежащее со сказуемым главного предложения [см. 1, 152].

Характерно, что японский язык, не различающий чисел в глаголах, имеет суффикс *-ba*, соответствующий суффиксу множественного числа нанайского условного деепричастия на *-пару* [см. 1, 152].

Есть и другие форманты деепричастий, сходные с формантами алтайских языков: японский суффикс деепричастия одновременности *-nagara* соответствует эвенкийскому *-ни:ка:н*, негидальскому *-нахан* — суффиксам такого же деепричастия [15, 746]. Частица *то* 'и', 'также', употребляющаяся в японской уступительной конструкции в значении 'даже', 'хотя', соответствует древнетюркской частице *та/те* 'и', 'также', 'тоже', 'даже', уйгурской уступительной энклитике *ти* (ср. эвенкийское *мотон* 'даже').

Типологическая близость японских деепричастий к соответствующим деепричастиям других алтайских языков объясняется их общим происхождением, материальным единством.

В парах *tor-e-ba : tot-tar-e-ba*, *tor-a-ba : tot-tar-a-ba* первая форма отличалась от второй отсутствием форманта предшествующего времени *-tar-*. *Tor-e-ba* отличалась от *tot-tar-e-ba* по относительному времени. По модальности они не различались. Иначе обстояло дело с формами *tor-e-ba : tor-a-ba* в непредшествующем времени и с формами *tot-tar-e-ba : tot-tar-a-ba* в предшествующем. Их отличие заключалось именно в модальности [см. 20]. При этом модальность форм типа *tor-e-ba* и *tot-tar-e-ba* была изъявительной, а модальность форм типа *tor-a-ba* и *tot-tar-a-ba* — предположительной. Следовательно, они принадлежали к двум разным наклонениям.

Распространенная ошибка в трактовке этих форм заключалась в том, что их модальности, выражающие разные отношения процесса к действительности, понимались как различные связи между предложениями (соответственно рсальная и гипотетическая). В действительности же связь при условных деепричастиях обоих наклонений одинаково категорична: *Kana-ga araba koko-e dase* (Sh, 171) 'Если [у тебя] есть деньги, давай сюда!' (говорящий точно не знает, есть ли деньги на самом деле, но если есть, собеседник непременно должен отдать их). [Пример на *-eba* (из К, 321) см. в § 6.]

В связи с общей тенденцией к исчезновению противопоставления изъявительных и предположительных форм не в заключительной позиции, проявившейся во втором периоде развития новояпонского языка (в XVIII в.), форма типа *tor-a-ba* уступила свое место форме типа *tor-e-ba*. С другой стороны, тенденция к аналитизму в

связи с уточнением значения форм ведет к замене и деепричастия типа *toleba* конструкцией типа *toru to/toru para* с условно-временным значением или конструкцией типа *toru kara* с причинным значением. Тем самым модальность (изъявительная) и связь между предложениями морфологически разграничиваются: связь выражается союзом, модальность — формой изъявительного наклонения.

Аналогичное развитие (сокращение числа форм) претерпевают и уступительные деепричастия в XVIII—XIX вв. [см. 20].

Думается, что как синтаксический, так и морфологический и семантический критерии заставляют нас отвергнуть мысль о наличии в японском языке условного и уступительного наклонений.

4. Еще одним критерием установления наклонений является факт образования их форм от всех глаголов, что можно назвать критерием тотальности. Если же какая-то форма образуется только от части глаголов, например, потенциальная форма типа *tor-e-r-u* 'мочь ловиться' (о рыбе и т. п.), которая образуется только от глаголов 1-го спряжения, то ее принадлежность к системе наклонений, образуемых от всех без исключения глаголов, может быть поставлена под сомнение. В данном случае форма типа *tor-e-r-u* образуется путем перевода глагола 1-го спряжения (т. е. с корнем на согласный) в глагол 2-го спряжения при помощи форманта *-e-[+r-u]*. Видимо, глаголы 2-го спряжения, уже имеющие основы на *-e* или на *-i*, не могут вторично принимать формальный показатель 2-го спряжения. Кроме того, эта форма появляется лишь в XVI в. и скорее всего является сокращением пассивной: *tor-e-r-u* из *tor-ar-e-r-u*. Оттенок потенциальности свойствен и полной форме страдательного залога. Еще одним доказательством является структура предложения: при сказуемом в форме типа *tor-er-u* подлежащее, обозначающее объект, ставится преимущественно в именительном (или выделительном) падеже, как и сказуемое в страдательном залоге: *Kataki-no arika-wa shirenu kai* (Sh, 233) 'Местонахождение врага [ты] ведь не можешь знать?'

5. Наконец, самым очевидным является критерий системности: если формы, удовлетворяющие другим

критериям, занимают место в системе, отличаясь от других наклонений по тем же дифференциальным семантическим признакам, что и все остальные, значит, они являются особым наклонением. Такими дифференциальными признаками для новояпонского языка являются прежде всего:

- а) позитивность/негативность;
- б) категоричность/некатегоричность.

Наклонения

Позитивные

Негативные

	Категорические	
Изъявительное <i>tor-u, mi-r-u</i>		Отрицательное (зап.) <i>tor-a-nu, mi-nu</i> (вост.) <i>tor-a-na-i, mi-na-i</i>
Повелительное <i>tor-e, (зап.) mi-yo</i> (вост.) <i>mi-ro</i>		Запретительное <i>tor-u-na, mi-r-u-na</i> <i>mi-na</i> (прост.)
Желательное <i>tor-i-ta-i, mi-ta-i</i>		Нежелательное (зап.) <i>tor-i-to-mo-na-i</i> (вост.) <i>tor-i-ta-ku-na-i,</i> (зап.) <i>mi-to-mo-na-i</i> (вост.) <i>mi-ta-ku-na-i</i>
	Некатегорические	
Пригласительное <i>tor-o:, mi-yo:</i>		Дубитативное <i>tor-u-mai, mi-mai</i>
Желательно-вероятное (зап.) <i>tor-i-to-mo-ar-o</i> (вост.) <i>tor-i-ta-k-ar-o:,</i> (зап.) <i>mi-to-mo-ar-o:</i> (вост.) <i>mi-ta-k-ar-o:</i>		Нежелательно-вероятное (зап.) <i>tor-i-to-mo-na-k-ar-o:</i> (вост.) <i>tor-i-ta-ku-na-k-ar-o:,</i> (зап.) <i>mi-to-mo-na-k-ar-o:</i> (вост.) <i>mi-ta-ku-na-k-ar-o:</i>

Примечания: 1) в таблице приведены только простые (не вежливые) формы; 2) долгота *-o:* в формах некатегорических наклонений была факультативной; в текстах также свободно чередуются нежелательные и желательно-вероятные формы (с *-to-mo* и с *-to:-mo*).

Если подвергнуть морфологическому анализу каждую пару, состоящую из позитивного и противопоставленного ему негативного наклонения (прямо противоположного по одному из дифференциальных признаков), легко заметить, что негативность в каждом наклонении выражена иначе. Общего форманта негативности, а стало быть, и общей грамматической категории нет.

У пар, состоящих из синтетических форм (как чисто флективных, так и с агглютинативным суффиксом *-na*

или *-tai*), общим является только корень, имеющий свое лексическое значение, а также грамматическое значение непредшествующего времени [см. 18, 84]. Ср. *беру* и *не беру* (в русском языке) с *tor-u* и *tor-a-nu/tor-a-na-i* (в японском). Морфологическая идентичность русского *беру* в обоих случаях несомненна. Очевидно и морфологическое свособразие японской формы отрицательного наклонения, которая не является производной от утвердительной формы. Столь же резкое различие обнаруживается и между *tor-e* 'бери' и *tor-u-na* 'не бери'. Хотя этимологически близость форманта запретительности *-na* к *-n-* в отрицательной форме западных диалектов типа *tor-a-nu* 'не беру' (и еще в большей мере к *-na-* в отрицательной форме восточных диалектов типа *tor-a-na-i*) вполне вероятна, отличие отрицательных форм от запретительных заключается еще и в разных способах присоединения их формантов к глаголу. Отрицательные формы являются чисто флективными (так как основа типа *tor-a-* самостоятельно никогда не употреблялась), а запретительные — агглютинативными.

Видимо, исходя из этих различий, проф. Е. М. Колпакчи совершенно правильно выделила: изъявительное и отрицательное, повелительное и запретительное, вероятное и отрицательно-вероятное (дубитативное) наклонения [см. 9]. Правда, к желательному наклонению она не выделила негативного аналога.

Появление форманта *-ta-ki/-ta-shi*, выражающего желательность (желание субъекта, о котором говорится в предложении, совершить действие самому), относится к XIII в. [см. 9, 156], т. е. уже к среднеяпонскому языку. Полнозначного слова, от которого мог бы произойти этот формант, в японском языке не обнаружено. Формально слово с *-ta-ki* трактуется как прилагательное (среднеяпонское *-ta-ki* — определительная форма, *-ta-shi* — заключительная форма), но прилагательные с односложным корнем в японском языке можно пересчитать по пальцам. Кроме того, если бы *-ta-ki* восходило к прилагательному, *-t-* должно было бы озвончаться (ср. *kata-ki* 'трудный' — *yomigataki* 'трудно читаемый'). Озвончению не подвергается лишь второй корень сложного глагола, присоединяемый ко 2-й основе, как и *-taki*. Следовательно, суффикс *-taki* должен восходить к глаголу с корнем **taki*, чье исходное *-ki* было отождествлено с

формантом определительной формы прилагательных *-ki* (ср. древнетюркское *-ki* — суффикс прилагательных времени, места), заменявшимся в заключительной форме на *-shi*. И действительно, в индонезийском языке находим глагол *tagih* 'сильно хотеть', в языке сунда *daek* 'хотеть' (см. 13, 64). Можно полагать, что этот формант проник в литературный язык из диалектов, испытавших влияние малайского субстрата, во время войн XIII в.

Возможно, проф. Колпакчи не сочла пужным выделить особое нежелательное наклонение потому, что оно образуется аналитически, в то время как все остальные негативные наклонения синтетичны. Но основным признаком каждого негативного наклонения (как видно из списка их форм, приведенного выше) является не синтетичность, а неповторимость морфологической структуры — выражение негативности особым образом. Выделяемое мною здесь нежелательное наклонение отвечает этому требованию. Известно, что аналитической формой какой-либо грамматической категории можно считать сочетание таких слов и частиц, которые, хотя и встречаются порознь, но в данном составе занимают полноправное место среди других — синтетических — форм (ср. в русском языке: *писал, пишу, буду писать; пишешь, пиши; писал, писал бы*).

Структуру системы категорических позитивных и негативных наклонений см. на схеме 1.

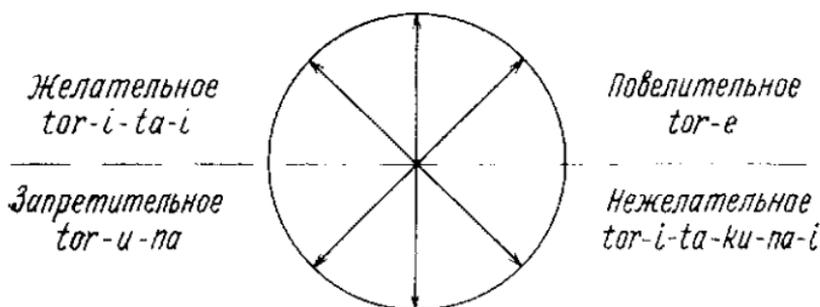
Наряду с позитивностью/негативностью существенным дифференциальным признаком наклонений является категоричность/некатегоричность. Деление на категорические и некатегорические формы имеется у Н. И. Фельдман [см. 23, 851].

Однако все следующие формы она относит к одному изъявительному наклонению: *тобу* 'летает', *тобанай* 'не летает' — категорические формы; *тобо*: 'вероятно, летает (будет летать)', *тобумай*, *тобанай дэсэ*: 'вероятно, не летает (не будет летать)' — некатегорические формы [см. 23, 851]. Но при такой трактовке модальные значения форм одного изъявительного наклонения оказываются разными. Эти формы не обладают и морфологическим единством. Предложенные выше морфологический и семантический критерии, не говоря уже о критерии системности, побуждают относить эти формы к разным наклонениям. При этом некатегорические наклонения составля-

Категорические наклонения

П о з и т и в н ы е

Изыъявительное *tor-u*

Отрицательное *tor-a-nu/tor-a-na-i*

Н е г а т и в н ы е

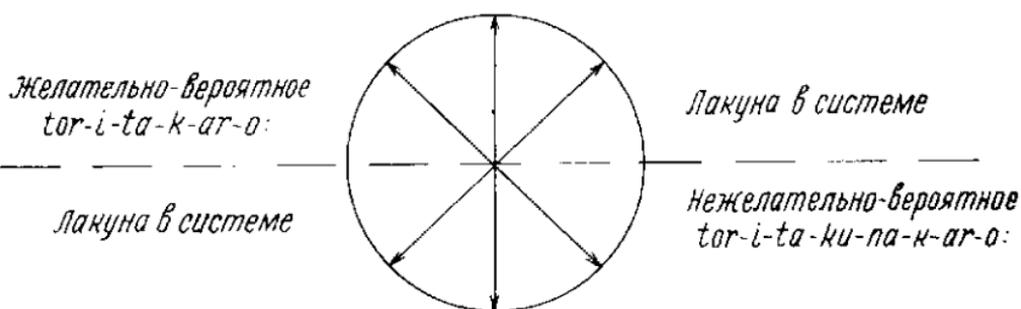
ют свою подсистему, структура которой соответствует структуре категорических наклонений (см. схему 1). Парадигму некатегорических наклонений также можно представить себе графически (схема 2).

Схема 2

Некатегорические наклонения

П о з и т и в н ы е

Вероятно-пригласительное *tor-o:*

Дубитативное *tor-u-tai*

Н е г а т и в н ы е

Таким образом, мы представили себе систему наклонений как два сопряженных циферблата часов. Формы типа *toro*: в процессе исторического развития новояпонского языка движутся «по солнцу» в сторону лакуны, стремясь ее заполнить. Это проявляется в том, что они начинают все чаще выражать пригласительность (предложение совершить совместное действие: «взяли бы мы», «давайте возьмем», «возьмем-ка») или предложение своего действия («возьму-ка», «давайте я возьму»). Больше того, эти формы в XVI—XVIII вв. выражали и более мягкое, чем формы повелительного наклонения, повеление при обращении ко 2-му лицу [см. 19, 244].

Но как же тогда выражается значение «вероятно, возьму»?

Поскольку форма типа *toro*: к XVII в. утратила это значение, на смену приходит конструкция следующего состава: «форма изъявительного наклонения + *-de* (суффикс творительного падежа) + полусвязка вероятного наклонения». Она указывает на то, что инициатива исходит не от деятеля, а от другого лица, чаще всего от собеседника: *Nani-ga sate, taishetsu-ni tsutomuru-de aro*: (K, 233) 'Почему нет,— буду, наверно, старательно нести службу (как ты этого хочешь)'; *Nani-ga sate, miyenu kuni-ye iku-de aro: ga...* (там же) 'Почему же нет, пожалуйста, [я] уеду в провинцию, где [меня] не будут видеть [знакомые] (как ты мне советуешь)'; *Ima-ni mekk'aku-ita-su-de gozaro*: (K, 320) 'Сейчас [он], наверно, погибнет (как это утверждал хозяин)'; *Sate kore-wa, nanto shite kaketa mono-de aro: zo* (K, 348) 'Ну как бы мне ее (петлю) набросить?' (испрашивается совет у собеседника); *Watakushi-no mairu, dewa gozarimasho: ga...* (K, 352) 'Наверное, я пойду (поскольку хозяин берет меня с собой), но...'; *Irai-wa kitto, aratamemasu-de gozarimasho*: (Sh, 174) 'В дальнейшем [мы] непременно исправим [свое поведение]'. В последнем примере имеется модальное слово *kitto* 'непременно'. Казалось бы, оно несовместимо со значением конструкции, если считать, что она выражает вероятность, но в действительности конструкция «форма на *-u* + *-de* + полусвязка вероятного наклонения» имеет другое значение — указывает, что инициатива действия исходит не от деятеля. В речи о 1-м лице это не противоречит категоричности будущего действия, выражаемой модальным словом.

Применяется эта конструкция и в речи о гипотетических, фактически не осуществленных действиях: *Are-de wo-me-ni kakarazu-wa, doko Fo:r'o:-mo no: tazunuru-de gozaro:* (К, 335) 'Если бы [я] не встретил вас там, [я] мог бы спрашивать [о вас] без конца (не правда ли?)'; *Mako-to-ni doko Fo:r'o:-mo no: tazunuru-de aro:* (там же) 'Действительно, [ты] спрашивал бы [обо мне] без конца (как ты и сам думаешь)'

Форма же типа *toro:* применялась для указания на то, что деятель совершает действие сам, без всякого совета или инициативы со стороны: *A: wo-kata-ga itamimasho:* (К, 340) 'Наверное, у вас болит плечо?' (речь о настоящем); *Sadamete Fanamuke-wo sherar'o:* (К, 350) 'Наверное, [он] сделает [тебе] подарок' (речь о будущем); *Sadamete modori-nimo kono tokoro-wo to:rimasho: Fodoni...* (К, 346) 'Так как и на обратном пути [он], наверно, будет проходить здесь...'; *So:sho:-ni tanomo: wo-kata-mo gozarani-ni yotte, nani-tozo konata wo-kudarinasare, so:sho:-wo tsutomete kudasar'o: naraba, katajiken: gozaru* (К, 332) 'Так как [здесь] нет никого, кого [я] мог бы пригласить в председатели [поэтического собрания], приезжайте, пожалуйста, вы; если [вы] исполните обязанности председателя, [я] буду вам очень благодарен'.

Во всех этих примерах речь идет о действиях, зависящих от воли деятеля. Ср.: *Modotte kore-wo mina-no mono-ni misheta naraba, sazo urayamu-de gozaro:* (К, 346) 'Когда [я], вернувшись домой, покажу это всем, [мне], наверное, будут завидовать' (зависть знакомых будет возбуждена говорящим, а не возникнет самопроизвольно); *Sazo r'o:nin-no mono-ga, machikanete iru-de gozaro:* (К, 322) 'Они оба, наверное, заждались [меня]' (действие зависит от говорящего, который долго не возвращался, а не от деятелей).

Как свидетельствуют тексты памятников, конструкция «форма изъявительного наклонения + *-de* + полусвязка вероятного наклонения» распространилась довольно широко уже в XVI в. Пригласительного значения (или значения будущего времени) она не имела. Стало быть, и здесь вытеснение синтетической формы конструкцией связано с уточнением (сужением) значения. Полусвязка в вероятном наклонении в таком сочетании превращается в модальную частицу (ср. образование частицы *by* в русском языке из формы аориста).

Если приведенные выше схемы наклонов не являются надуманными, а отражают их реальную структуру,— сходное явление должно происходить и в противоположном пункте системы: форма дубитативного наклона должна сменяться конструкцией: «отрицательное наклонение + связка вероятного». И действительно, подобная конструкция постепенно распространяется в процессе складывания современного национального языка.

Однако для замены формы на *-mai* конструкцией есть еще одна причина — противоречие между значениями служебных морфем в формах типа *tor-u-mai*.

§ 2. О противоречиях в морфологии наклонов как причине изменений в их системе

Могут ли быть противоречивые формы? Думается, да. В ходе развития языка может случиться так, что форма, даже не имевшая ранее внутренних противоречий, в изменившихся условиях окажется противоречивой. К таким формам относятся все сложные модальные конструкции (типа русской *не беру*, японской *tor-u-de aro*: 'вероятно, возьму', где значение модальной частицы не то, что основной формы), а также модальные формы с агглютинативными суффиксами *-na* и *-mai*. В самом деле, негативное значение обоих суффиксов противоречит утвердительному значению изъявительного наклонения, к форме которого они агглютинируются. А суффикс *-mai*, к тому же, придает глаголу и некатегорическое значение, противоречащее категоричности основы *tor-u-*. Как показано выше, в старописьменном языке такого противоречия не было, поскольку флексия *-u* обозначала не модальность, а заключительность — синтаксическую позицию глагола. Оно возникло лишь в системе новояпонских наклонов. Как же язык разрешает это противоречие?

В разных диалектах форма на *-mai* образуется по-разному: «В Сидзуока *mai* присоединяется всюду к 1-й основе глагола. Так что наряду с *mimai* будет и *toramai*, *aramai*, *semmai*» [11, 191]. Противоречие здесь разрешено морфологическим путем: *-mai* присоединяется к той же основе, что и форманты отрицательного наклонения. Таким образом, противоречия между модальными значениями основы и суффикса *-mai* в диалекте Сидзуока уже

нет. Негативное значение обоих находится в соответствии.

К отрицательной основе глаголов 2-го спряжения и неправильных глаголов *-mai* присоединяется, начиная с XVI в.: *Sono tei-dewa ikaremai to womo:te...* (К, 326) '[Я] думаю, что в таком состоянии [ты] не сможешь пойти...' [другие примеры см. 19, 240]. Сначала такое образование считалось вульгаризмом, но потом стало нормой.

В то же время появился и новый способ образования запретительной формы: *-na* стало присоединяться к 1-й основе глаголов 2-го спряжения. Возникновение этого способа можно объяснить стремлением изжить противоречие между утвердительным значением формы на *-u* и негативным значением запрещения³.

Другой способ непротиворечиво выразить запрещение состоит в замене формы на *-u* + *-na* конструкцией «отрицательное деепричастие спрягаемого глагола + повелительное наклонение служебного глагола», например: *toranaide kure, toranaide kudasai* 'не берите мне' (современный язык) вместо *totte kure[ru]na, totte kudasaruna*. Это можно назвать синтаксическим способом преодоления противоречия. Правда, такие конструкции образуются лишь при более или менее вежливой речи. Но в диалогах (в художественной литературе) они явно преобладают над «грубой» синтетической формой.

Форма на *-mai* также вытесняется конструкцией [типа *toranu-de aro: /toranai-daro:(desho:)*].

Форма на *-mai* в речи о будущем была вытеснена также формой отрицательного наклонения (без связки) во всех случаях, когда она обозначала действия, совершенные которых в будущем отрицалось категорически. Дело в том, что в старояпонском языке и в первый период развития новояпонского все будущие процессы обозначались формами некатегорических наклонений (позитивные — формами вероятного, негативные — формами дубитативного). Но затем происходит дифференциация. Формы некатегорических наклонений сохраняются лишь в речи о действиях, наступление которых является про-

³ Примеры см. в моей работе [19, 249]. Правда, формы типа *mina* 'не смотри' не стали нормой национального языка, так как форма запретительного наклонения менее противоречива, чем форма дубитативного наклонения (она также категорична, как и форма изъявительного).

блематичным. Те же процессы, которые наступят непременно (например, восход солнца и т. п.), начинают обозначаться формами изъявительного наклонения, а те, которые безусловно не наступят, — формами отрицательного.

Почему могло произойти такое изменение? Во-первых, на речь о будущем влияла речь о настоящем и прошлом, где уже давно имело место такое различие. Во-вторых, такое изменение в употреблении (а стало быть, и в частотности форм в потоке речи) связано с серьезным изменением в сознании — понимание будущего как только предполагаемого (что наблюдается во многих языках) сменяется дифференциацией грядущих событий на достоверные и только вероятные. В-третьих, тут сыграло роль и вытеснение заключительных форм определительными: в старояпонском языке в речи о будущем категорические наклонения в заключительной позиции почти не употреблялись [см. 9, 93 и 153]. Но в определительной позиции они встречаются еще в древнеяпонском языке (о чем Е. М. Колпакчи не упомянула, видимо, относя употребление форм в определительной позиции к синтаксису): *Ama töbi ya, töri-ni mogamo ya, minako-made, okuri mawoshite, töbi kaperu mönõ* (М. 876) 'Ах, если б [я был] птицей, в небе парящей! Проводив [Вас] до столицы, летя, *вернулся* [бы] домой'. Может показаться, что гипотетичность этого действия (возвращения в полете) должна была бы требовать применения некатегорического наклонения. Но здесь употреблен индикатив, поскольку говорящий по-японски выражает не реальность действия, как такового (как это делает говорящий по-русски), а осуществимость его при наличии определенного условия [будь говорящий птицей, он непременно (а не предположительно!) прилетел бы обратно]. И в современном языке гипотетичность и реальность могут передаваться одинаковыми формами сказуемого.

Мои подсчеты показали, что в современном языке (в художественной литературе, в особенности для детей) форма дубитативного наклонения вообще сходит на нет: из 1786 конечных форм она встретилась только один раз (в фарсах XVI—XVII вв. — 51 раз) [см. 18, 81].

§ 3. Языковые изменения являются системными

По вопросу о том, чем являются языковые изменения, существуют разные мнения. Одни считают, что изменения разрушают систему (т. е. сами по себе «несистемны»), другие думают, что изменения демонстрируют преобразования системы (т. е. и сами являются системными). Акад. А. И. Чикобава пишет: «Что система языка развивается неравномерно, что изменения системы языка не образуют системы, это факт бесспорный, к тому же большой принципиальной важности» [26, 14]. Однако это мнение, восходящее к взглядам Ф. де Соссюра, не представляется бесспорным. Пражская школа считала изменения системными [см. 12, 114]. Но обычно такие мнения преподносятся как аксиомы — без достаточного обоснования их фактами языка. На примере развития системы наклонений новояпонского языка можно показать конкретно, что видоизменение системы есть ее «самонастраивание» (по Г. П. Мельникову) и вызывается стремлением заполнить лакуны, избавиться от противоречивых в новых условиях форм и излишней синонимии в морфологии глагола.

Каждое наклонение новояпонского языка можно определить как форму или ряд форм, обладающих общим морфологическим показателем с единым модальным значением. Такая форма может быть образована от всех полнозначных глаголов. Она является элементом системы наклонений, встречается в той же синтаксической позиции заключительного сказуемого, что и все остальные наклонения (минимально), противопоставлена другому наклонению по признаку позитивности/негативности (при общих остальных признаках) и третьему по признаку категоричности/некатегоричности (при общих остальных признаках).

Так, изъявительное и отрицательное наклонения обладают общим признаком, который можно назвать констативностью, повелительное и запретительное обладают императивностью, желательное и нежелательное — волюнтаривностью. Эти шесть наклонений обладают и общим признаком — категоричностью.

Все это можно отразить в матрице семантических дифференциальных признаков наклонений.

**Матрица семантических дифференциальных признаков
наклонений новояпонского языка**

Признак \ Наклонение	Позитивность	Категоричность	Констативность	Императивность	Волеятивность
Изъявительное	+	+	+	0	0
Отрицательное	-	+	+	0	0
Повелительное	+	+	0	+	0
Запретительное	-	+	0	+	0
Желательное	+	+	0	0	+
Нежелательное	-	+	0	0	+
Вероятное	+	-	+	0	0
Дубитативное	-	-	+	0	0
Желательно-вероятное	+	-	0	0	+
Нежелательно-вероятное	-	-	0	0	+
Пригласительное	+	-	0	+	+

Примечание. Может показаться странным, что вероятное и пригласительное наклонения, обладая общей служебной морфемой, выражающей их модальность (-о), отличаются одно от другого тремя семантическими признаками. Но это объясняется их разным положением в системе (см. выше схему некатегорических наклонений). Удаляясь от полюса, формы пригласительного наклонения теряют свойственную полярным наклонениям констативность, а приближаясь к широте «2-х часов», приобретают волеятивность, свойственную желательно-вероятному наклонению, находящемуся на той же широте, и императивность, свойственную повелительному наклонению (на «категорическом» циферблате находится на «2-х часах»).

§ 4. Об объективных и субъективных наклонениях

Какие модальные значения наклонений следует считать объективными и какие субъективными? Думается, что, если ситуациям, обозначаемым двумя сопряженными наклонениями (т. е. противопоставленными по одному полярному признаку категоричности/некатегоричности или позитивности/негативности), соответствуют разные обозначаемые в объективной действительности, о ко-

торой идет речь, перед нами объективные значения: *Ame-ga furu* 'Дождь идет' и *Ame-ga furanu* 'Дождь не идет' выражают объективно разные ситуации — дождливую и сухую погоду. Но *Ame-ga furo*: 'Дождь, вероятно, идет (будет идти)' и *Ame-ga furumai* 'Дождь, вероятно, не идет (не будет идти)' выражают значение некатегоричности, неуверенности, отражающее недостаточную осведомленность говорящего, но не особую объективную ситуацию (в данном примере — не особый вид погоды).

Большинство авторов, писавших о наклонениях в японском языке (если не все), не задумываются над тем, какие наклонения можно считать субъективными и какие объективными. Но если мы обратимся к истории развития системы, то увидим, что наибольшим изменениям подверглись именно субъективные наклонения — вероятно-пригласительное и дубитативное.

Тенденция развития заключается в том, что в определительной позиции некатегорические наклонения совершенно вытесняются формами соответствующих категорических (изъявительного — в речи о позитивных действиях и отрицательного — в речи о негативных). В срединной позиции количество условно-временных и уступительных деепричастий сокращается: форма предположительная (*toraba*) уступает место изъявительной (*toreba*).

Правда, в предшествующем времени произошло, казалось бы, другое: исчезла изъявительная форма — деепричастие типа *tottareba* 'когда (так как) брал (взял)', но сохранилась противопоставленная ему «субъективная» форма типа *tottara[ba]* 'если (когда) взял (возьмет)'. Этот факт можно объяснить следующим образом: во-первых, когда исчезла противопоставленная форма (типа *tottareba*), исчезло и различие по наклонению, форма типа *tottara[ba]* вышла из ряда форм вероятного наклонения; во-вторых, сохранение именно предположительной формы (а не изъявительной, как в других парах) объясняется большей употребительностью *tottara[ba]*, которая встречалась в речи как о прошлом, так и о будущем, т. е. выражала относительное время — предшествование. Форма же типа *tottareba* была абсолютной, применялась только в речи о прошлом, тем самым выпадая из системы срединных форм, многие из которых уже

в древнеяпонском языке обозначали относительное время (например: *tori[nagara]* 'беря', *torite* 'взяв') и могли употребляться как в речи о прошлом, так и в речи о настоящем и будущем. Стало быть, даже в этом случае (в котором ведущими оказались процессы, проходившие в системе времен) победу одержала форма, отражающая действительность объективнее.

Однако вряд ли можно утверждать, что некатегоричность пригласительной формы типа *toro*: 'давайте возьмем' является субъективной в том же смысле. Приближаясь по значению к повелительному наклонению, такие формы отличаются от него тем, что содержат запрос о мнении собеседника: согласен ли он принять участие в совместном действии (одобряет ли намечаемый поступок говорящего) или нет. Вот почему формы типа *toro*: нередко употребляются в вопросительных предложениях. В случае же повеления приказ отдается в категорическом тоне. Мнение собеседника говорящего не интересует. Именно поэтому формы императивных наклонений (кроме случаев переспроса) в вопросительных предложениях не встречаются.

§ 5. Из истории вопроса. О синонимии и омонимии

Разные ответы на вопрос о том, может ли одна и та же форма относиться к разным наклонениям, приводили в истории японистики к различной «инвентаризации» наклонений. Еще Ж. Родригес относил форму типа *toro*: в речи о будущем достоверном действии к будущему времени изъявительного наклонения, а ту же форму в речи о только предполагаемом — к потенциальному наклонению [см. 28, 5—7 и далее]. Видимо, он не мог себе представить, что могут быть языки, в которых всякое будущее действие выражается как предполагаемое. Его подход объясняется и практическими задачами. Он ставил перед собой определенную цель: научить португальцев переводить с японского. Его рецепт: формы, повествующие о будущих достоверных действиях, следует переводить португальским индикативом.

И в настоящее время, через 350 лет после выхода грамматики Ж. Родригеса, некоторые авторы разделяют его точку зрения о том, что одна и та же форма может

принадлежать к двум разным наклонениям, т. е., по сути дела, признают наличие омонимичных форм. Так, Е. М. Колпакчи писала: «Формой будущего времени является пятая основа глаголов, например, *ёмо; миё...*» [10, 020]. «Пригласительное наклонение выражается пятой основой глаголов... Пятой же основой глагола выражается и вероятное наклонение. Это наклонение выражает некоторую неуверенность говорящего в своих словах:

Табун нихон но симбун о ёндэ иру дэсё: 'Вероятно, читает японскую газету'» [10, 021].

Таким образом, одна и та же «пятая основа» (т. е. форма на *-о:*) причисляется к трем разным наклонениям! Да еще противопоставленным в системе...

На самом же деле так называемая пятая основа значения категорического утверждения (т. е. изъявительного наклонения) никогда не имела и не имеет. То, что в старояпонском языке форма на *-а-ти*, от которой она произошла, употреблялась и в речи о действиях, казалось бы, совершенно неизбежных (а не только предполагаемых), не означает, что в средние века грамматически различали будущие достоверные и будущие вероятные процессы. Наоборот, одинаковые некатегорические формы, употреблявшиеся в речи и о тех и о других, говорят нам о том, что все будущие действия считались лишь предполагаемыми. Дифференциация их по категоричности/некатегоричности развилась лишь в новояпонском языке. Кроме того, к примерам, в которых форма на *-а-ти* обозначала достоверные процессы в речи о будущем, нельзя причислять те, которые относятся к действиям 1-го лица, так как уже в древнеяпонском языке форма на *-а-ти* выражала в таких случаях предложение своего действия, волю 1-го лица (а не простую констатацию будущего факта). Так, Е. М. Колпакчи приводит пример из древних молитвословий («Норито»):

«Ага насэ-но микото-ва увацукуни-о сиросимэсубэси, а-ва ситацукуни-о сираму 'Мой старший братец будет ведать верхней страной, я же буду ведать нижней страной' (т. е. подземным царством).

Эти слова мифа выражают посмертное повеление богини Идзанами, совершенно неоспоримое, лишённое какого бы то ни было оттенка предположительности или вероятности» [9, 146].

Но в этом примере повеление другому лицу выражено формой должноствовательного наклонения на *-бэси*. Форма же *сир-а-м-у* относится к действию 1-го лица, выражая намерение совершить действие по собственному почину (а не будущее время или вероятность).

В современном языке форма типа *toro*: вообще не может применяться к первому лицу. Недаром во всех примерах на «будущее время» в современном языке у тех авторов, которые признают его наличие, фигурируют только формы, относящиеся к действиям 1-го лица, а также связки, полусвязки и прилагательные [см. 11, 174; 24, 83—84]. Форма типа *toro*: не употребляется ныне и в речи о настоящем. Вот почему в этом случае Е. М. Колпакчи подменяет форму типа *ёмо*: грамматической конструкцией *ёндэ иру дэсё*: 'вероятно, читает' (см. выше). Форма *ёмо*: неприменима тут по двум причинам: 1) потому, что речь идет о 3-м лице, и 2) потому, что речь идет о настоящем.

Переходим к вопросу о синонимичности глагольных форм. Не являются ли формы типа *toro*: и *toru-daro*: (*-desho*:) синонимичными, и, если да, нельзя ли считать их соответственно синтетической и аналитической формами одного наклонения? Думается, что нет. Фактически они уже давно утратили былую синонимичность, если она вообще когда-нибудь существовала. Аналитическая конструкция выражает вероятность, а также указывает на то, что инициатива действия не принадлежит его исполнителю. Синтетическая форма выражает приглашение к совместному действию или предложение своего действия. Связки, полусвязки и прилагательные в форме на *-о*: в пригласительном значении не употребляются. Они остаются в рамках вероятного (предположительного) наклонения.

Наличие предположительного наклонения (в противовес теориям о наличии у изъявительного наклонения формы будущего времени) убедительно обосновывает И. В. Головин [см. 5, 14-15]. Он относит к нему две формы: типа *toro*: (настоящее-будущее время) и типа *tottaro*: (прошедшее время).

Из японских ученых такое наклонение признает Судзуки Сигэюки [см. 29]. Из форм настоящего-будущего к этому наклонению он относит только *yomu daro*:, а из форм прошедшего две -- аналитическую *yonda daro*: и

синтетическую *yondaro*: [см. 29, 3]. Это значит, что в форме типа *yomo*: Судзуки уже не усматривает значения предположительности.

Существование синтетической формы типа *yondaro*: имеет принципиальное значение для судьбы теории «будущего времени». Если *yomo*: — форма будущего времени, то чем она морфологически отличается от настоящего и прошедшего? Если корнем, то он тот же, что и у формы настоящего (*yom-u*) — *yom-*. Если окончанием, то *-o*: — тот же формант, что и у формы прошедшего предположительного; стало быть, *-o*: не может иметь временного значения. Это показатель вероятного и пригласительного наклонений.

Однако конструкции со связкой вероятного наклонения, следующей за глаголом в изъявительном (или отрицательном) наклонении, правильнее считать — вслед за И. В. Головинным — не формой глагола, а формой сказуемого [см. 5, 24]. Это не аналитическая форма предположительного наклонения, так как она противопоставлена не синтетическим формам, а другим подобным конструкциям с основным глаголом в другом времени (или в другом категорическом наклонении):

yom-u-daro:(-desho:) 'вероятно, читает (будет читать)' — *yom-d-a-daro:(-desho:)* 'вероятно, читал (прочитал)';

yom-a-na-i-daro:(-desho:) 'вероятно, не читает (не читал, не будет читать)' — *yom-a-na-k-at-t-a-daro:(-desho:)* 'вероятно, тогда еще не читал (не успел прочесть)';

yom-i-ta-i-daro:(-desho:) 'вероятно, хочет (захочет) читать' — *yom-i-ta-k-at-t-a-daro:(desho:)* 'вероятно, хотел читать';

yom-i-ta-ku-na-i-daro:(-desho:) 'вероятно, не хочет (не захочет) читать' — *yom-i-ta-ku-na-k-at-t-a-daro:(-desho:)* 'вероятно, не хотел читать'.

Чем же отличаются эти конструкции от соответствующих синтетических форм? В конструкциях обособленно выражается (особой модальной связкой — частицей) именно субъективное значение. Они не входят в систему наклонений, состоящую в основном из синтетических форм, и располагаются на ее периферии.

Одна и та же форма (от одного и того же глагола) не входит одновременно и в вероятное и в пригласительное наклонения. Формы типа *toro*: принадлежат к

пригласительному наклонению, в современном языке относятся только к действиям 1-го лица. Ранее они могли обозначать и мягкое повеление в обращении ко 2-му лицу (или в речи о действиях 3-го лица—«пусть бы он...»).

Формы типа *aro*: 'вероятно, есть (будет)', *attaro*: 'вероятно, было', *takakaro*: 'вероятно, высок (будет высок)', *takakattaro*: 'вероятно, был высок' остаются формами вероятного (предположительного) наклонения. Приглашения они никогда не выражают.

Таким образом, единое некогда (до XVI в.) вероятно-пригласительное наклонение распалось на два:

1) вероятное наклонение, которое образуется от связок (*-daro*-, *-desho*-), полусвязок (*aro*-, *naro*-), прилагательных (типа *takakaro*: 'вероятно, высок'), а также от немногих полнозначных глаголов (обычно в речи о действиях неодушевленных предметов, к которым не может быть обращено приглашение) [сюда же семантически относятся и конструкции типа *toru-daro*: (*-desho*-), формально не входящие в систему, но примыкающие к ней];

2) пригласительное наклонение от полнозначных глаголов (типа *toro*-), имеющих в современном языке только значение приглашения, которое не может относиться к прошлому. Таким образом, это наклонение не вовлекает в свою орбиту форм предшествующего времени типа *tottaro*-, которые семантически остаются вероятными. Видимо, можно считать, что пригласительное наклонение по временам не изменяется (подобно повелительному и запретительному).

Не противоречит ли сказанное установленному выше критерию о «тотальности» образования форм каждого наклонения от всех глаголов? Нет, так как количество наклонений у разных частей речи вовсе не должно быть одинаковым. У прилагательных и связок оно гораздо меньше, чем у полнозначных глаголов. Так, от прилагательных не образуются формы повелительного, запретительного, желательного, нежелательного, вероятно-желательного и вероятно-нежелательного наклонений. Сходство между прилагательными и связками в этом отношении объясняется исторической морфологией: дело в том, что формы косвенных наклонений от прилагательных являются либо аналитическими (*takaku-nai* 'невысокий', 'невысок'), либо вторично-синтетическими (*takakaro*: из

takaku + *aro*: 'вероятно, высок', где *aro*: — вероятное наклонение от *ar-u* 'быть'). Прилагательные и связки не изменяются также по залогам и видам. Стало быть, они вообще имеют более бедную, чем у глаголов, парадигму. Наклонений у них всего четыре.

Наклонения прилагательных

Позитивные

Негативные

Категорические

Изъявительное *taka-i* 'высокий', 'высок', Отрицательное *taka-ku-na-i* 'невысокий', 'не высок'

Некатегорические

Вероятное *taka-k-ar-o*: 'вероятно, высок', Отрицательно-вероятное *taka-ku-na-k-ar-o*: 'вероятно, не высок'

Графически такую систему можно было бы представить в виде квадрата, где каждое наклонение занимает свой угол. Эти углы совпадают с полюсами «циферблатов» в схемах наклонений глаголов, а плоскость квадрата перпендикулярна циферблатам и связывает их. Лакун в такой системе нет; нет и каких-либо внутренних противоречий, вызывающих изменения в системе. Все это, а также отсутствие среди категорических наклонений повелительного не дает поводов для сообщения форме типа *takakaro*: пригласительного значения. Таким образом, не только изменение, но и отсутствие изменения в системе нередко можно объяснить ее структурой.

И. В. Головин, признавая наличие одного (предположительного) наклонения как для глаголов, так и для прилагательных и связок, считает пригласительное значение формы на *-o*: «непрямым» [5, 16 и 18—19]. Но ведь оно является не только основным, но даже единственным для всех полнозначных глаголов. Недаром, несмотря на большой собранный им материал, на «прямое значение» (т. е. предположительность) он приводит в основном примеры со сказуемыми — полусвязками и прилагательными: *аримасё*; *никукаро*; *наримасё*: [см. 5, 16—17]. На полнозначный глагол приводится, в сущности, один пример: ...*до*: *омоттэ ита ка дарэ-га сиро*: 'Кто знает, что думала...' [см. 5, 16]. Но тут, конечно, не чистое предположение: есть и оттенок вопроса и потенциаль-

ность (кто может знать?). Пример *Мё:нити табун юки-га фуру*: 'Завтра, возможно, пойдет снег' [см. 5, 17] взят из японской грамматики для средней школы, куда он попал из прогнозов погоды, составляемых в Японии «стилем буквального перевода» (где форма типа *фуру*: применена в качестве эквивалента будущего времени английского языка). Видимо, в художественной литературе таких примеров не нашлось. Очевидно, в живой речи всякий современный японец говорит *Юки-га фуру-даро*: (или несколько вежливее *фуру-дэсэ*:).

Таким образом, Е. М. Колпакчи и И. В. Головин в общем правильно выделили предположительное наклонение. Единственное, в чем я мог бы их упрекнуть в связи с этим, заключается в том, что они, видимо, считают, будто одинаковый формант обеспечивает одинаковый набор значений даже у наклонений разных частей речи. Но глаголы и прилагательные имеют разные системы наклонений. Вот почему модальность формы на *-о*: стала у них неодинаковой.

Пригласительная форма (типа *toro*:) и предположительная конструкция (типа *toru-daro*:) совсем не синонимичны. Если бы их значение было единым, они не могли бы сосуществовать в течение всей истории новояпонского языка. Одна из них вышла бы из употребления.

Однако это не значит, что на том или ином этапе развития языка в нем не может оказаться синонимических форм. Такие случаи были и в истории новояпонского языка. Так, из форм пригласительного наклонения были синонимичными формы типа *toro*:, *toro:zu*, *toro:zuru*; из форм дубитативного наклонения — формы типа *torumai* и *torumajii*. В таких случаях язык обычно избавляется от ненужной вариативности, и полностью синонимичные формы — кроме одной — вытесняются из языка. То же происходит и с неполными синонимами, если различия, которые они выражают, становятся для языка несущественными. Так, форма типа *toro:zu* была ранее заключительной, а типа *toro:zuru* — определительной. В связи с общим вытеснением заключительных форм определительными форма типа *toro:zu* была обречена на исчезновение. Но поскольку форма типа *toro*: семантически перестала отличаться от формы типа *toro:zuru*, а синтаксически могла употребляться в обеих позициях, синонимичная ей форма *toro:zuru* также вышла из употребления.

Возможно, тут сыграл роль и принцип экономии — сохранилась более короткая форма.

Е. М. Колпакчи в учебнике [см. 10], хотя прямо и не говорит о наличии омонимичных форм разных наклоений, но, поскольку одна и та же форма не может обладать разными модальными значениями, ее точку зрения, по-видимому, можно интерпретировать именно как признание наличия трех омонимичных форм: изъявительного, пригласительного и вероятного наклоений. Я же, напротив, думаю, что омонимия форм разных наклоений (при сохранении повествовательной интонации) невозможна. Правда, есть отдельные случаи, когда, сообщая форме изъявительного наклоения интонацию повелительного, ей придают императивное значение [например: *noita* 'с дороги!' (букв. 'отошел!'), русское *пошел вон!* и т. п.]. Думается, что пригласительное наклонение отличается от вероятного интонацией, хотя показатель у них и одинаковый. Но для подтверждения такого предположения надо провести экспериментальное исследование.

§ 6. О вопросительной и восклицательной модальностях

Есть языки, в которых глаголы-сказуемые в вопросительных и в утвердительных предложениях морфологически сильно различаются. К таким языкам относится корейский [см. 25, 122], а из аналитических по преимуществу — английский.

В русском языке в вопросительных предложениях может быть не тот порядок слов, что в повествовательных и восклицательных: *Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!* В немецком языке при вопросе сказуемое обычно предшествует подлежащему.

Большую роль играет и вопросительная интонация (повышение в конце предложения вместо обычного для повествовательного предложения понижения).

Однако в японском языке нет специальных вопросительных форм. В вопросительных предложениях сохраняется тот же порядок слов, что и в повествовательных. Вопрос выражается: 1) интонацией, 2) конечной вопросительной частицей (обычно *ka*), 3) вопросительным местоимением *tare/dare* 'кто', *nani* 'что', *doko-ni* 'где', *do-*

ko-e 'куда' и т. п.: *Are-wo Fikisakeba, mo:shiwake-ni naru ka* (К, 321) 'Если [мы] разорвем ее (картину), [разве это] послужит [нам] оправданием?'; *Tano:da wo-kata-no taishetsu-na busu-wo, mina kuu toyu: koto-ga aru mono ka* (там же) 'Съесть все любимые сладости хозяина, — разве так поступают?'; *Iya iya wagor'o-wa saijen-karu ku:ta-dewa nai ka* (К, 320) 'Нет-нет, разве не ты первый начал есть?' (при помощи отрицательной полусвязки *nai* отрицается не само действие, а совершение его именно 2-м лицом; вопрос же является риторическим); *Kore-wa ikana koto* (К, 319) 'Что же это такое?' букв. 'Это какая вещь?' (сказуемое именное без связки; вопрос выражается местоимением *ikana* 'какой' и, надо думать, интонацией).

Разумеется, сказуемым вопросительного предложения может быть не только форма изъявительного наклонения, но и вероятного, отрицательного, дубитативного, желательного (кроме, видимо, повелительного и запретительного, императивное значение которых не согласуется с вопросительной модальностью). Конечной частицей может быть *ka*, а также некоторые вообще-то восклицательные энклитики, как *ze, yai*: *Midomo-ga womo:-wa, ano busu-wo, soto m'o: to womo: ga nanto aro: zo* (К, 317) 'Я думаю — посмотрю-ка тайком на эти сладости, а как твое мнение?' (*nanto aro:* букв. 'что же будет?'; *ar-o:* — вероятное наклонение от глагола бытия *ar-u*; наличия вопросительного местоимения *nanto* и вопросительной интонации достаточно, чтобы отличить вопросительное предложение от восклицательного); *Ta-so woru ka yai. Tsugi-niwa tare-mo inu ka. Ta-so woranu ka i yai* (К, 226) 'Кто-нибудь [из слуг] тут есть? А в соседней [комнате] никого нет? Нет ли кого-нибудь?'; *Tei-to wo-shi-yarumai ka* (К, 227) 'Точно не сделаешь [того, что я тебе приказываю]?'

Хотя вопросительная интонация существует и, надо думать, была и раньше, вопросительных предложений без специальных слов и/или частиц (кроме переспроса) обнаружить не удалось.

Если модальность выражается формой сказуемого-глагола или формой связки, стоящей после именной части сказуемого, то возникает вопрос о том, обладают ли модальностью предложения с именным сказуемым без связки: *Kore-wa zaregoto* (К, 321) 'Это (то, что я ска-

зал) [была] шутка'. В отличие от русского языка, где нулевая связка имеет значение настоящего времени изъявительного наклонения, в японском отсутствие связки не дает указания на время [см. 2, 16], но (при повествовательной интонации и отсутствии вопросительных слов) обозначает утверждение, т. е. семантически равноценно изъявительному наклонению. Предложение с именным сказуемым может быть и восклицательным: *Nan-demo nai koto* (К, 326) 'То, что ты говоришь,—] нукудышные вещи!', 'Чепуха!'

Восклицание, как и вопрос, не выражается особой формой глагола. В восклицательных предложениях помимо интонации используются и конечные частицы: *zo*, *no*, *wa*, *yo* и др.: *Wo-kaeri-nasareta naraba, massuguni mo:shiaguru zo* (К, 321) 'Когда вернется [хозяин, я] ему доложу все, как было!' (здесь в речи о будущем употреблена форма изъявительного наклонения, выражающая действие говорящего, которое непременно наступит, а не форма некатегорического пригласительного, которая была бы нужна, если бы говорящий интересовался тем, одобрит ли его действие собеседник); *Yoi koto-wo mesareta no* (К, 321) 'Хорошенькую же штуку [ты] сделал!'; *Sor'a mita wa mita wa* (К, 318) 'Вот увидел. увидел!'

Прилагательное-сказуемое в восклицательном предложении употребляется без окончания *-i* либо сопровождается частицей *ya*, перед которой это окончание также исчезает или, по крайней мере, не отражается на письме: *A: ita a ita, a: ita a ita, ita-ya, ita-ya* (К, 325) 'Ах, больно, а больно, ах, больно, а больно, больно, больно!'; *Shinarenu koto-no medetasa yo. Ara, kashira kata-ya* (К, 323) 'Какая радость, что [мы] смогли не умереть! Вот головы [у нас] крепкие!' (яд на них не подействовал). Подобные предложения выражают две модальности: утвердительную (посредством «нуля») и восклицательную (посредством частиц и интонации).

Восклицательным может быть и предложение со сказуемым в некатегорическом или в негативном наклонении: *Yururito Fanaso: zo.—Nani-ga sate, yururito Fanaso:-tomo* (К, 317) 'Давай неспеша побеседуем! — Почему же нет, конечно, неспеша побеседуем!'; *Nukaru koto-dewa nai zo* (К, 318) 'Зевать тут не приходится!'; 'Я не оплошаю!'; *Wonore-mo tada woku koto-dewa nai zo* (К, 323) 'И тебя тоже негоже оставлять так!' (без на-

казания); *Yarumai zo* (К, 323) 'Не спущу!', 'Не уйдешь!' (дубитативное наклонение в речи о будущем, хотя и категорически отрицаемом действии).

К простому восклицанию могут добавляться и другие модальные оттенки: *Iyua wo-shi-yarumai mono-wo* (К, 227) 'Нет, [ты тоже] не будешь этого делать!' (говорящий не верит обещанию собеседника); *Naha: sureba nan-ji-wa, Buaku-ni tanomareta yo na* (там же) 'Ага, если так, [значит,] тебя попросил Буаку! Не так ли?' (побуждение к ответу передает частица *na*).

Совершенно очевидно, что, исходя из морфологического и системного критериев, надо отвергнуть мысль о наличии в японском языке специальных вопросительного и восклицательного наклонений. Но при этом не следует забывать, что существуют другие средства выражения вопроса и восклицания, которые оказывают определенное влияние и на семантику форм наклонений, стоящих перед вопросительными/восклицательными частицами (в частности, модальные слова и интонации).

Следует обратить внимание на то, что в вопросительном предложении семантическое различие между формами позитивных и соответствующих негативных наклонений сильно тускнеет, если не исчезает вовсе, поскольку спрашивающий, в сущности, ничего не утверждает и не отрицает сам. Если при употреблении некатегорических наклонений говорящий показывает свою недостаточную осведомленность в отношении наличия/отсутствия процесса, о котором идет речь, то в вопросе демонстрируется полная неосведомленность: прояснить характер модальности должен собеседник в ответе. На вопрос 'Есть ли здесь кто-нибудь?' и 'Нет ли здесь кого-нибудь?' и им подобные ожидается одинаковый ответ. В вежливой речи как по-русски, так и по-японски отрицательно-вопросительное предложение может заменить повелительное: 'Не дадите ли вы мне эту книгу?' вежливее, чем 'Дайте мне эту книгу!', но передает, по существу, то же значение.

Остановимся еще на одном модальном оттенке, возникающем при переспросе, посредством которого выражается некоторое недоумение по поводу того, что сказал собеседник. При переспросе повторяется не все, а только то, что вызывает недоумение: *Chito sonata-ni*

chu:shin atte maitta.— *Ya, chu:shin.*— *Nakanaka* (К, 229) 'Я пришел к тебе ненадолго с рапортом.— О, рапорт? — Да-да' (собеседник изумлен и даже испуган таким странным словом).

Если имеется глагол, выражающий действие собеседника, при переспросе он точно не воспроизводится: почтительная форма заменяется нейтральной или скромной: *Yoi koto-wo mesareta no.*— *Yoi koto-wo shita towa* (К, 321) 'Хорошенькую штуку ты сделал!— [Ты говоришь,] что [я] сделал хорошенькую штуку?'; *Mono-wo iwasashe-rarei.*— *Mono-wo iwashei towa* (К, 227) 'Дайте мне слово сказать, прошу вас! — [Ты говоришь:] дай слово сказать?' (вежливая форма повелительного наклонения побудительного залога замсняется в речи о собственном действии «грубой»).

При переспросе исчезают восклицательные частицы, так как восклицание заменяется вопросом. Очевидно, меняется и интонация. Нередко за повторенными словами следует союз-суффикс *to* (обычно ставится после прямой речи) + выделительное *wa*.

§ 7. О диалектных различиях в употреблении форм наклонений

Все сказанное выше относится, разумеется, к ново-японскому языку как к определенной разговорной норме, проникшей в литературу XVI—XVIII вв. и базировавшейся на речи столицы (г. Киото) и ближайших провинций. (В отдаленных районах Японии были, естественно, свои диалекты со своими особенностями и в области спряжения.) Система наклонений в Киото немногим отличается от системы современного национального литературного языка, возникшего на базе восточного диалекта г. Эдо, но об этих различиях не следует забывать.

В языке Киото не было формы предшествующего времени от вероятного (и пригласительного) наклонения. Форма типа *toro:* не была противопоставлена в системе времен другой форме (типа восточной *tottaro:*), т. е. вообще не была временной.

Вероятность при сказуемом — полнозначном глаголе выражалась конструкцией, при сказуемом-прилагательном или полусвязке — синтетически.

В речи о прошлом: *Mata rei-no shikari-ni woko sareta mono-de aro*: (K, 228) 'Наверно, опять его принесло со всегдашними упреками'.

В восточных памятниках XVIII в. встречается и синтетическая форма вероятного наклонения (на *-taro*): *Sakki-kara karasu-ga nailaro: ga, chittomo, ki-ga tsukananda* (Sh, 294) 'Наверно, вороны кричали уже давно, а [я спал и] ничего не слышал'. В другом предложении тот же персонаж употребляет не синтетическую форму, а конструкцию: *So:-de atta-de aro* (Sh, 283) 'Так уж получилось' (= «Ты права, я пришел поздно»).

В чем же разница? Почему не сказано *So:-de attaro*:, хотя в активном запасе говорящего такая форма есть? Дело в том, что синтетическая форма выражает действие, совершенное по собственному почину, а в конструкции раздельно выражаются поступок деятеля (глаголом в категорическом наклонении) и его оценка со стороны. Ср.: *Sayo:-de gozarimasho*: (там же) 'Наверное, так и было', т. е. даже в речи о прошлом не обязательно было применять форму на *-taro*:

В речи о будущем: *Nani-ga sate, chikajika-niwa shukkin-wo suru-de aro: zo* (K, 230) 'А как же, в ближайшее время [я], наверное, приступлю к исполнению своих обязанностей'.

В речи о гипотетических процессах (фактически не имевших места): *Yado-de shiraseto: attaredomo, yado-de shiraseta naraba, saishi-tomo nagori-ga woshikaro*: (K, 231) '[Я] хотел было сообщить [тебе об этом] дома, но, если бы [я] сообщил дома, тебе, наверное, было бы жаль расставаться с женой и детьми'.

В речи о настоящем: *Sore-wo shiraide naru: ka* (K, 95) 'Могу ли [я] этого не знать?' (*nar-o*:— форма от модального глагола *nar-u* 'мочь'); *Chito tama-niwa, motaseru-mo, omoshirokaro:-dewa nai ka* (Sh, 285) 'Разве не интересно изредка немножко подразнить [ее]?' [форма вероятного наклонения от прилагательного *omoshiroi* 'интересный' сопровождается творительным предикативным (*-de*) с отрицательным прилагательным *nai*].

В дальнейшем синтетические формы вероятного наклонения прилагательных начинают заменяться конструкцией «изъявительное наклонение прилагательного + + связка вероятного». В современном языке чаще говорят *omoshiroi-daro*:, чем *omoshirokaro*:. Одной из при-

чин этого изменения является необходимость выразить разные градации вежливости: *omoshiroi-desu* вежливее, чем *omoshiroi*; *omoshiroi-desho*: вежливее, чем *omoshiroi-daro*.

С точки зрения системы наклонений указанное изменение имеет большое значение: его распространение ведет к исчезновению наклонений у прилагательных, к выражению соответствующих модальностей частицами, происходящими из связок.

Дубитативное наклонение не изменяется по временам. Определительная форма его (морфологически аналогичная прилагательным старояпонского языка) к XVIII в. почти исчезла. Следующий пример мог считаться архаизмом и в XVII в.: А.; *itasumajiki-wa miyadzukaye-de gozaru* (К, 233) 'Ах, что [я] не стал бы делать — это слушать в хоромах'.

В подавляющем числе примеров форма дубитативного наклонения употребляется в заключительной позиции (нередко перед связкой): *Furaruru mono-wa, arutai-ja nai ka* (Sh, 283) 'Разве не найдутся люди, к которым [они] равнодушны?'

К форме желательного наклонения (как и к прилагательным) нередко присоединяется полусвязка, которая вносит оттенок вежливости или указывает на предшествующее время, начало действия и т. п.: *Watakushi-ga kaito: gozarimasu* (Sh, 277) 'Я хочу это купить' (младший старшему); *Shikiri-ni kuito: natta* (К, 319) 'Сильно захотелось поесть [этого]'.

Желательно-вероятное наклонение могло применяться и в определительной позиции: *Sa:sa:, wonore-ga kiritakaro: kata-kara kiri-worei iyai* (К, 232) 'Ну-ну, руби [мою голову] с той стороны, с которой ты захочешь рубить!' (презрительно).

Нежелательное наклонение: *Mairito-mo nai koto-wo wo:shetsukerareta* (К, 324) '[Хозяин] приказал [мне идти туда, куда я] не хочу идти'. Некоторое фонетическое стяжение аналитической формы нежелательного наклонения в западном диалекте говорит, мне кажется, о ее грамматикализации (*mairitaku-mo nai > mairitau-mo-nai > mairito:-mo-nai > mairito-mo-nai*). Этот факт свидетельствует в пользу признания этой формы особым наклонением. Такая форма от глагола *mi-ru* 'видеть' даже лексикализовалась: словари приводят самостоятель-

ной словарной статьей слово *миттомонай* 'неприглядный', 'безобразный', 'неприличный' (этимологически 'такой, которого не хочется видеть').

Результаты исследования

1. Применение единых критериев при выделении наклонений показало, что полнозначные глаголы в ново-японском языке имеют десять наклонений, а прилагательные — четыре.

2. Причинами изменений в системе наклонений оказались:

1) стремление заполнить лакуны;

2) стремление избавиться от ненужной вариативности путем изъятия из употребления всех синонимичных форм, кроме одной;

3) экономия выразительных средств (из синонимичных форм выживает, как правило, более короткая);

4) тенденция к уточнению грамматических значений, которая привела в ряде случаев к смене многозначной синтетической формы несколькими конструкциями с более узкими значениями или к появлению наряду с синтетической формой конструкции с несколько иным значением;

5) «давление системы» — появление конструкций, выражающих разные степени вежливости. (Это можно рассматривать и как частный случай уточнения значений.) Это тоже привело к смене некоторых синтетических форм конструкциями (особенно у прилагательных и близких к ним морфологически форм желательных наклонений);

6) изменение значения и употребления сопряженного наклонения (имеющего с данным одинаковые дифференциальные признаки, кроме одного — диаметрально противоположного);

7) совершенствование системы по аналогии (например, распространение на речь о будущем правил дифференциации и употребления категорических и некатегорических наклонений в речи о настоящем и прошлом, хотя ранее в речи о будущем применялись лишь формы некатегорических наклонений; это изменение поддерживалось и аналогией с императивными наклонениями, издавна употреблявшимися в речи о будущем;

этому способствовало и вытеснение заключительных форм определительными, так как последние, хотя и нечасто, встречались и в речи о будущем в формах категорических наклонений);

8) вытеснение агглютинативных форм (типа *mir-u-na* и типа *mir-u-mai*), обладающих служебными морфемами противоречивого значения.

3. Наблюдающаяся в ряде языков смена синтетических форм аналитическими отмечается в известной мере и в истории японских глаголов. Однако она является не причиной изменений, а скорее результатом тенденции к уточнению значений грамматических форм.

4. Конструкции модального значения, пришедшие на смену синтетическим формам, как правило, не принадлежат к соответствующим наклонениям, так как не обладают собственной формой. Как показал И. В. Головин, они не являются и аналитическими формами, так как противопоставляются другим подобным конструкциям, а не входят в систему синтетических форм на равных правах с ними.

5. «Равноправные» в парадигме формы наклонений в потоке речи обладают разной употребительностью. Все категорические наклонения встречаются чаще соответствующих некатегорических; позитивные — чаще негативных. (Однако формы, выражающие невозможность, встречаются чаще выражающих возможность: *shirenai* 'не могут знать' попадаетея чаще, чем *shireru* 'могу знать'.)

6. На протяжении 400 лет документированной истории новояпонского языка употребительность некатегорических наклонений, выражающих значения субъективной неосведомленности, неуклонно сокращается. В конце концов они вовсе исчезают в срединном сказуемом и в определительном предложении, уступая свое место изъявительному, отрицательному, желательному и нежелательному наклонениям.

7. Синтетическая форма типа *toro:*, приглашая собеседника к совершению совместного действия, или предлагая на его суд свое, обозначает процесс, производимый по инициативе говорящего, но требующий еще согласия собеседника. Вот почему она выходит из употребления в речи о 3-м лице.

8. Устойчивая грамматическая конструкция типа *tor-*

-u-de aro: обозначает процесс, производимый не по инициативе деятеля (хотя иногда и самим говорящим). Вот почему она свободно употребляется в речи о всех трех лицах и может сочетаться с модальными словами (типа *kitto* 'непременно'), выражающими категоричность.

9. Негативные наклонения выражают признак негативности по-разному. Стало быть, мы не имеем права выделить негативность как особую грамматическую категорию в японском глаголе (так как особой общей формой негативные наклонения не обладают).

10. Семантический дифференциальный признак, различающий два сопряженных наклонения, в позитивном выражается одной служебной морфемой, а в негативном — двумя.

Выводы

1. Каждое наклонение в японском языке обладает определенным набором семантических дифференциальных признаков. Формы, которые обладали бы «нулевой модальностью», не обнаружены. Это позволяет сделать вывод, что утверждение — самая распространенная модальность во всех языках — имеет позитивный дифференциальный признак, а не является «нулевой категорией».

2. Многие авторы, писавшие о наклонениях в разных языках, отождествляют «морфологический нуль» с семантическим. Для этого нет никаких оснований. Обычно показатель отсутствует у самой распространенной категории (что объясняется стремлением к экономии), а не у той, которая не обладает значением модальности.

3. Помимо обычных и нулевых морфем в ряде языков (в том числе и в русском) функционируют отрицательные служебные морфемы. Так можно назвать отсутствие не всякого (как при нулевой морфеме), а лишь определенного аффикса. На это указывали А. М. Пешковский и В. В. Виноградов (который называл изъявительное наклонение «негативным», очевидно, в морфологическом смысле).

4. Оппозиции, в которых находятся наклонения ново-японского языка, являются эквивалентными (равнознач-

ными), а не привативными, хотя последние в языке тоже имеются (например, в системе видов, а также при выражении числа имен).

5. Сокращение числа наклонений, обладающих общей флексией немодального значения (например, в старояпонском языке *-и*, выражавшей заключительность), может привести в истории языка к тому, что она приобретет и модальное значение. Тем самым может создаться противоречие между модальными значениями этой флексии и агглютинативного суффикса (например, между изъявительным *-и* и дубитативным *-mai*).

6. Однако в процессе развития противоречивые формы вытесняются из языка. Среди чисто флективных форм противоречивые не обнаружены. Характерно, что исчезла и старая форма типа *tor-u-beshi*, которая также была противоречивой как по значению служебных морфем, так и по способу присоединения их (флексия и агглютинация).

7. Сопряженные наклонения (например, изъявительное и отрицательное) имеют общие дифференциальные признаки (например, констативность, категоричность), но по одному признаку (позитивность/негативность или категоричность/некатегоричность) они непременно различаются. Русисты, утверждающие, что при присоединении «не» значение формы изъявительного наклонения не меняется, правы лишь частично: не меняется ее категоричность и констативность, но утверждение (выражаемое отсутствием «не») сменяется отрицанием.

8. Значительный разнобой, существующий в теории наклонений новояпонского языка, объясняется недоучетом того или иного критерия выделения наклонений. Олуги показал, что следует учитывать в равной мере пять критериев: морфологический (все формы одного наклонения от глаголов того же спряжения обладают общим показателем), семантический (все формы одного наклонения имеют одинаковую модальность), синтаксический (формы разных наклонений сравниваются в одной синтаксической позиции — в заключительном сказуемом), а также критерии тотальности (формы наклонения образуются от всех глаголов или от всех прилагательных) и системности (каждое наклонение занимает свое место в системе попарно сопряженных форм, различающихся одним семантическим дифференциальным признаком).

Такой подход призван максимально учесть объективные данные языка, исключить возможность произвольного решения вопросов, связанных с его системой наклонений.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- К — «Kyo:genki». jō («Nihon-kotembungaku-taiki», 42), 1960.
М — «Man'yo:shū», II («Nihon-kotembungaku-taiki», 5), 1968.
Sh — «Kibyō:shi-sharebon-shū» («Nihon-kotembungaku-taiki», 59), 1958.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В. А., Грамматика нанайского языка, т. 2, М.—Л., 1961.
2. Вардуть И. Ф., Предложения с простым именным сказуемым в современном японском языке, — «Краткие сообщения ИВАН», вып. XXIV, М., 1958.
3. Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в русском языке, — «Труды Института русского языка», т. II, М.—Л., 1950.
4. Виноградов В. В., Русский язык (Грамматическое учение о слове), М.—Л., 1947.
5. Головин И. В., Предположительное наклонение в современном японском языке, — «Труды ВИНЯ», 9, М., 1955.
6. «Грамматика русского языка», т. I. «Фонетика и морфология», М., 1952.
7. Гухман М. М., Грамматическая категория и структура парадигм, — «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968.
8. Исаченко А. В., Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 2, Братислава, 1960.
9. Колпакчи Е. М., Очерки по истории японского языка, т. I. Морфология глагола, М.—Л., 1956.
10. Колпакчи Е. М. и Невский Н. А., Японский язык. Начальный курс, Л., 1934.
11. Конрад П. И., Синтаксис японского национального литературного языка, М., 1937.
12. Кубрякова Е. С., О понятиях синхронии и диахронии, — «Вопросы языкознания», 1968, № 3.
13. Павленко А. П., Основные особенности грамматического строя суданского языка, — «Вопросы филологии стран Юго-Восточной Азии», М., 1965.
14. Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, М., 1936.
15. Риннес Л. Д., Цилицус В. И., Краткий очерк грамматики эвенского языка, — «Русско-эвенский словарь», М., 1952.
16. Санжеев Г. Д., Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, М., 1963.

17. Сунник О. П., Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, М.—Л., 1962.
18. Сыромятников Н. А. О системе времен новояпонского языка, — «Краткие сообщения ИВАН», вып. XXIV, М., 1958.
19. Сыромятников Н. А., Становление новояпонского языка, М., 1965.
20. Сыромятников Н. А., Существуют ли разные типы условной связи в японском языке?, — «Советское востоковедение», 1955, № 3.
21. Грубейской Н. С., Основы фонологии, М., 1960.
22. Успенский Б. А., Проблема универсалий в языкознании, — «Новое в лингвистике», вып. 5, М., 1970.
23. Фельдман П. П., Краткий очерк грамматики современного японского языка, — «Японско-русский словарь», сост. Л. А. Немзер и Н. А. Сыромятников, под ред. П. П. Фельдман, М., 1965.
24. Холодович А. А., Время, вид и аспект в современном японском языке. Время, — «Вестник ЛГУ», 1960, № 14.
25. Холодович А. А., Очерк грамматики корейского языка, М., 1954.
26. Чикобава А. П., Проблема языка как предмета языкознания, М., 1959.
27. Miller R. A., The Japanese Language, Chicago—London, 1967.
28. Rodriguez J., Arte da Lingua de Iapam, Nangasaqui, 1604.
29. Suzuki Shigeoyuki, Gendai-nihongo-no do:shi-no tensu—iikiri-no jutsugo-ni tsukawareta baai, — «Kotoba-no kenkyu:», 2kan, Tokyo, 1965.
30. Tanaka Akiyo, Kindaigo-seiritsu-katei-ni mirareru iwayuru bunsekiteki keiko:ni tsuite, — «Kindaigo-kenkyu:», 1kan, Tokyo, 1965.

О ВЕЖЛИВО-ПОЧТИТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Одной из важных особенностей японского языка является наличие в нем так называемых форм вежливости, т. е. грамматических и лексических средств выражения общественных (в самом широком смысле этого слова) отношений между говорящим, слушающим и лицами, о которых идет речь. Эти отношения находят отражение и в европейских языках (например, употребление личных местоимений и согласующихся с ними глагольных форм), но в японском средства выражения указанных отношений значительно богаче.

Среди форм вежливости японского языка большое место занимают так называемые вежливо-почтительные формы глагола, описание которых в советском японоведении было начато в книге Н. И. Конрада «Синтаксис японского национального литературного языка» [1, 70—78]. Данная статья представляет собой предварительные замечания по вопросу о значении и употреблении этих форм.

В японском языкознании начиная с 20—30-х годов XX в. принято отграничивать формы, передающие отношения между говорящим и слушающим (*тэйнэй*), от форм, выражающих прежде всего отношения между говорящим и субъектом или объектом высказывания; последние (формы) в свою очередь делят на вежливо-почтительные (*сонкэй*) и вежливо-скромные (*кэндзё*) [см. 6, 164—175; 7, 327—353; 20, 14—17 и 101—114; обзор классификаций форм вежливости см. 11]. О распространенности этой точки зрения свидетельствует тот факт,

что ее придерживаются при обучении в школах [см. 21]. Также разграничение встречается и в работах лингвистов за пределами Японии [см., например: 22, 268—289].

Данную трактовку можно считать правомерной. Действительно, различие между двумя основными видами глагольных форм вежливости проявляется, в частности, в том, что они, будучи по-разному выражены, сочетаются в одной глагольной форме, причем степени передаваемой ими вежливости могут не совпадать. Например:

Ото:сама ва дзундзун о-аруки-ни натта (К, 106)
'Отец быстро ходил'. Здесь мать обращается к дочери, поэтому нет формы выражения вежливости по отношению к собеседнику (отсутствует суффикс *-мас-*), но поскольку говорящая ведет речь о своем муже, то употреблена вежливо-почтительная форма *о-аруки-ни* *нару*.

В то же время вежливо-почтительные формы отличаются и от вежливо-скромных. Основное их отличие состоит в том, что вежливо-скромные формы употребляются по отношению к действиям лиц, причисляемых к сфере 1-го лица, чаще всего к действиям самого говорящего. В этих случаях по нормам японского языка вежливо-почтительные формы не употребляются.

Токиэда Мотоки считал, что различие между вежливо-почтительными и вежливо-скромными формами мало существенно, указывая при этом на отдельные случаи употребления глагольных форм в обоих значениях [см. 16, 456—458]. Его точка зрения подверглась критике со стороны многих авторов, которые указывают на то, что такие случаи редки и что эти виды форм вежливости разграничиваются в языке [см. 5, стр. 304—305; 20, 16 и 103—104].

Действительно, в литературном языке смешение вежливо-почтительных и вежливо-скромных форм не допускается (нам в художественных текстах не встретилось ни одного примера такого рода), хотя в устной речи в последнее время такое смешение встречается нередко (проникая даже в газету), выражаясь почти исключительно в том, что вежливо-скромные формы употребляются в значении вежливо-почтительных, но не наоборот. Об этом пишут многие авторы [см. 3, 20—22; 9; 20, 65, 67, 73 и др.].

Все авторы, выделяющие вежливо-почтительные формы, отмечают, что они употребляются для характеристики действий лиц, уважаемых с точки зрения говорящего, по отношению к которым необходимо выразить свое почтение или свою вежливость. С этим можно согласиться. Но необходимо более конкретно выяснить значение и правила употребления вежливо-почтительных форм.

Употребление или неупотребление вежливо-почтительных форм связано прежде всего с отношениями между говорящим и субъектом высказывания. В случае, если последний не совпадает со слушающим, учитываются и отношения между говорящим и слушающим, а также между слушающим и субъектом высказывания (в некоторых случаях могут иметь значение отношения данных лиц к лицу, являющимся объектом, если он не совпадает ни с говорящим, ни со слушающим).

Можно выделить две основные группы признаков, определяющих использование той или иной вежливо-почтительной формы (или нейтральной формы):

(1) «свой — чужой»;

(2) «высший — равный — низший».

Значение этих признаков — отношение субъекта высказывания к говорящему. Отнесенность этих признаков может меняться в зависимости от участия в ситуации других лиц. Например, если братья разговаривают об отце, он может рассматриваться как чужой, так как он находится дальше от говорящего, чем слушающий, но если сын говорит с посторонним, отец по отношению к говорящему будет своим. Это находит отражение в употреблении вежливо-почтительных форм (примеры см. ниже).

Эти признаки комбинируются по-разному, образуя шесть вариантов. При некоторых из них употребление или неупотребление вежливо-почтительных форм следует считать нормой, но может случиться, что при данной комбинации признаков вежливо-почтительные формы могут употребляться или не употребляться в зависимости от того, какой из признаков более значим в данной ситуации.

Для японского языка не характерно употребление

вежливо-почтительных форм по отношению к лицам, рассматриваемым как свои, и недопустимо по отношению к своим равным или низшим. Этим объясняется, в частности, невозможность в литературном языке использования вежливо-почтительных форм в речи о себе, какое бы высокое положение ни занимал говорящий, который, естественно, воспринимается как свой и равный.

Далеко не всегда употребляются вежливо-почтительные формы и по отношению к лицам, рассматриваемым как свои и выше. Например, когда речь идет о члене семьи в разговоре с посторонним, о сослуживце в разговоре с лицом, не работающим вместе с говорящим, в современном языке нормой считается отсутствие вежливо-почтительной формы, даже если субъект высказывания может рассматриваться как высший по отношению к говорящему и слушающему. Это отмечается многими авторами как явление, характерное для современного языка в отличие от языка более раннего периода [см. 10, 39-40; 20, 19-20]. Например:

Ока:сан ва го-симпай насаранакатта дэсу ка?... Ииз. Сассоку, каэттэ ханаситара, тотэмо ёрокондэ имасита ва (М, 110) 'Ваша мать не волновалась?.. Нет. Я вернулась сразу же и рассказала [ей это], она очень обрадовалась';

Сонна гуаи-дэ, доко-но рёкан-ни томаттэ иру яра, саппари кэнтэ-га цукимасэн (М, 131) 'Таким образом, мы не имеем никаких сведений о том, в какой гостинице он живет'.

В первом примере дочь в разговоре с чужим человеком, говоря о своей матери, не употребляет вежливо-почтительных форм. Во втором примере сотрудник учреждения говорит о своем начальнике, отвечая на вопрос разыскивающего его журналиста.

Эти наблюдения подтверждаются данными исследования, проводившегося в начале 50-х годов в городах Уэно и Окасаки с большим количеством информантов. Им, в частности, было предложено ответить, какую форму со значением «говорить» следует употребить по отношению к отцу в разговоре с начальником. Вежливо-почтительную форму *иварэру* или *оссяру* выбрало лишь 37 из 168 информантов, когда было предложено выбрать форму, которую употребили бы они сами, и 41, когда их спрашивали, какая форма наиболее подходит к данной ситуации [см. 8, 298—299 и 308—309]. Однако это же

исследование показало, что определенное число информантов не соглашалось с тем, что в разговоре с посторонними, говоря о своих начальниках, не нужно употреблять вежливо-почтительных форм [см. 8, 376].

В отношении 2-го лица вежливо-почтительные формы не только обычно не употребляются в разговоре с равными своими, например: *Кими ва, соно хотэру кумиаи-но камбу-но дарэка-о ситтэ иру но ка нэ?* (М, 88) 'Ты знаешь кого-нибудь из руководства профсоюза этой гостиницы?' (обращение к товарищу), но часто не употребляются и в разговоре с лицами, рассматриваемыми как свои и высшие: *Эку сонна рэйкокуна кото-га иэру мон дэсу нэ, ни:сан* (К, 135) 'Вам легко было говорить такие жесткие слова' [младший брат обращается к старшему, который рассматривается младшим как высший, что подтверждается упоминанием связи в форме *дэсу* (старший брат использует связку *да*), однако здесь нет вежливо-почтительной формы]. Аналогичный пример (тоже в обращении младшего брата к старшему) приводит Си-раиси Дайдзи [см. 15, 211]. Он же отмечает, что сейчас вообще по отношению к близким родственникам, даже к высшим, вежливо-почтительные формы обычно не употребляются [см. 15, 201].

Однако все же нередки случаи употребления почтительных форм не только по отношению к родителям, но и по отношению к старшим братьям и сестрам:

Они:сама ва о-вараи-ни нару камо сирэмасэн кэдо (К, 146) 'Вы, брат, вероятно, сместесь' (обращение сестры к старшему брату). Ср. также: *Ё:тэй-то:ри-ни о-каэри-ни нарэмасу?* (М, 276) 'Вы сможете вернуться так, как намечали?' (обращение жены к мужу).

Таким образом, можно считать, что в отношении лиц, рассматриваемых как свои и высшие, вежливо-почтительные формы могут употребляться или не употребляться в зависимости от того, какой признак: «свой» или «высший» преобладает в данной ситуации.

Значительно чаще используются вежливо-почтительные формы в отношении лиц, рассматриваемых как чужие. При этом следует учитывать, что чем более чужим является данное лицо по отношению к говорящему, тем при прочих равных условиях шире использование вежливо-почтительных форм, что отмечается многими авторами [см. 8, 251—253 и 376; 10, 36; 20, 212]. Это под-

твердили опыты с большим числом информантов, проводившиеся одновременно с исследованиями в Уэно и Окасаки. Испытуемым предлагалось ответить, как бы они говорили в одной и той же ситуации при обращении к разным лицам, в том числе: (1) к знакомому одного возраста, (2) к знакомому более высокого социального положения и (3) к незнакомому человеку одинакового возраста. Всего было дано 9702 ответа, из них одинаковая степень вежливости во втором и третьем случаях была выражена 5002 раза, а в первом и третьем случаях совпали ответы лишь 768 раз [см. 8, 254--264].

Все же можно считать, что нормой является употребление вежливо-почтительных форм по отношению к лицам, рассматриваемым как чужие и высшие или равные, и их неупотребление по отношению к низшим.

Отношение «высший — равный — низший» действует прежде всего тогда, когда речь идет о передаче различного рода социальных отношений. Их выражение в формах вежливости восходит к феодальному времени, но четко проявляется и в современном языке. Например, в разговоре между крупным чиновником министерства иностранных дел и занимающим не очень высокое положение журналистом последний употребляет по отношению к собеседнику вежливо-почтительные формы: *Катё:-сан ва тю:риццукоку-ни тю:дзай-ситэ орарэмасита га, сорэ ва дзутто сисэн-мадэ дэсу ка?* (М, 32) 'Вы, господин начальник отдела, находились в нейтральной стране вплоть до конца войны?' Чиновник же по отношению к собеседнику не употребляет вежливо-почтительных форм: *Боку-га сонохито-но намаэ-о агэру то, кими ва, сонохито-но токоро-э ханаси-о кики-ни ику цумори ка нэ?* (М, 36) 'Если я назову его имя, ты намерен пойти к нему и услышать его рассказы?' В то же время этот журналист, говоря с горничной в гостинице, не употребляет по отношению к ней вежливо-почтительных форм: *Аната ва, сорэ-кара хэя-но о-кяку-сан-то аванакатта н дэсу ка?* (М, 140) 'После этого вы не встречались с постояльцем?' Она же при обращении к собеседнику употребляет вежливо-почтительные формы: *То оссяимасу то?* (М, 137) 'Что вы говорите?'

Противопоставление «высший — равный — низший» связано также с возрастными различиями. Вежливо-почтительные формы не принято употреблять по отноше-

нию к младшим. В то же время употребление вежливо-почтительных форм по отношению к старшим по возрасту, которые не являются вышестоящими в других отношениях, распространено широко (в отношении как своих, так и чужих):

О-цукарэ-ни натта дэсё? (К, 124) 'Вы, наверно, устали?' (обращение пасынка к мачехе).

Данное противопоставление связано также с противопоставлением по полу. Именно в отношении форм вежливости в японском языке наиболее отчетливо выражается различие мужской и женской речи. Женщины чаще используют вежливо-почтительные, а также и другие формы вежливости. Это связано отчасти с привилегированностью положения женщины в Японии, из-за чего женщинам чаще приходится рассматривать то или иное лицо как высшее, но отчасти связано и с традиционным представлением о том, что женская речь должна быть вежливее. Можно отметить и такие случаи, когда женщины употребляют вежливо-почтительные формы в речи о мужчинах, которые стоят ниже по их общественному положению или моложе их по возрасту:

Нобору-сан ва о-кигаэ-ни наттара, хидой асэ (К, 108) 'Если вы, Нобору-сан, переоденетесь, сильно вспотеваете' (обращение к племяннику).

Существуют и другие причины, определяющие отношения тех или иных людей как отношения высшего и низшего. Многие авторы отмечают, что в случае просьбы, одолжения и т. д. между участниками ситуации создаются отношения неравенства [см. 20, 210-211; 10, 35]. С этим связано частое использование форм вежливости, в том числе вежливо-почтительных, в сфере обслуживания вне зависимости от социального положения и возраста покупателя, клиента и т. д. Показателен тот факт, что в годы войны при нехватке продуктов, когда факт покупки не мог рассматриваться как одолжение, степень вежливости в речи продавцов была ниже [см. 20, 211].

Вежливо-почтительные формы употребляются и по отношению к равным чужим:

Ояко:ко: ва кэкко: дэсу кэдо, сорэ ва о-ямэ-ни натта хо:-га ий то омоимасу ва (К, 122) 'Долг дочери — хорошо, но вам лучше это прекратить'. Здесь женщина обращается к жене своего младшего брата, с которой она находится в плохих отношениях.

Подобное обращение считается нормой, если лицо, о котором идет речь, не является хорошо знакомым для говорящего. Во время опытов, проводившихся в Окасаки, информантам предлагалось выбрать необходимую форму в ситуации, когда незнакомый человек того же возраста показывает дорогу. Из фраз *Коко-о массугу-ни ирассярэба ий дэсу* и *Коко-о массугу икэба ий дэсу* 'Вы можете пройти отсюда прямо' первую, с вежливо-почтительной формой, предпочло 136 человек из 169 [см. 8, 300—301].

Итак, можно считать, что вежливо-почтительные формы используются по отношению лиц, рассматриваемых как высшие и чужие или равные и чужие по сопоставлению с говорящим, а также иногда по отношению лиц, рассматриваемых как высшие и свои, если прежде всего учитывается то, что эти лица являются высшими. В остальных случаях нормой является использование простых форм.

Не все случаи реального употребления вежливо-почтительных форм можно объяснить на основе указанных выше признаков. Например, отмечается, что иногда сохраняются явления, свойственные прежним состояниям языка, например употребление женой вежливо-почтительных форм по отношению к мужу в любых ситуациях [см. 10, 40]. Употребление вежливо-почтительных форм, как вообще форм вежливости, во многом связано с индивидуальными особенностями — иногда их употребляют постоянно, чтобы показать свою воспитанность [см. 10, 35—36]. Несомненно, вопрос об употреблении вежливо-почтительных форм очень сложен и нуждается в дальнейшем исследовании.

Интересно проследить, как употребляются вежливо-почтительные формы в переводах с европейских языков, где выбор формы вежливости лишь в малой степени обусловлен оригиналом, а зависит в основном от представления переводчика об отношениях между персонажами. Так, в переводе пьесы М. Горького «Васса Железнова» вежливо-почтительные формы употребляют: служанка Лиза по отношению к хозяевам: *Нандэмо ханасу н да дзо ттэ, оссятта но ва, аната дзя аримасэн ка?* (Г, 45) 'Вы же сами приказали все говорить вам'. Анна — к Вассе: *Аната-га оссяттэ иру но ва, коккай-но кото дэсу но?* (Г, 46) 'Это вы --- про Государственную Думу?' и к

Прохору: *Сайсё ва, со: то мо омаэ-ни ва мусуко нанка аситэматои да ттэ оссяимасита кэдо...* (Г, 64) 'Сначала сказал: «Правильно — тебе сын ни к чему»...', прокурор Мельников — к Вассе: *Аната-га го-дзибун-дэ насатта хо-га ёкаро: то...* (Г, 37) 'Лучше, если бы вы сами...', его сын Евгений — к Вассе: *Аната-но оссяру кото ва докомадэ дзё:дан-дэ докомадэ хонкина но ка, боку-ни ва саппари вакаримасэн* (Г, 47) 'Я совершенно не понимаю, когда вы шутите, когда говорите серьезно', Рашель — к Вассе: *До: насатта но?* (Г, 62) 'Что это вы?' и к Прохору: *Аната ва, о-кавари-ни наримасэн но нэ...* (Г, 55) 'А вы — все такой же...'. Для Рашели Васса и Прохор — чужие люди, много ее старше.

В то же время дочери Вассы не употребляют по отношению к ней вежливо-почтительных форм. Даже о смерти матери Наталья говорит довольно грубо: *Синда ва* (Г, 67) 'Умерла'. Сама Васса не употребляет вежливо-почтительных форм ни по отношению к мужу, ни по отношению к брату: *Хай, Сэругэ: и Пэторо:вити-га синимасита* (Г, 45) 'Да, Сергей Петрович скончался', *Омаэ-га тёттомо иицукэта кото яттэ курэнай ттэ ани-га кобоситэ ита ё* (Г, 38) 'Брат жалуется, что ты не слушаешь его'. Не употребляет она вежливо-почтительных форм и по отношению к прокурору Мельникову: *Ато-дэ дэнва-дэ судзи-о иттэ тё-дай* (Г, 37) 'Потом позвоните и скажите цифру', поскольку его социальное положение ниже.

Употребление вежливо-почтительных форм в данном переводе можно считать соответствующим сформулированным выше правилам.

3

Следует отметить, что употребление вежливо-почтительных форм, по-видимому, может быть связано с любым действием, а не только с таким, которое непосредственно имеет отношение к говорящему (этим вежливо-почтительные формы отличаются от вежливо-скромных, употребление которых связано только с действиями «своего» лица, относящимися к какому-то уважаемому лицу):

Таки-сан ва Дзюнэ:в-ни ираситтэ, Ногами-сан-но риндзю:-но моё:-о о-кики-ни наримасэн дэсита ка? (М, 45)

‘Вы, Таки, будучи в Женеве, не слышали ли о том, что Ногами умирает?’:

Соситэ, го-дзибун-дэ, гэнкан-но маэ-ни таттэ иру, со-но о-футари-ни о-аи-ни натта н дэсу (М, 139) ‘Затем он сам встретился с теми двумя, стоявшими в передней части коридора’.

В первом примере спрашивается о давних событиях, к которым говорящий не имел отношения, во втором — рассказывается о событиях, происходивших на глазах говорящего, но без его участия.

Вежливо-почтительные формы употребляются в любой синтаксической позиции, что отличает их от форм, связанных с выражением отношения говорящего к слушающему. В последних противопоставления по степени вежливости выражены главным образом в позиции конечного сказуемого, значительно реже в позиции среднего сказуемого и почти не выражены в определительной позиции, где суффикс *-мас-* почти не употребляется. Ср. употребление вежливо-почтительных форм:

Сакиходо сампо-ни о-дэкакэ-ни наримасита (М, 146) ‘Он недавно пошел погулять’ (заключительная позиция);

Цумари, хитори-дэ Кё:то-ни о-яри-ни наттэ мо дай-дзё:бу то омоу но дэсу (М, 165) ‘В конце концов я думаю, что хоть она и поехала одна в Киото, все будет хорошо’ (позиция среднего сказуемого);

Сорэ дзя осорэ иримасу га, о-каэри-ни наримаситара тётто таку-э дэнва-о итадакитай н дэсу га (Ф, 133) ‘Извините, но мне бы хотелось, чтобы он позвонил мне домой, когда придет’ (позиция среднего сказуемого);

Ватакусси ва, коноката-га коно тэгами-ни ару ё:ни, яхари, Химико-но дэссан-о о-каэси-ни наритай кимоти-кара да то омоимасу (М, 163) ‘Думаю, что она, как сказано в письме, хочет вернуть Химико ее эскизы’ (определятельная позиция);

Коно тэгами-но то:ри-ни, коко-дэ Нандзэн-дэра-кара о-каэри-ни нару-но-о маттэ имасу (М, 174) ‘В соответствии с этим письмом я жду здесь, пока вы не вернетесь из храма Нандзэн’ (здесь имеет место субстантивация).

Причину разного употребления различных видов форм вежливости в зависимости от позиции можно объяснить следующим образом.

Формы с суффиксом *-мас-* выражают одно значение — отношение между говорящим и слушающим независимо

от содержания предложения, поэтому данное значение достаточно выразить в предложении один раз в заключительной позиции, которая в японском языке вообще является позицией максимального различения форм (употребление этого суффикса в других позициях — признак очень высокой степени вежливости).

Вежливо-почтительные же формы употребляются по отношению к субъекту данного действия, поэтому, если в сложном предложении несколько субъектов, вежливо-почтительные формы употребляются везде, где этого требует ситуация, т. е. могут употребляться несколько раз в различных позициях.

Если же субъект один, то достаточно употребить вежливо-почтительную форму один раз в заключительной позиции:

Сорэдэ, икуру аси хаяку о-сёкудзи-о сасиагэта токи мо, наника сян-ситэ иру ё:на као-дэ дамири кокуттэ асагохан-о хамбун-бакари о-табэ-ни наримасита (М, 141) 'Затем, когда я на другой день рано утром принесла ему еду, он молчал, будто что-то обдумывал, и съел только половину завтрака'.

Последнее положение отмечает и Цудзимура, указывая, что нельзя сказать *Мати-ни ирассяттэ каимоно-о сору* в смысле 'Пойдет в город и сделает покупки', а нужно говорить лишь: *Мати-ни иттэ каимоно-о насару* [см. 20, 66]. Но можно сказать: *Мати-ни ирассяттэ, каимоно-о насару*, ср. *Дэва нотиходо онака-га о-суки-ни наримаситари оссяттэ кудасай* (К, 132) 'Если потом проголодаетесь, скажите!' В таких случаях, видимо, говорящий хочет сделать речь более вежливой.

4

Вежливо-почтительные формы употребляются преимущественно в устной речи, а также в тех стилях письменной речи, которые непосредственно связаны с оценкой реакции собеседника (например, в письмах). В последнем случае правила их употребления аналогичны правилам употребления в устной речи. В других стилях письменной речи вежливо-почтительные формы употребляются реже и правила их употребления другие (как и правила употребления других видов форм вежливости).

Единственным случаем, когда применение вежливо-почтительных форм является нормой для всех стилей языка, можно считать традиционное употребление данных форм по отношению к императору и членам его семьи.

Существуют определенные правила употребления этих форм, закрепленные в официальных инструкциях [см. 3, 181—184; 13, 122; 20, 130—133]. До войны по отношению к императорской семье использовались специальные слова и грамматические формы с очень высокой степенью почтительности, не применявшиеся ни к кому другому и взятые, как правило, из старописьменного языка. Последние сейчас обычно не применяются, но все еще сохраняется использование по отношению к императорской семье вежливо-почтительных форм современного языка, например:

Ко:тайси-го-фу:фу ва дзю:кунити-годзэн-дзю:итидзи-нидзю:гофун То-кё: Ханэда-хацу-но никко:-токубэцуки-дэ Марэ:сиа, Сингапо:ру рё:коку-э-но синдзэн-хо:мон-рёко:-ни сюппацу-сарэта. Го-фу:фу ва рё:коку-о маварарэ, нидзю:хатинити-гого-годзи-дзинпун Ханэда-тяку-дэ го-рикоку-ни нару (А, 19.II.1970). 'Наследный принц с супругой 19-го в 11 час. 25 мин. специальным самолетом японских авиалиний, отправляющимся с аэропорта Ханэда, отбыли с дружественным визитом в Малайзию и Сингапур. Они посетят эти страны и вернутся в Японию в аэропорт Ханэда 28-го в 17 час. 10 мин.'

В подобных стилях речи не по отношению к императорской семье вежливо-почтительные формы в современном языке, как правило, не употребляются. Сайга Хидэо отмечает, что в центральных газетах можно встретить вежливо-почтительные формы только по отношению к монархам [см. 13, 120], не считая, конечно, передачу прямой речи.

Но встречаются все же случаи употребления вежливо-почтительных форм по отношению к уважаемым людям, например в научных текстах по отношению к авторитетным ученым:

Токиэда-си-но кэйи то иварэру но мо соно ё:на ими-ни ойтэ кангаэру кото ва дэкиру то омоимасу (Ц, 209) 'Думаю, что и то, что Токиэда называл вежливостью, можно понимать и в этом смысле'.

В современном языке существуют следующие вежливо-почтительные грамматические формы: одна синтетическая, образуемая путем присоединения к так называемой первой основе глаголов суффикса *-рэ-/рарэ-*, и несколько аналитических, образуемых путем присоединения к отглагольному имени в виде так называемой второй основы префикса вежливости *о-* и добавления либо показателя *-ни* и вспомогательного глагола *нару*, либо вспомогательного глагола *насару* или *асобасу* (эти две формы в современном языке редки, особенно форма с *асобасу*), либо одной из форм связки. Если глагольная форма состоит из китайских корней + *суру*, то элемент *суру* при образовании аналитических форм отбрасывается, а префикс *о-* выступает в своем варианте *го-*. К вежливо-почтительным формам обычно относят и конструкцию, состоящую из деепричастной формы и вспомогательного глагола *кудасару*, где присутствует добавочное значение направленности действия [см. 2]. В данной статье эта конструкция, а также самостоятельное использование глагола *кудасару* не рассматриваются.

Из всех этих форм наиболее распространенными в современном языке, по крайней мере в устной речи, являются формы, образованные по модели *о-...-ни нару*. Например, в пьесе «Акума ва кимбэн» на 50 страниц текста эти формы употреблены 38 раз, формы с суффиксом *-рэ-/рарэ-* — четыре раза (еще один раз форма типа *о-...-ни нарарэру*), формы типа *о-...насару* — ни разу. На наибольшую распространенность форм типа *о-...-ни нару* указывают многие авторы [см. 10, 42; 20, 137 и др.]. Эти формы встречаются в самых разнообразных ситуациях.

Формы такого типа практически не образуются от некоторых глаголов. Еще Кобаяси Есихару отмечал отсутствие соответствующих форм от глаголов *суру* 'делать', *куру* 'приходить', *ику* 'идти', *йу*: 'говорить', *иру* и *ору* 'быть', *куу* 'есть', *миру* 'видеть' [см. 7, 335—336]. Это отмечается и многими другими авторами [см. 5, 280—281; 6, 167 и 169; 15, 9—12 и др.]. Иногда, правда, признается существование формы *о-ии-ни нару*, но при этом указывается, что она встречается редко [см. 6, 167; 19, 118].

Вместо некоторых из этих форм используются формы того же значения, построенные по той же модели, но с заменой корня. Вместо неупотребительной формы *о-ми-ни нару* употребляют форму *горан-ни нару*, вместо *о-ки-ни нару*, *о-ики-ни нару* — *оидэ-ни нару* (рядом с формой *ирассяру*, о которой см. ниже):

Сэнсэй ва, маэ-ни ватакуси-о тотю:-дэ горан-ни натта со: дэсу га (М, 110) 'Говорят, что вы раньше видели меня';

Коно пэ:дзи-ни какарэта намаэ-но ката ва, ицугоро коко-ни оидэ-ни натта н дэсэ: (М, 8) 'Когда примерно приходил сюда человек с именем, которое написано на этой странице?'

Степень вежливости у этих форм, видимо, примерно такая же, как у других форм типа *о-...-ни нару*, они могут употребляться в тех же ситуациях:

Коноката ва ицу котира-ни го-санкэй-ни натта н дэ годзаимасэ:? (М, 10) 'Когда он совершил сюда свое паломничество?', где, как и в предыдущем примере с *оидэ-ни нару*, лицо А говорит о лице Б людям, занимающим одинаковое социальное положение.

Эти формы можно считать разновидностью форм типа *о-...-ни нару* и потому, что они разложимы: существуют формы *оидэ-насару*, *горан-насару* (употребляемые преимущественно в повелительном наклонении), а также формы *оидэ*, *горан*, сами по себе не имеющие вежливого значения:

Расиэру, васи-но токоро-э оидэ омаэ-сан-ни каги-но корэ:кусён-о мисэтэ агэ: (Г, 61) 'Рашель, идем ко мне, я тебе коллекцию замков покажу';

Дэмо, горан-но то:ри сорэ ва ватаси-о ко:фуку-ни ситэ ва курэнакатта (Б, 146) 'Как видишь, это не сделало меня счастливой'.

Все это свидетельствует о том, что эти формы предпочтительнее рассматривать наряду с формами типа *о-...-ни нару*, а не в ряду глаголов (или форм) вроде *оссяру*, *ирассяру*.

Употребление форм супплетивного характера связано, возможно, с необходимостью избавиться от омонимии, на что указывает Сиранси [см. 15, 9]. Этим, может быть, можно объяснить и то, что формы типа *о-...-ни нару* не очень употребительны с глаголами *дэру* 'выходить' (близость с формой *оидэ-ни нару*), *сиру* 'знать' (омонимия

с конструкцией, образуемой из существительного и глагола). Собранные нами примеры показывают, что в данных случаях предпочитают другие формы.

В современном языке распространены также формы, образованные при помощи суффикса *-рэ/-рарэ-*. Эти формы часто, исходя из морфологических и этимологических соображений, рассматривают как те же самые, что и формы страдательного залога [см. 1, 199; 18, 134—135]. Однако, учитывая совершенно различное значение этих форм, разный характер синтаксических связей в предложениях, возможность их различения путем трансформаций, следует считать эти исторически родственные формы для современного японского языка омонимичными.

Формы с суффиксом *-рэ/-рарэ-*, как уже говорилось, в устной речи встречаются реже, чем формы типа *о...-ни нару*. Обычно это объясняют тем, что существует опасность смешения их с формами страдательного залога [см. 12, 65; 20, 188].

Следует выяснить, в чем состоит различие между значениями форм типа *о...-ни нару* и форм с *-рэ/-рарэ-*. Японские авторы либо не указывают на это, констатируя лишь их принадлежность к одному классу форм вежливости [см., например: 17, 121], либо отмечают большую степень вежливости, выражаемую формами типа *о...-ни нару* [см. 5, 280—281; 6, 165; 10, 42; 20, 188]. Однако и в последнем случае не указываются конкретные различия между этими формами, условия их употребления. Р. Э. Миллер относит формы с *-рэ/-рарэ-* к почтительному (*respectful*), а формы типа *о...-ни нару* к изысканному (*elegant*) стилю, также считая, что в последнем случае степень вежливости выше [см. 22, 270—271], однако и он не обосновывает этого утверждения. Для того чтобы определить конкретные условия употребления той или иной формы, необходимо исследовать очень большой материал. Анализ материалов, использованных нами в данной работе, позволяет отметить следующие три обстоятельства.

Во-первых, бросается в глаза, что во многих ситуациях употребляются формы обоих типов, ср.:

*Ногами-сан мо со:то:-ни куро:-сарэмасита дэсё: нэ...
Токородэ, Ногами-сан ва гакусэй-дзидай-кара супо:цу-о
о-яри-ни наттэ имасита нэ* (М, 33) 'И Ногами, вероятно,

испытал много трудностей... Кстати, Ногами со студенческих лет занимался спортом';

Хай, миокури-но тамэ-ни, гэнкан-мадэ цуйтэ корарэ-масита... Соситэ, фукингэнсо:ни сугуни о-хэя-но хо:-ни о-казри-ни наримасита (М, 140) 'Да, он дошел до вестибюля, чтобы проводить... Затем в плохом настроении сразу вернулся в свою комнату';

Сятё: ва коно сё:сэцу, кэйсай-кэттэй-дзэн-ни о-ёми-ни наранакатта н дэсита... Дзя, сятё: ва, гутайтэкини кё:-но Курогаватати-но ко:ги-ни тайситэ до: ситара ий то иварэру н дэсу ка? (Ф, 128) 'Директор компании не читал этот рассказ до того, как решил его поместить... Сказал ли директор компании о том, что конкретно надо делать в связи с сегодняшним протестом Курогава и других?'

Каждый из этих примеров состоит из двух предложений, в которых одно и то же лицо говорит тем же собеседникам о том же лице (или лицах), но при этом употребляются разные формы вежливости.

Бывают случаи, когда в одной и той же ситуации употребляются разные формы вежливости того же глагола:

Ито:-сан-га котира-ни о-томари-ни натта акуру хи-ни, тадзунэтэ ику саки ва Дзэнъэнтё:фу: то Аояма да то о-ханаси-ни натта со: дэсу га... Мата маэ-но ханаси-но мусикаэси-ни наримасу га, котира-ни томарарэта Ито:-сан ва, наника ё:су-ни фусинна токоро ва аримасэн дэсита ка? (М, 84-85) '[Я] слышал, что Ито на следующий день после того, как остановился здесь, говорил, что посетит районы Дзэнъэнтёфу и Аояма... Опять вернемся к теме нашего разговора. Остановившийся здесь Ито не выглядел ли в чем-то странным?'

Вообще такого рода переход от одной формы к другой встречается часто. Например, на первых двухстах страницах романа Мацумото Сэйтё «Кю:кэй-но арано» (Токио, 1969) встречаются 24 ситуации, где употребляется какая-либо форма с суффиксом *-рэ/--рарэ-* (под ситуацией здесь имеется в виду каждый случай, когда лицо А говорит лицу Б о нем или о лице В). В 16 ситуациях из 24 употребляются и формы типа *о-...-ни нару*, еще в одной — *оссяру*, приравниваемое обычно по степени вежливости к формам типа *о-...-ни нару*.

Это свидетельствует о том, что между данными формами вряд ли существует очень большое различие по

степени вежливости, они взаимозаменяемы. Выбор той или иной формы во многом зависит от других причин (например, может быть, в последнем из приведенных выше примеров форма *томарэру* употреблена потому, что в той же фразе употребляется глагол *нару* в знаменательном значении).

Однако существуют некоторые примеры, которые могут свидетельствовать о большей степени вежливости, выражаемой формами типа *о...-ни нару*, ср.:

Сакиходо сампо-ни о-дэкакэ-ни наримасита... Доно атари-ни дэкакэрарэта но дэсу ка? (М, 146) 'Он недавно вышел погулять...— В какую сторону он пошел?' (слова горничной гостиницы о своем постояльце и вопрос разговаривающего с ней журналиста). Нам встретилось не очень много аналогичных примеров.

Во-вторых, обращает на себя внимание то, что в устной речи практически употребляются формы с *-рэ/-рарэ-* далеко не от всех глаголов. Они встречаются, как правило, когда употреблены либо глаголы, от которых формы типа *о...-ни нару* не образуются или редко образуются: *йу*, *куру*, *ику*, *сүру*, *иру* и *ору* (последний чаще), а также *дэру*, либо глаголы, от которых затруднено образование форм типа *о...-ни нару* в силу их строения: *нару*, *накинару* [хотя существуют отдельные примеры типа *Ото:сама ва, гайкоку-дэ о-накунари-ни натта н дэсу ттэ?* (М, 111) 'Ваш отец умер за границей?'; форма *накунарарэру* встречалась нам гораздо чаще]. В собранном нами материале подавляющее большинство примеров на формы с *-рэ/-рарэ-* образованы именно от этих глаголов (включая случаи присоединения *сүру* к корням китайского происхождения).

Но встречались отдельные случаи присоединения суффикса *-ра/-рарэ-* и к другим глаголам:

Ватаси ва, Сасадзима-гахакү-но эгакарэта аната-но дэссан-о нанимайка моттэ оримасү (М, 162) 'У меня есть несколько ваших эскизов, нарисованных Сасадзимой':

Дэва, Таки-сан ва кю:ни цукарэтэ дзихё:-о дасарэта вакэ дэсу нэ (М, 150) 'Ведь вы, господин Таки, внезапно почувствовав усталость, подали заявление об отставке?' (см. также приведенные выше примеры с глаголами *томару* и *дэкакэру*).

Многие случаи употребления разных форм в одних си-

туаациях, видимо, можно объяснить тем, что от одних глаголов обычно образуются формы типа *о-...-ни нару*, а от других — формы с *-рэ-/ -рарэ-* (ср. в приведенных выше примерах: *корарэру* — *о-каэри-ни нару*, *иварэру* — *о-ёми-ни нару*, *ирарэру* — *о-каки-ни нару*).

В-третьих, формы с *-рэ-/ -рарэ-* обычно не употребляются по отношению к своим. Почти во всех встретившихся нам примерах речь идет о малознакомых или незнакомых людях. Этим и объясняется столь редкая встречаемость форм с этим суффиксом в пьесе «Акума ва кимбэн», где почти все действие происходит в пределах одной семьи. В романе «Кю:кэй-но арано», где ситуация разнообразнее и больше официальных и деловых разговоров, они встречаются чаще, хотя и здесь формы типа *о-...-ни нару* употребительнее.

Нам встретилось лишь два примера употребления форм с суффиксом *-рэ-/ -рарэ-* в речи о своих:

Одзисама-га накунараарэта токи, Хими-тян, ицу датта касира? (М, 19) 'Сколько же лет было Химико, когда умер дядя?' (речь о родном дяде);

Соситэ, они:сама мо цумадзукарэта но дэсу (К, 146) 'И вам, брат, не удалось'.

Первый пример не очень показателен, так как форма *о-накунари-ни нару* малоупотребительна. Труднее объяснить второй пример, тем более что чаще в данной ситуации употребляются формы типа *о-...-ни нару*.

Итак, можно предположить, что между формами типа *о-...-ни нару* и формами с суффиксом *-рэ-/ -рарэ-* нет большого различия по степени вежливости. Разница между ними состоит в том, что они образуются от неодинакового круга глаголов (первые образуются от большинства глаголов, вторые — от небольшого их числа), а также в том, что первые употребляются в речи о своих и чужих, а вторые — обычно только о чужих, имея при этом определенный официальный оттенок.

Несколько иные правила действуют в стилях речи, не связанных непосредственно с оценкой реакции слушающего (например, в научной литературе), где формы с суффиксом *-рэ-/ -рарэ-* употребляются чаще всего, что отмечается японскими авторами [см. 20, 187], а формы типа *о-...-ни нару* менее характерны (см. приведенные выше примеры). В письменной речи об императорской семье употребление форм с суффиксом *-рэ-/ -рарэ-* счита-

ется первой, что закреплено соответствующими инструкциями [см. 20, 132]. Кстати, это имеет место и в устной речи (возможно, под влиянием газетных норм):

Тэнно: хитори-дакэ ва кэмпо:дзё:, куну-но сё:тё: тою: тиш-о моттэ орарэру вакэ дэсу нэ (Гс, 1961, № 115, 3) 'Только император по конституции занимает положение символа государства' (запись беседы).

В указанных стилях речи вряд ли можно найти какие-нибудь ограничения на употребление форм с суффиксом *-рэ-/ -рарэ-*.

Наряду с двумя указанными выше формами встречается форма, объединяющая в себе эти формы:

Ото:сама о-модори-ни нарарэмасита ка на? (К, 120) 'Ваш батюшка не вернулся?'

Эта форма выражает очень большую степень вежливости. Японские авторы обычно не рекомендуют ее использовать [см. 3, 200].

Еще один распространенный класс вежливо-почтительных форм образуется по модели «о- + отглагольное имя + связка». Эти формы в отличие от предыдущих отмечаются не всеми авторами (на наличие таковых указывают, например, Н. И. Конрад [см. 1, 76] и Цудзимура Тосики [см. 20, 143]), но они довольно употребительны.

Данные формы могут чередоваться как с формами типа *о-...-ни нару: Дзидзё: ва Таки-сан-кара о-кики-дэсё:...* *О-кики-ни натта то омоимасу га...* (М, 102—103) 'Вы, видимо, слышали о положении дел от Таки?.. Думаю, что вы слышали...', так и с формами с суффиксом *-рэ-/ -рарэ-: Сорэдэва, Кё:то-э канко:-дэ корарэта но дэсу ка?.. Аната мо, коко-ни о-томари дэсу ка?* (М, 194—195) 'Итак, вы приехали в Киото с экскурсией? ..И вы здесь остановились?'

Разница между формами типа *-о...дэсу* и другими формами, видимо, заключается не в степени вежливости. Данные формы вежливости употребляются по отношению к своим и к чужим. Вряд ли можно найти какие-то ограничения в их употреблении с теми или иными глаголами.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что они почти не употребляются со связкой в форме прошедшего времени [отдельные примеры, как будто составляющие исключение, можно объяснить другим образом: *Соно тамэ-ни То:кё:-ни дэтэ корарэта ё:на о-ханаси дэсита* (М,

67) 'Он говорил, что поэтому и приехал в Токио'. Здесь скорее не форма данного типа от глагола *ханасу*, а не входящее в парадигму глагола существительное *ханаси* с префиксом *о-*].

В то же время данные формы со связкой в настояще-будущем времени употребляются и в речи о прошлом, причем в перфектном значении (см. приведенный выше пример с *о-кики дэсу*). Значение этих форм можно считать соответствующим значению форм длительного вида (к тому же нам не встретились примеры использования данных форм в речи о будущем). Однако следует учитывать, что и другие вежливо-почтительные формы могут употребляться в длительном виде, а в перфектном значении форма типа *о-...дэсу* может замещаться вежливо-почтительными формами в прошедшем времени (пример см. выше).

По этой же модели строится форма «*го- + дзондзи + + связка*», образованная от вежливого глагола *дзондзи-ру* 'знать', который сам по себе имеет вежливо-скромное значение. Эту форму можно рассматривать как одну из вежливых форм глагола *сиру* 'знать', учитывая неупотребительность формы *о-сири-ни нару* (см. выше). Форма *го-дзондзи дэсу* сочетается с формами типа *о-...-ни нару*:

Соно Таки-сан ва, дзидзэн-но ханаси мо наку, мата хока-но ридзи-но ката-ни мо со:дан-сарэдзуну, тоцудзэн, дзихэ:-о табисаки-кара о-даси-ни натта кото-га ню:су дэсу... Таки-сан ва, Сасадзима-гахаку-о го-дзондзи дэсита нэ? (М, 150—151) 'То, что вы, господин Таки, без предварительных переговоров, не посоветовавшись с директорами, вдруг послали с дороги заявление об отставке, новость... Вы, господин Таки, знали художника Сасадзиму?'

Данная форма свободно употребляется как в настоящем, так и в прошедшем (см. последний пример) времени, поэтому по значению ее можно считать вышедшей из ряда форм типа *о-...дэсу* и являющейся эквивалентом формы *о-сири-ни нару*.

Формы типа *о-...насару* японские авторы отмечают как устаревшие [см. 20, 143], иногда даже исключая их на этом основании из ряда вежливо-почтительных форм [см. 6, 166]. Однако примеры с такими формами встречаются:

Сорэдэ, ока:сама, сугуни соно о-ханаси, о-хикиук.) насатта но? (М, 98) 'Ты, мама, сразу же обещала, что разговор состоится?'

Чаще всего эти формы употребляются в тех случаях, когда глагол представляет собой сочетание корней китайского происхождения с *суру*:

Сэнсэй ва, надзэ, го-кэккон насаимасэн но? (М, 106) 'Почему вы не женаты?'

Японские авторы по степени вежливости помещают эти формы между формами с *-рэ/-рарэ-* и формами типа *о-...-ни нару* (см., например, работы Исисака Сёдзо [5, 280—281] и Сакума Канаэ [14, 183]).

Формы, образованные при помощи вспомогательного глагола *асобасу*, обозначают, как указывают все авторы, наивысшую степень вежливости, причем отмечается, что в современном языке они, как и сам глагол *асобасу*, выходят из употребления [см. 20, 142] и что надо стараться избегать их [см. 6, 165]. Нам такая форма встретилась только один раз, причем истолковать ее можно, по-видимому, двояко: как форму, образованную по модели «о- (в виде го-) + глагол китайского происхождения без *суру* + *асобасу*», или как форму, состоящую из корня с префиксом вежливости, и *асобасу* как эквивалента *суру*:

Тоникаку ано о-футагата да ка, о-мигата да ка сира-най кэдо, имагоро Сё:сэнкё:-но онсэнъядо ка нанка-дэ номбири го-сэйё: асобаситэру ва (К, 131) 'Во всяком случае они, я уж не знаю, двое их или трое, сейчас лишнее время отдохнут на водах' (слова медсестры о членах семьи врача, у которого она работает).

Формы с *асобасу* ни разу не назывались информантами во время обследования, проводившегося в Уэно и Окасаки [см. 20, 142]. Видимо, эти формы уже не входят в систему современного языка (исключение составляет форма повелительного наклонения *асобасэ*, которая иногда встречается).

Значение почтительности может быть выражено не только при помощи суффикса или вспомогательного глагола, но и непосредственно в корне глагола. В современном языке некоторые глаголы имеют эквиваленты с вежливо-почтительным оттенком значения. Приведем ряд примеров:

Нейтральный глагол	Значение	Эквивалент глагола с вежливо-почтительным оттенком значения
<i>суру</i>	делать	<i>насару</i>
<i>суру</i>	делать	<i>асобасу</i> (редко)
<i>иру, ору</i>	быть	<i>ирассяру</i>
<i>куру</i>	приходить	<i>ирассяру</i>
<i>ику</i>	идти	<i>ирассяру</i>
<i>куу, табэру</i>	есть	<i>мэсу мэсиагару</i>
<i>ному</i>	пить	<i>мэсу, мэсиагару</i>
<i>йу:</i>	говорить	<i>иссяру</i>

Встает вопрос, чем следует считать *насару*, *ирассяру*, *асобасу* и т. д. — самостоятельными глаголами или формами соответствующих нейтральных глаголов.

Традиционно их считают самостоятельными глаголами, в лексическое значение которых входит значение вежливости.

Однако многие авторы фактически включают их в парадигмы спряжения соответствующих глаголов на место форм типа *о...-ни нару*, которые от этих глаголов (кроме *табэру, ному*) не образуются [см. 5, 280—281; 6, 169—170; 15, 166—167].

Форма *агару*, считающаяся менее вежливой, чем *мэсиагару*, иногда включается в ряд форм с суффиксом *-рэ-/рарэ-* [см. 5, 281; 6, 170].

Форма *мэсиагару* включается в ряд форм с *о... насару*, а в ряд с *о...-ни нару* включается форма *о-мэсиагари-ни нару* [см. 5, 281].

Форма *асобасу* (более вежливая, чем остальные) включается в ряд форм, где этот глагол выступает как вспомогательный.

Надо также учитывать, что некоторые из этих форм могут выступать в качестве эквивалента соответствующих нейтральных глаголов — как вспомогательные глаголы в служебных значениях.

Формы *насару* и *асобасу* употребляются для образования глаголов от корней китайского происхождения: *Титтомо кансин-насаранай дэсё?* (М, 51) 'Вы, вероятно, не восхищены?'

Пример с *асобасу* см. выше.

Форма *ирассяру* применяется для образования длительного вида: *Коноката ва Сасадзима-сэнсэй-но сиин-ни мада утагаи-о моттэ ирассяру ё: дэсу* (М, 165) 'Он,

вероятно, еще сомневается в причине смерти Сасадымы¹.

Форма *оссяру*, как и глагол *йу:*, имеет и значение 'называться': *Ииз, Ёсиока-сама то оссяимасу* (М, 200) 'Нет, его зовут Ёсиока'.

Отсюда можно сделать вывод, что эти формы можно считать не самостоятельными глаголами, а супплетивными членами парадигмы соответствующих глаголов (такими же супплетивными членами являются рассмотренные выше формы *горан-ни нару*, *оидэ-ни нару*, *го-дзон-ози дэсу*).

По степени вежливости формы *ирассяру*, *оссяру*, *насару* можно считать равными формам типа *о-...-ни нару*, как это считают многие авторы, ср.:

О-миз-ни наримасита... Ииз, сорэ ва нанимо оссяимасэн дэсита (М, 142—143) 'Он появлялся... Нет, об этом он ничего не говорил';

Таки-сан ва Дзюнэ:в-ни ираситтэ, Ногами-сан-но риндзю:-но моё:-о о-кики-ни наримасэн дэсита ка? (М, 45) 'Вы, Таки, будучи в Женеве, не слышали ли о том, что Ногами умирает?';

Яхари хитори-дэ дзутто о-кураси-ни наттэ ирассяру кара, сидзэнтэ сонна гидзюцу мо ми-ни цуку но нэ... Нэ, ока:сама, анна ий ката-га до:ситэ кэккон-насаранай но касира (М, 109) 'Он живет все время один, поэтому он, конечно, освоил это искусство тоже... Интересно, мама, почему такой хороший человек не женат?'

Однако в тех же ситуациях, что и формы с *-рэ-/рарэ-*, наряду с формами типа *о-...-ни нару* могут употребляться и формы *насару*, *кудасару*, *оссяру*. Особенно это показательно в случаях, когда в одних и тех же ситуациях употребляются соответствующие формы от тех же глаголов:

Сэкинин, сэкинин ттэ иварэру кэдо, нандэ коно кото-дэ сэкинин-о торанакя икэнай н дэсу ка?.. Ииз, дэсу кара вакаранай н дэсу, соно сэкинин то оссяру ими га (Ф, 131—132) 'Вы говорите: «Ответственность, ответственность», но нужно ли брать на себя ответственность за это дело?.. Нет, поэтому я не понимаю смысла того, что вы называете ответственностью';

Ногами-сан мо со:то:-ни куро:-сарэмасита дэсё: нэ (М, 33) 'И Ногами, вероятно, испытал много трудностей'— *Гутайтэкини-ва, до:ю: кото-о насатта но дэсё:?* (М, 35) 'Конкретно, что он делал?' (та же ситуация);

Суруто, соно о-кяку-сима ва, тотэмо биккури-сита ё:-на као-о насаттэ, сибараку кангаэтэ орарэмасита (М, 139) 'Затем этот гость с очень удивленным видом некоторое время раздумывал'— *Моттомо, ёку хон-надо-о хитори-дэ ёндэ ирасьямасита га...* (М, 141) 'Впрочем, часто он один читал книги...' (та же ситуация).

Последние два примера показывают существование двух синонимичных способов образования длительного вида для вежливо-почтительных форм (наряду с формами типа *о-...дэсу*). Эти два способа, при которых знаменательный глагол не изменяется, а вспомогательный принимает вежливо-почтительную форму, употребительнее, чем способ, при котором знаменательный глагол приобретает почтительную форму, например:

Сасадзима-сэнсэй-но дэссан-о коноката-га о-моти-ни наттэ иру кото ва дзидзицу да то омоимасу ва (М, 163) 'Думаю, что то, что у нее есть эскизы, нарисованные Сасадзимой, правда'.

Встречаются и случаи присоединения вежливо-почтительной формы вспомогательного глагола к вежливо-почтительной форме знаменательного глагола:

Коноката нара, о-томари-ни наттэ ирасьямасу (М, 146) 'Если этот человек, то он живет здесь'.

Это случаи, когда разные формы вежливости накладываются друг на друга. Такие формы выражают большую степень вежливости и не считаются литературными [см. 3, 200].

В то же время можно отметить, что формы *насару* и *оссяру* (возможно, и *ирассяру*) используются несколько шире, чем другие вежливо-почтительные формы. Они могут употребляться и в случаях, когда другие вежливо-почтительные формы не употребляются:

Коко-ни карини хатинин-сика ирэнай тоситэ, мо хитори, танин-га, ногарэкондэ китара аната до: насару? (К, 147) 'Здесь помещается только восемь человек, если еще один, чужой человек придет спасаться, что ты сделаешь?..' (обращение старшей сестры к младшей);

Соситэ кими ва Хатанака-сан тока оссятта нэ? (К, 125) 'Ты как будто говорил, что твоя фамилия Хатанака?'

В обоих примерах не выражено особой вежливости по отношению к собеседнику (что подтверждается отсутствием «вежливого» суффикса *-мас-* и употреблением

«невежливо» местоимения *кими*), но при обозначении действий субъекта употреблены формы *насару* и *оссяру*. Видимо, это связано с тем, что существует привычка употреблять эти вежливые формы по отношению к собеседнику (в речи о 3-м лице такая тенденция нами не отмечена).

Формы *агару* и *мэсиагару* в собранном нами материале встречались довольно редко:

Мо: агаттэ ирассяру камо сирэмасэн (К, 148) 'Он, вероятно, уже кушает' (служанка о хозяине);

До:дзо корэ, мэсиагаттэ кудасимаси (Ф, 138) 'Пожалуйста, кушайте'.

В обоих примерах выражена большая степень вежливости.

Встречается и форма *о-табэ-ни нару*; ср. приведенную выше фразу: *...асагохан-о хамбун-бакари о-табэ-ни наримасита* (М, 141) '...съел только половину завтрака'.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что в современном языке наблюдается определенная тенденция к нивелировке уровней вежливости при употреблении вежливочтительных форм. Наиболее почтительные формы либо выходят из употребления (*асобасу*, «императорские» формы), либо считаются нелитературными (вроде *о-...-ни наرارэру*), а формы меньшей степени вежливости сближаются между собой. Может быть, постепенно дело идет к сохранению только двух уровней данного вида вежливости, но это предположение нуждается в проверке.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- А — «Асахи-симбун» (газета).
Б — Бородзин А., Уги-но оне:сан, пер. с рус. Хидзиката Кэйта, — «Тэаторо», 1967, № 7.
Г — Горики М., Васса Дзиэрэдзуно:ва, пер. с рус. Макихара Ацуси, — «Тэаторо», 1967, № 8 (специальный выпуск).
Гс — «Гэнго-сэйкацу» (журнал).
К — Китасиро Ацуси, Акума ва кимбэн, — «Тэаторо», 1967, № 4.
М — Мацумото Сэйтё, Кю:кэй-но арано, Токио, 1969.
Ф — Фудзита Асая, Пихон-но гэйрон, 1961, — «Тэаторо», 1967, № 6.
Ц — Цудзимура Тосики, Гэндай-но кэйго, Токио, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коппрад Н. И., Синтаксис японского национального литературного языка, М., 1937.
2. Холодович А. А., Действие и субъект речи в японском языке, — «Ученые записки ЛГУ», № 128. «История и филология стран Востока», серия востоковедческих наук, вып. 3, 1952.
3. Иwabuti Эцугаро, Акубун, Токио, 1961.
4. Имандзуми Тадаёси, Кэйго-но ханаси, «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4 (115).
5. Иенсакэ Сёдзо, Кэйгохо:, — «Нихон-бумпо: ко:дза», т. I, Токио, 1957.
6. Киндзюти Кёсукэ, Нихон-но кэйго, Токио, 1959.
7. Кобаяси Ёсихару, Кокуго-кокубумпо: ё:ги, Токио, 1929.
8. «Кэйго то кэйго-исики», Токио, 1957.
9. Миядзи Ацуко, Матигаидаракэ-но кэйго, — «Кэйгохо: но субэтэ», Токио, 1966 (специальный выпуск журнала «Кокубунгаку»).
10. Мориво Муэаки, Кэйго-сё: но сё:со, — «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4 (115).
11. Окамура Кадзуюэ, Кэйго-сё: гакусэцу-хикаку-итираи, — «Кэйгохо: но субэтэ», Токио, 1966 (специальный выпуск журнала «Кокубунгаку»).
12. Сайга Хидэо, Кэйго-синтокудзю: ка кэн, — «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4 (115).
13. Сайга Хидэо, Симбун то кэйго, — «Кэйгохо: но субэтэ», Токио, 1966 (специальный выпуск журнала «Кокубунгаку»).
14. Сакума Канаэ, Гэндай-нихонго-но хё:гэн то гохо:, Токио, 1951.
15. Сираиси Дайдзи, Нихон-ко:го-бумпо:, Токио, 1956.
16. Токиэда Мотоки, Кокугогаку-гэнрон, т. I, Токио, 1962.
17. Токиэда Мотоки, Нихон-бумпо: Ко:гохэн, Токио, 1954.
18. Хасимото Синкити, Кокугохо: кэнкю:, Токио, 1957.
19. Хаяси Оки, Тэгами то кэйго, — «Кэйгохо: но субэтэ», Токио, 1966 (специальный выпуск журнала «Кокубунгаку»).
20. Цудзимура Тосики, Гэндай-но кэйго, Токио, 1967.
21. Яги Тэцуо, Тю:гакко: ни окэру кэйго-но сё:до:, — «Кэйгохо: но субэтэ», Токио, 1966 (специальный выпуск журнала «Кокубунгаку»).
22. Miller R. A., The Japanese Language, Chicago -- London, 1967.

НАРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Определение наречия

Наречие в современном японском языке — это такой класс слов, который обозначает признак признака (действия, состояния, качества, отношения), не имеет склонения и спряжения и употребляется в предложении преимущественно в качестве обстоятельства, а иногда в качестве сказуемого (со связкой¹), а также определения к именам с суффиксом *-но*. В этот класс слов входят также местоименные наречия типа *ко*;, *коко-ни*, *ко:-ситэ* и т. п. Значительное количество японских наречий употребляется без аффиксов.

Многие наречия имеют суффиксы *-ни*, *-то*, *-тэ*, *-ри*, *-н*, *-т*, которые могут чередоваться с нулевым суффиксом. После суффикса *-ри* к наречиям может присоединяться суффикс *-то* (или *-тэ*), а после суффикса *-ни* другие суффиксы следовать не могут. Суффиксы *-н* и *-т* употребляются только перед суффиксом *-то* (или *-тэ*).

Употребление некоторых наречий, так называемых модальных слов, обуславливается формами конечного сказуемого.

В состав наречий входит большинство ономапоэтических слов [см. 15, 151].

Таково общее определение японского наречия с точки зрения его грамматического значения и грамматической формы.

В данной статье мы рассмотрим спорные вопросы, связанные с ограничением от наречий слов других частей речи, а также попытаемся обосновать правомер

¹ Иногда она подвергается эллипсису, особенно в диалогической речи

ность включения в состав наречия ряда слов, которые по тем или иным причинам выводились за пределы этой грамматической категории и включались в другие части речи.

Вопрос о специфичности корней наречий по сравнению с другими частями речи в статье специально рассматриваться не будет, поскольку для нас в первую очередь важно выяснить не столько генезис наречий, сколько их функционирование в системе частей речи современного японского языка.

Наречия и «наречные формы» прилагательных

Одним из наиболее спорных вопросов в трактовке наречий в современном языке является вопрос о соотношении наречия и так называемых наречных форм предикативных и именных прилагательных.

Разберем точку зрения, в соответствии с которой формы на *-ку*, *-ни*, *-то* являются не наречиями, а «наречными формами» прилагательных, если в современном японском языке у них имеются корреспондирующие с ними формы прилагательных. Сторонники этой точки зрения, например Ямада Есио [см. 21, 368], аргументируют ее, исходя из своеобразия японского языка, которому свойственно несколько иное распределение лексики по частям речи, чем языкам индоевропейской семьи. Такая трактовка разбираемых форм явилась реакцией на слепое копирование европейских грамматик при распределении слов по частям речи.

Действительно, многие формы на *-ку*, *-ни* и *-то* представляют собой формы прилагательных. К ним относятся срединные, или соединительные, формы прилагательных, выступающих в предложении в функции незаключительного сказуемого или определения, а также те формы прилагательных, которые употребляются в сочетании с глаголами, выполняющими служебные функции (например: *ару* 'быть', *нару* 'становиться').

К прилагательным относятся также слова, которые, хотя и являются членами предложения, зависимыми от сказуемого, но выражают не признак признака, а признак предмета и сохраняют формальные приметы парадигмы прилагательных в их обстоятельственной функ-

ции. Чтобы проверить, сохраняет ли прилагательное в такой позиции связь с субстантивными членами предложения, целесообразно провести трансформацию, при которой зависимым от сказуемого формам прилагательного исходного предложения будет соответствовать в предложении-трансформе сказуемое. Если такая трансформация окажется невозможной, то это подтвердит необходимость отнесения их к таким прилагательным, которые в этой позиции более тесно связаны с глаголом и, следовательно, стоят ближе к наречию, чем прилагательные, допускающие такую трансформацию. Приведем примеры:

Нобуко ва коно итоко-но дайгакусэй-то мукаси-кара сйтасйку о:рай-сйтэ ита (АА, 127) 'Нобуко давно дружила (букв. общалась, будучи близкой) с этим студентом, ее двоюродным братом';

Карэра-но кайва-га кирэгирэни Синъитиро:-ни мо кикозтэ кйта (КС, 156) 'И до Синъитиро отрывочно доносился их разговор (букв. разговор доносился отрывочным)';

Яма-га аоаото кусаки-ни о:варэтэ иру (КД, 31) 'Гора одета в зеленый наряд (букв. зелено растительностью покрыта)';

Из всех этих (и аналогичных им) предложений можно построить указанные предложения-трансформы²:

Нобуко ва мукаси-кара о:рай-сйтэ иру коно итоко-но дайгакусэй-то сйтасйкатта 'Нобуко была дружна с этим студентом, ее двоюродным братом, с которым она давно поддерживала знакомство';

Синъитиро:-ни мо кикозтэ куру карэра-но кайва-га кирэгирэ датта 'Их разговор, который доносился и до Синъитиро, был отрывочным';

Кусаки-ни о:варэтэ иру яма-га аоаото-сйтэ иру 'Гора, покрытая растительностью, зеленая'.

Для целого ряда «наречных форм» применение данных трансформаций оказывается невозможным:

Мотия ва, цукацукато соба-э, ёттэ, араарасйку, Есидзо:-но тэ-о тотта (ТХ, 263) 'Торговец рисовыми лепешками решительно подошел и грубо схватил Есидзо за руку';

² Предложения-трансформы строились из исходных предложений автором и проверялись с информантом Комия Рэжисэй (А. А. Беляевым), уроженцем Японии.

Хи ва фукаку кагэтэ ита (КС, 138) 'Солнце глубоко спряталось [в тучу]';

О-ни:-тян ва сугоку ибаримасйта (ЦО, 69) 'Старший брат ужасно возгордился';

Синъитиро: ва о:кику унадзуйта (КС, 147) 'Синъитиро низко поклонился';

Нимпу-но айда-но ку:ки-га, гарарито тигаттэ, ма-дзимэни, хатараку моно-га, дандан сукунаку натта (ТХ, 254) 'Отношение рабочих к работе резко изменилось, и все меньше становилось тех, кто работал бы серьезно';

Синъитиро: ва, соно идзурэ-ка-га Рурико то ёбарэ ва синай ка то, нэссинни мицумэта (КС, 154) 'Синъитиро напряженно выжидал, не назовут ли кого-нибудь из них «Рурико»';

...Тэруко ва анэ-ни со: нагусамэрарэтэ мо, ё:ини на-киямо: то ва синакатта (АА, 139) '...Такими словами (букв. так) утешала Тэруко ее старшая сестра, но [ей] не [так] просто было перестать плакать';

«Хонто:ни со: кангаэтэ кудасаттэ ва, ватакуси кома-римас но ё», то, эндзэнтэ иисутэру то, доа-о хатато тод-зита (КС, 155) 'Если вы, действительно, так думаете, то я чувствую себя неловко!' — весело бросила [Рурико] и захлопнула дверцу'.

Во всех этих случаях указанные трансформации оказываются неприемлемыми: либо потому, что смысл предложения-трансформа будет не адекватен смыслу исходного предложения, либо потому, что такие предложения вообще не употребляются.

Так, следующие предложения-трансформы отличаются по смыслу от исходных предложений:

Цукацукато соба-э ёттэ, Ёсидзо:-но тэ-о тору мотия ва араарасйкатта 'Торговец, который решительно подошел и схватил Ёсидзо за руку, был грубым';

Ибатта о-ни:-тян ва сугокатта но дэс 'Возгордившийся старший брат был ужасен';

Унадзуку Синъитиро: ва о:кикатта 'Синъитиро, который кивнул головой, был большим (по росту)';

...Дандан сукунаку нару хатараку моно-га мадзимэ дэ атта 'Работающие, которых становилось все меньше, были серьезными';

Соно идзурэ-ка-га Рурико то ёбарэ ва синай ка то ми-цумэтэ ита Синъитиро: ва нэссин датта 'Синъитиро, ко-

торый выжидал, не назовут ли кого-нибудь из них «Рурико», был старательным»;

«Хонто-ни со: кангаэтэ кудасаттэ, ва, ватакуси комаримас но ё» то, иссутэтэ, доа-о хатато тодзита Рурико ва эндзэнго-сйтэ шта «Если вы, действительно, так думаете, то я чувствую себя неловко!». [Рурико], которая, бросив эти слова, захлопнула дверцу, была веселой».

Некоторые же такие предложения-трансформы не встречаются на практике либо вообще лишены смысла:

Анэ-ни со: нагусамэрарэтэ мо, накиямо: то ва синакатта. Тэруко ва ё:и датта «Тэруко, которую так утешала старшая сестра, но которая не переставала плакать, была простой»;

Кагэтэ иру хи ва фукакатта «Спрятавшееся солнце было глубоким».

Свидетельствует ли сама по себе неспособность к таким трансформациям об изменении общекатегориальной принадлежности указанных слов, об их переходе в состав наречия? На этот вопрос мы отвечаем отрицательно. Дело в том, что трансформационный анализ, помогая в ряде случаев четче выявить связи слов в предложении, все же не является универсальным критерием для определения части речи.

Как это видно из определения наречия, мы исходим из того, что часть речи может выступать как в своей ведущей синтаксической функции, так и в других синтаксических функциях, в которых ее общекатегориальное грамматическое значение признака выступает менее отчетливо. В этом, в частности, мы только что убедились при сопоставлении соединительных форм прилагательных с некоторыми их «наречными формами». Еще менее отчетливо грамматическое значение прилагательных выражается тогда, когда смысловая связь со словом, обозначающим предмет в рамках данного предложения, отсутствует.

Если исходить только из синтаксической функции и грамматической семантики указанных «наречных форм прилагательных», то их действительно трудно отграничить от подлинных наречий, так как их позиция в этом отношении является «слабой». Однако по другим признакам — соотношенности со всей парадигмой прилагательного и лексическому значению — эти формы по-прежнему следует считать прилагательными.

Правда, некоторые из этих прилагательных утратили способность выступать в какой-либо иной функции, кроме обстоятельственной, и в силу этого перешли в состав наречий:

Гоа, ко:тю:-но намакусаса ва яхари сюнэку кизнаката (АА, 134) 'А привкус по-прежнему *сильно* ощущался (букв. не исчезал) во рту';

Масасйку ватакуси-но накусйта токэй да (КД, 1066) '[Это] *несомненно* часы, которые я потерял';

Кими ва маттаку омотигаи-о сйтэ иру (КД, 1072) 'Ты придерживаешься *совершенно* ошибочной точки зрения';

Сарани сукосйку тэ:китэкини нагамэта... (Э, 49) 'Рассчитывали на *немного* более длительный период...'

Переход прилагательных в наречия происходил также в результате изменения лексического значения прилагательных, когда они выступали в обстоятельственной функции:

Ака-но хироба-ни Ю:ри Гагарин-сё:са-о мукаэта токи, совэто кокумин ва хйтосйку доё:ни ёрокоби-о кандзита (КР) 'Советские люди *все* одинаково радовались, когда встречали на Красной площади майора Юрия Гагарина';

Коно ими-дэ Нихон-ни окэру бурудзёа минсюсюги какумэй-но тэмбо: ва, судэни хаяку 1923 нэн-но ко:рё: со:ан-но то:дзи-кара хаттэн-ситэ кйтэ иру-но-дэ ару (ИН, 80) 'В этом смысле перспективы буржуазно-демократической революции в Японии *вырисовывались уже* (букв. еще уже) с того периода, когда был выработан проект программы 1923 года';

Ёку дэнсэцу-но нака-ни ару (КС, 184) '[Белая змея] *часто* упоминается (букв. бывает) в легендах'.

Во всех таких случаях переход в наречие имеет место только при наличии семантического разрыва с системой значений исходного прилагательного.

Обращает на себя внимание тот факт, что составители такого авторитетного словаря, как «Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary», вышедшего в 1957 году под редакцией Кацумата, выделяют некоторые «наречные формы» прилагательных в отдельные словарные статьи и даже снабжают их пометой «наречие».

Особо следует подчеркнуть, что в целом ряде случаев по объему передаваемых значений такие «наречные формы» прилагательных отличаются от их других

форм, что вызвано, очевидно, иной синтаксической функцией «наречных форм».

Так, у «наречной формы» прилагательного *атарасий* 'новый'³ отсутствует значение 'оригинальный', у «наречной формы» прилагательного *фукай* 'глубокий' отсутствуют значения 'толстый' и 'густой', у «наречной формы» прилагательного *о:кий* 'большой' отсутствует значение 'ужасный' и имеется новое значение 'дерзко', у «наречной формы» прилагательного *сидзукана* 'тихий' отсутствует значение 'замерший, опустелый' и значение 'грациозный', у «наречной формы» прилагательного *нигиякана* 'оживленный' отсутствуют значения и 'многолюдный, населенный', и 'шумный', и 'преуспевающий, процветающий' и т. д.

Отметив сдвиг в лексическом значении таких «наречных форм» прилагательных, который не приводит все же к разрыву с системой значений исходного образования, мы предлагаем отнести такие формы к промежуточным, имеющим тенденцию к переходу в состав наречий.

Наречия и глаголы в обстоятельственной функции

Определенные затруднения возникают и при отграничении от наречий омонимичных с ними форм глагола.

Наиболее легко отграничить наречия от глаголов в тех случаях, когда соответствующий глагол или его «наречная форма», как таковая, в современном языке уже вышли из употребления:

Осораку кидзоку ка дэ накэрэба мэймон-но ситэй на-но даро: (КС, 141) '[Он], по всей вероятности, сын аристократа, а если нет, то отпрыск знатного рода' (*осораку* — от вышедшей из употребления обстоятельственной формы глагола *осору* 'бояться' [см. 4, 227—229]);

Субэкараку сёсин-о данко:-субэки да (КД, 1669) 'Необходимо решительно отстаивать на практике [свои] убеждения' (*субэкараку* — от вышедшей из употребления обстоятельственной формы глагола *су* 'делать', основа которого в данном случае соединялась с суффиксом должествования *-бэси*);

Нэгавакува го-риппуку накаран кото-о (КД, 1274)

³ Здесь и в других случаях мы указываем основное значение слова.

Надеюсь (букв. *желательно*), что Вы не сердитесь на меня' (*нэгавакува* — от вышедшей из употребления обстоятельственной формы глагола *нэгау* 'желать' с выделительной частицей *ва*);

Ориитэ *таномитай кото-га ару* (КД, 1307) 'У меня есть дело, о котором я хочу *настоятельно* [вас] попросить' (от вышедшего из употребления глагола *ориуру* 'загибать внутрь').

К данному виду относятся отглагольные наречия типа *омовадзу* 'невольно', если мы будем рассматривать их в пределах разговорного стиля японского языка, в котором *омовадзу* как форма глагола *омоу* не употребляется.

Если же анализировать эти наречия с точки зрения книжного стиля, то такие формы целесообразно рассмотреть в сопоставлении с наречиями, имеющими омонимы среди обстоятельственных форм глаголов современного языка. Ср. глаголы в «наречной форме» с омонимичными им наречиями:

Го:до: шинкай-га тэ:са-о хадзимэтэ, *нисаннити-сйтэ фусэй-о бакуро:-сита* (КР) 'Рабочая комиссия, *начав* проверку, через несколько дней обнаружила недочеты в работе' (*хадзимэтэ* — глагол);

...*Васи ва* хадзимэтэ *кэккон-но ко:фуку-о кандзита* (КС, 241) '...Я впервые почувствовал счастье брака' (*хадзимэтэ* — наречие⁴);

Ватакуси ва ого:то-но дзинсэй-ни цуйтэ *омовадзу ни ва ирарэнакатта* (КР) 'Я не могу *не думать* о судьбе младшего брата' (*омовадзу* — глагол);

Синъитиро: ва со:сита гакусэй-но кайва-ни ко:кисин-о сосорарэтэ *омовадзу мадзикаку сэккин-сита* (КС, 156) 'Синъитиро, испытывая любопытство, *невольно* приблизился к беседующим студентам' (*омовадзу* — наречие);

Тёкки-о нимай *касанэтэ китэ иру* (КД, 733) 'Надел на себя две жилетки — *одну поверх другой*' (*касанэтэ* — глагол);

Сёрай *касанэтэ ко:ю: кото-но най ё:ни синасай* (КД, 734) 'Сделай так, чтобы в будущем этого больше (букв. *опять*) не было' (*касанэтэ* — наречие);

⁴ Отмечается, что это наречие имеет музыкальное ударение на втором слоге в отличие от соответствующей безударной формы глагола, что также является важным средством разграничения таких словоформ [см. 7, 30].

Кути-о кивамэтэ хомэру (КД, 855) 'Восхваляет, *зная предела*' (*кивамэтэ* — глагол);

Кивамэтэ кэнсон-дэ ару (КД, 855) 'Чрезвычайно скромн' (*кивамэтэ* — наречие).

В ряде случаев образование отглагольных наречий сопровождается изменением не только грамматической, но и лексической семантики. Ср., например:

Даматтэ, мэйрэй-ни ситагау (КД, 174) 'Молча повиноватся приказу' (*даматтэ* — глагол) и

Син-тэторон-сэйхин ва тэнъинтати-га сэцумэй-синайд *даматтэ тобу ё:ни урикирэмасйта* (КР) 'Новые изделия из тетрона продавцы, не вдаваясь в объяснения, смогли очень быстро продать *без всяких затруднений*' (*даматтэ* — наречие);

Канодзё ва фусйтэ аруйтэ ита (КР) 'Она прошла, *поднимая глаз*' (*фусйтэ* — глагол) и

Фусйтэ о-нэгаи мосиагэмас (КД, 281) 'Почтительно обращаюсь с просьбой' (*фусйтэ* — наречие);

Нани-о конондэ сонна кото-о сйта ка (КД, 923) 'Что *го Вы хотели*, когда поступали таким образом?' (*конондэ* — глагол) и

Карэ ва конондэ э-о каку (КД, 923) 'Он *часто* рисует картины' (*конондэ* — наречие);

Сора-га харэтэ, тэнки ва ёку наримасйта (КР) 'Небо *прояснилось*, и наступила хорошая погода' (*харэтэ* — глагол) и

Футари-га харэтэ фу:фу-ни нару (КД, 395) 'Они *официально* стали мужем и женой' (*харэтэ* — наречие);

Нани-кара хадзимэтэ ёй дэс ка вакарану (СЯ, 692) 'Не знаю, с *чего* начать' (*хадзимэтэ* — глагол) и

Мата коно компонтэки сайсо:сики, сунавати ко:дзё: -ни окэру кацудо:, ко:дзё: сайхо:-но какуруцу хаттэн-ни тамэ-но то:со:, корэра-ни ёттэ хадзимэтэ дзэнтэ:ин-га сэккёкутэкини то:кацудо:-ни санка-суру кото-ни натта (ИН, 83) 'Кроме того, стало очевидным, что *только* посредством такой коренной реорганизации, то есть работая на фабриках и заводах и борясь за создание и укрепление фабрично-заводских ячеек, все члены партии смогут принять активное участие в партийной жизни' (*хадзимэтэ* — наречие).

Во всех подобных случаях наречие, возникшее в результате адвербиализации «наречной формы» глагола будет отличаться от соответствующей глагольной фор

мы своей неспособностью выступать в функции конечно-сказуемого без связки и, следовательно, неспособностью иметь подчиненное ему дополнение или обозначать признак предмета, выраженного подлежащим. Следствием этого является потеря связи данного слова с парадигмой соответствующего глагола, в основе чего лежит смысловой разрыв с исходным глаголом, для которого обстоятельственная функция, как известно, не является ведущей.

Наречия и «наречные имена»

Разберем другой сложный вопрос — вопрос о соотношении наречий и «наречных имен».

Н. И. Фельдман специфические черты «наречных имен» как особой части речи видит в том, что слова этой категории по значению аналогичны наречиям, так как выражают признак признака, по линии морфологии они аналогичны именам, так как имеют склонение, по линии синтаксиса они отличаются от имен неспособностью иметь при себе определение-прилагательное [см. 13, 37]. Н. И. Фельдман пишет, что «они абсолютно лишены возможности иметь при себе определение какого бы то ни было значения и какой бы то ни было грамматической категории» и поэтому «...никакое качественное определение к *има* невозможно не только в предложениях типа *има-ва осой дэс* 'теперь поздно', *има-дэ ики-масё*: 'пойдем теперь', где *има* — обстоятельство времени, но и в выражении *има-о таносиму* 'наслаждаться теперешним моментом', где имя выступает как прямое дополнение» [11, 135—136]. Н. И. Фельдман считает, что от наречий их отличает «полная склоняемость, которая дает им возможность выступать в предложении не только в своей основной функции — обстоятельства, но и как подлежащее и прямое дополнение: *яя цэ-ни ару* 'находиться немного выше'; *ёсо-дэ кау* 'купить в другом месте'; *цэ-кара миру* 'смотреть сверху'; *миги-э магару* 'свернуть направо'; *миги-о муку* 'обернуться направо'; ...*има ва аки да* 'теперь осень'; *има-га итибан ий токи да* 'теперь наилучшее время' — здесь *има* в именительном падеже — подлежащее (несущее на себе предикативное ударение)» [13, 37—38].

Разберем вначале случаи, где «наречные имена» выступают, по мнению Н. И. Фельдман, в позиции прямого дополнения и подлежащего.

Возможны, например, следующие предложения (мы специально выбрали предложения со словом *има* 'теперь', которое обычно приводится как типичное для «наречных имен»):

...Вадзука саппэнго-но има ва, *сэмманъэн-о косу тё:дзя-ни наттэ иру...* (КС, 168) '*...Теперь, когда прошло всего три года, [он] стал богачом с капиталом, превышающим 10 миллионов иен...*';

Дага сорэкара, нинэнго-но-има ва до:до:то удэ-о куми, коси-о дайтэ арукэру бакари ка, хйтомэ саз сакэра-рэру нара, донна басё-э даттэ икэру то омоу то, ватакуси ва утётэн датта (ФР, 277) '*Однако теперь, когда прошло два года, я был на седьмом небе, стоило мне только подумать о том, что я могу не только (букв. разве только) пройтись, без стеснения взяв [девушку] под руку и обняв ее за талию, но и пойти куда угодно, если нам удастся укрыться от постороннего взгляда*';

Гакко: ва сё:тю: кю:ка:-но ясуми-ни натта но дэ, сэй-тотати ва матидо:катта има-о таносиндэ имас (КР) '*В школе наступил перерыв на летние каникулы, и ученики наслаждаются временем, которого они долго ждали (букв. долгожданным теперешним моментом)*';

Мура-но хитотати ва судзусий има-о таносиндэ имас (КР) '*Жители деревни наслаждаются наступившей прохладой (букв. прохладным теперешним моментом)*';

Ро:дзинтати ва коно исогасику най нэгавасий има-о таносиндэ имас (КР) '*Старики наслаждаются этим желанным временем (букв. этим желанным теперешним моментом), когда ничем не занят*';

Ацуку най судзусий има-га итинэндзю: дэ итибан ёй токи дэс (КР) '*Сейчас, когда не жарко, а прохладно (букв. нежаркий, прохладный теперешний момент), — самое лучшее время года*';

Амэфури-но най, ататакай има-га итибан ёй токи да (КР) '*Сейчас, когда нет дождей и тепло (букв. теплый теперешний момент, когда нет дождей), — самое лучшее время*';

Самуй има ва фую дэс (КР) '*Сейчас, когда холодно, стоит зима*' (букв. '*Холодный теперешний момент есть зима*');

Сабисий има ва *аки дэс* (КР) 'Сейчас, когда так тоскливо, стоит осень' (букв. 'Тоскливый теперешний момент есть осень').

Сплошное обследование «наречных имен» в первой части романа Кикүти Хироси «Синдзю: Фудзин» («Госпожа Жемчужина») показало, что во всех случаях, когда «наречное имя» употребляется без определения, перед ним можно поставить не только определительное придаточное предложение с глагольным сказуемым, но и распространенное определение, в состав которого входит прилагательное. Мы имеем в виду определение типа *санакидани сабисий има* (КС, 181) 'в настоящий момент, который и без того печальный'.

Определительное придаточное предложение оказалось невозможным поставить перед «наречными именами» лишь в тех случаях, когда у них уже произошел смысловой сдвиг, который привел к образованию из имени существительного наречия; например, перед *има* в значениях 'только что', 'вскоре', *имани* в значениях 'в любой момент', 'вот-вот' и *иманимо* в значении 'вскоре', *има* 'еще' в словосочетании *има сибараку* 'еще немного' (о времени).

Такие примеры, число которых могло бы быть значительно увеличено, показывают, на наш взгляд, достаточно ясно, что в данном случае мы имеем дело не с синтаксической субстантивацией, а с субстантивацией семантической, ибо в рассмотренных выше примерах «наречные имена» функционируют как подлинные существительные с характерными для них формальными признаками и, следовательно, с общекатегориальным значением предметности.

Все это позволяет, как нам кажется, сделать вывод, что «наречные имена» не удовлетворяют условиям, необходимым для отнесения их к наречиям, и не обладают грамматической спецификой, позволяющей выделить их в отдельную часть речи.

Исходя из некоторых положений, которые содержатся в работах Н. И. Фельдман⁵, мы предполагаем распре-

⁵ Мы имеем в виду, с одной стороны, замечание Н. И. Фельдман о том, что «быть может, действительно, правильнее считать их особым подвидом наречий» [13, 38], а с другой стороны, указание на то, что с такими словами, т. е. наречиями, «не следует смешивать

делить слова, которые Н. И. Фельдман относит к одной части речи, по двум грамматическим классам — класс имен и класс наречий — в зависимости от их грамматических свойств (в частности, способности иметь при себе определение или определительное придаточное предложение).

Наречия и существительные в функции обстоятельства

Одним из спорных вопросов грамматики современного японского языка является вопрос об отграничении от наречий имен существительных в обстоятельственной функции. Это объясняется тем, что целый ряд наречий, как известно, образуется в результате обособления существительных в данной функции от системы именного формообразования [см. 4, 114 и 318].

Критериями для разграничения соответствующих форм как слов разных классов является, в частности, неспособность наречий в отличие от существительных принимать определение или определительное придаточное предложение и выступать в качестве подлежащего или дополнения⁶:

До:со:тати ва мина фусигигатта (АА, 128) 'Одноклассники все недоумевали';

Кими ва дзицунни дзи-га цмай (КД, 599) 'Ты действительно хорошо пишешь иероглифы';

Канодзэ ва сидайни итоко-но као-о укагавадзунни ва ирарэнаку натта (АА, 136) 'Она в конце концов не смогла удержаться от того, чтобы не выяснить настроение двоюродного брата';

Маэ-но тэгами-о миру то, омаэ ва соко-дэ майаса рокидзи-ни «рэйсуй-масацу»-о яттэ иру то кайтэ ита... (КХ, 476) 'В прошлом письме ты писал, что ежедневно утром в шесть часов делаешь там «массаж холодной водой»...'

употребление в наречном значении (мы бы сказали обстоятельственным, — К. Ч.) настоящих существительных, в частности обозначающих время суток или времена года», которые имеют то общее с таким «подвидом наречий», «что в функции обстоятельства времени в ответ на вопрос „когда“ те и другие употребляются в форме основы или, если требуется, с *ва...*» [14, 347].

⁶ В ряде случаев таким критерием может также служить различие в ударении, например: *мина* 'все' с ударением на первом слоге — наречие, на втором — местоимение [см. 10, 20].

Во всех таких случаях замена исходных предложений на предложения, в которых интересующие нас слова не имели бы при себе определение или определительное придаточное предложение, оказывается либо невозможной, либо ведет при совпадении или близости лексических значений («лексической семантики») к изменению их общекатегориальной принадлежности («грамматической семантики») ⁷. С точки зрения морфологической структуры для таких наречий очень характерной является безаффиксальная форма:

Тэруко ва [хонно тётто-но (КР)] иссюнкап мё:на као-о сйтэ, анэ-то мэ-о миавасэта (АА, 139) 'Тэруко, сделав на одно мгновение удивленное лицо, посмотрела в глаза старшей сестры';

[Суторайки-но (КР) хадзимэ ва, оккана биккури, оккана биккури-дэ сйтэ ита га... (КК, 88) 'Сначала [рыбаки] действовали робко, с опаской, но все же...';

«Дзя о-нэ:-сама ва ..о-нэ:-сама ва надзэ [ватакуси-но кокоро-о кидзуцукэри кото-о сйттэиру соно (КР)] ю:бэ мо...» *Тэруко ва мина-мадэ иванай ути-ни, мата као-о содэ-ни удзумэтэ, хоссатэки-ни хагэсику накихадзимэта (АА, 140)* '«[Послушай, сестра... сестра, почему ты вчера вечером...», — Тэруко, не договорив всего, снова уткнулась в рукав и судорожно зарыдала';

[Соно ми-но (КР)] ёкудзицу карэра ва мата мото-но то:ри, чака-но ёй фу:фу-ни каэттэ ита (АА, 132) 'На следующий день они снова превратились в дружную супружескую пару';

[Кондо тою: (КР)] кондо ва сяцу-но содэ-дэ, кути-но мавари-о эйто косуримасйта (ЦО, 133) 'В-в-в! На этот раз вытер губы рукавом рубашки'.

Во всех этих случаях интересующие нас слова, как это видно из примеров, могут без изменения своего общекатегориального грамматического значения принять определение или определительное придаточное предложение (заключенные в примерах в квадратные скобки) и, следовательно, не могут удовлетворять требованиям, позволяющим, по нашему определению, относить их к

⁷ Э. В. Севортян пишет, что «для наречия ввиду его недостаточного формального развития основным признаком мог бы быть признак синтаксический, притом отрицательный, а именно, выяснение вопроса о том, с чем исследуемое наречие не может сочетаться» [9, 221].

наречиям. Такие слова следует рассматривать как существительные в функции обстоятельства.

В работах японских языковедов рассматриваемые здесь наречия и существительные в обстоятельственной функции зачастую четко не разграничиваются. При этом, исходя из общности лексического значения, включают в одну часть речи — существительное, с указанием на то, что они могут использоваться в функции наречия (последовательнее было бы сказать — обстоятельства. — К. Ч.) [см. 4, 317—318], либо включают одновременно (!) в две знаменательные части речи — существительное и наречие [см. 17, 1151].

Такое положение в японском языкознании в известной мере объясняется тем, что степень обособленности таких обстоятельственных форм нередко оказывается недостаточно ясной, и вопрос о возможности поставить перед ними определение или определительное придаточное предложение как один из наиболее ярких признаков субстантивности подчас вызывает колебания, как показывают наблюдения, даже у тех, для кого японский язык является родным.

* * *

Нам представляется нецелесообразным подробно останавливаться на вопросах отграничения наречий от других именных частей речи — местоимений и числительных.

Что касается местоимений, грамматически выступающих в качестве эквивалентов существительных (обстоятельственные формы которых как представляющие наибольшую трудность для отграничения их от наречия мы рассмотрели выше), то здесь, пожалуй, следует обратить лишь внимание на слова с суффиксом *-дзукара*, близкие по своему значению к возвратно-указательным местоимениям, но не указывающие на имя, а выступающие в качестве обстоятельства при глаголе или прилагательном (например: *онодзукара* 'сам', *мидзукара* 'сам', *тэдзукара* 'собственноручно') и, следовательно, являющиеся наречиями [см. 4, 108].

Что же касается числительных, обозначающих конкретный числовой признак предмета, то, хотя Киндайти Харухико, как указывает Н. И. Фельдман [см. 13, 33], и

относит их обстоятельственные формы к подвиду наречий, мы вслед за многими лингвистами полагаем, что это лексико-грамматическое значение, свойственно всем числительным без исключения, как раз и составляет характерную черту данной части речи, отличающую ее от существительных.

Некоторые языковеды, например Ямада Есио, относят к числительным также слова, выступающие главным образом в обстоятельной функции, т. е. такие слова, как *мина* 'все', *сукоси* 'немного', *тётто* 'чутьточку', *котоготоку* 'все', *мороморо* 'множество' и т. п. [см. 4, 121].

Однако с этим вряд ли можно согласиться, ибо они, во-первых, не обозначают числового признака предмета и, во-вторых, не имеют в своей морфологической структуре счетных суффиксов, представляющих собой характерную формальную примету числительных.

Такие слова мы включаем в состав наречий.

Наречия и определительные формы прилагательных

Не вполне ясным является вопрос о грамматической природе слов, которые употребляются в применной позиции, подобно прилагательным в форме на *-но*, *-на* и *сйта*, но совпадают по своей основе с наречиями (например: *тоцуддээн-но хо:мон* 'неожиданное посещение', *канэ-тэкара-но нэгаи* 'давнишнее желание', *канари-но хйтодэ* 'порядочная толпа', *тацуддээнна хо:мон* 'неожиданное посещение', *марэна бидзин* 'редкая красавица', *канари-на дэкигото* 'значительное происшествие' и т. п.⁸):

Карэра ва соного сибараку-но айда, ёрутосаваруто дзю:дайрасику, канарадзу коно гимон-о вадай-ни сйта (АА, 128) 'Они в течение некоторого времени всякий раз, когда встречались, обязательно обсуждали этот вопрос как нечто *важное*';

Карэ ва тётто-сйта кокисин-о сосоразнагара, сибаракв-но ханрётарубэки хйто-но дэтэ куру-но-о, маттэ ита (КС, 141) 'Подогреваемый *некоторым* любопытством, он ждал людей, которые должны были стать *немного погодя* попутчиками';

⁸ Н. И. Конрад включает слова на *-на* и *-но* в состав наречий [см. 5, 169]. Н. И. Фельдман рассматривает слова типа *хаккири-сйта* 'ясный' как наречия, которые «образуют адъективную форму» [13, 38].

Сукоси-но симбо: дэс. *Суэу ися-га кимас* (КС, 146) 'Немного терпения (букв. некоторое терпение). Врач прибудет немедленно';

То:й То:-кё:-но, тиисана кунн-кара яттэ кйта, мадзу-сий гакусэй-га, сэкай-дэ итибан-но кэнкю:дзё-ни хайтта но дэс (МК, 41) 'Бедный студент, который приехал из маленькой страны, где находится далекий Токио, поступил в самый лучший в мире научно-исследовательский институт';

Тоудзэн-но таёри-дэ одоройта (КД, 1871) '[Они] были удивлены неожиданным письмом';

Кантоку-но пэкопэко-сйта какко:-о манэтэ мисэта (КК, 75) 'Стал копировать подхалимские повадки инспектора';

Кумамото-ни, Нихон-дэ ва хадзимэтэ-но, о-ися-сан-но гакко:га дэкимасйта (МК, 16) 'В Кумамото была создана первая в Японии медицинская школа';

Тянто-сйта хяккатэн-дэ, тянто-сйта моно-о каэба ий но даро: (МД, 39) 'Хорошо бы покупать определенные вещи в определенном универмаге'.

Исходя из концепции частей речи, согласно которой, как уже говорилось, часть речи может выступать не только в своей ведущей функции, но и в других функциях, если при этом в основном сохраняются ее грамматические особенности, мы считаем, что такие образования на *-но*, которые, как известно, представляют собою универсальный атрибутивный аффикс, являются наречиями в определительной функции.

Из их числа мы исключаем такие, которые употребляются только в этой неосновной для наречия функции (например: *рэйно* 'вышеупомянутый', *куданно* 'данный', *коно* 'этот', *соно* 'тот', *ано* 'вон тот', *карисомэно* 'временный', *кано* 'этот' и др.) и, следовательно, не являются наречиями.

В качестве определительных форм прилагательных или глаголов мы рассматриваем словоформы на *-сйта*, который представляет собой в одних случаях формант прилагательного, а в других — формант глагола.

От употребления в определительной функции наречий рассмотренного выше типа несколько отличается употребление в этой функции наречий, имеющих параллельные словоформы с суффиксом *-но* и нулевым суффиксом.

Японский языковед Мацусита Дайсабуро пишет: «То, что делает наречие наречием, не зависит от того, какому разряду слов подчиняется наречие, а зависит от того, как оно подчиняется. Как же именно? Наречие подчиняется не самому значению другого слова, а употреблению этого значения. В *сугу тонари* 'совсем рядом' *сугу* определяет не значение *тонари*, как таковое, а употребление значения *тонари*. Если бы оно определяло само значение *тонари*, мы сказали бы *сугу-но тонари* 'совсем рядом' (букв. 'в близком соседстве')» [19, 35].

Другими словами, поскольку образования на *-но* определяют само значение определяемого, а не его употребление, то их отнесенность к наречиям исключается.

Более того, некоторые японские языковеды, например Мацусита Дайсабуро и Иноуэ Сэйити, утверждают, что определительная функция является не свойственной наречию, и считают возможным отнести такие формы, даже в том случае, если они употребляются без формантов, к общей грамматической категории «приименного» [см. 19, 66; 4, 150], т. е. к разряду слов, рассматриваемых в советском японоведении как разновидность прилагательных.

Однако, по нашему мнению, различие между наречием и «приименным» выходит за пределы различий между разновидностями наречий, выступающих в одной и той же определительной функции, что вытекает из развиваемой здесь концепции частей речи.

По нашему мнению, наречия в функции определения к существительному могут употребляться как без форманта, так и с формантом. Ср., например:

Сэйнэн-но карада-га сугу соко-ни атта (КС, 144) 'Тело юноши лежало *совсем* [рядом] с тем местом' и *Хйккосйтэ сугу-но доё:би-но гого датта* (ЦД, 222) 'Это произошло после полудня в *первую* субботу после переезда на новое место';

Вадзука иссю:кан, ханарэтэ иру то, мо: соннани ай-такутэ, тамаранай но ка (КС, 139) 'Неужели, расставшись *всего* неделю тому назад, [я] уже так нестерпимо жажду встречи' и

«Сорэдэ, дзицува Аоки-кун-но синигава-но юйгон-о кийта но дэс». Синъитиро: ва, фудзин-но симэсйта вадзука-бакари-но до:ё-ни тйкара-о этэ цуккому ё:ни со:итта (КС, 162) '«Значит, Вы в действительности слы-

шали последнюю волю Локи-куна?»— спросил (букв. так сказал) Синъитиро, обретая уверенность благодаря едва заметному (букв. *лишь незначительному*) колебанию, проявленному женщиной;

— *Ватакуси-но ути ва мэторо-но сугу тонари дэс.*

— *Сйкаси ватакуси ва кими-но ути-га вакаримасэн дэсйта.*

— *Нан да? Ватакуси-но ути ва мэторо-но сугу-но тонари да кара, вакарану хадзу-га най ё* (КР)

— Мой дом находится *совсем* рядом с метро.

— Тем не менее я не знал, как к нему пройти.

— Как же так? Ведь мой дом находится *совсем* рядом с метро и Вы не должны были его не найти (букв. не понять)';

Сасуга ва Ямада-сан да. Вадзука *иссюкан коно сиготога дэкйта* (КР) 'На то он и Ямада-сан, что выполнил эту работу *всего* за одну неделю' и

Сасугани Ямада-сан да. Вадзука-но *иссю:кан коно сигото-га дэкйта* (КР) 'На то он и Ямада-сан, что *всего* за одну неделю выполнил эту работу'.

Различие между этими разновидностями наречий в определительной функции состоит в том, что связь между членами словосочетания с наречием на *-но* более тесная, чем в словосочетаниях с наречием без *-но*.

Кроме того, в ряде случаев довольно отчетливо ощущается выделительное, подчеркивающее значение, которое приобретает наречие с *-но* в противопоставлении с наречием без *-но*.

В ряде случаев рассматриваемые нами слова употребляются в определительной функции как с формантом *-но*, так и с формантом *-на*⁹. Ср.:

Сэмпо: ва тоцудзэнна тои-о игайни омотта расйкатта (КС, 156) 'Собеседнику этот *неожиданный* вопрос, по видимому, показался странным' и

Дзибун кэдамоно-но готокү сэматтэ кйта карэ-га, тоцудзэн-но синню:ся-ни ёттэ, морокумо тоттэ фусэрарэтэ иру (КС, 246) 'Его, который надвигался на нее, словно [разъяренный] зверь, *неожиданный* пришелец схватил и легко поверг ниц';

«Рурико!» то, сакэнда-но ва, тада курутта кокоро-но сайгоно, гудзэнна увагото-дэ атта камо сирэнакатта

⁹ Б. В. Бейко считает формант *-на*, как и формант *-но*, «универсальным атрибутивным аффиксом» [2, 147].

(КС, 149) Возможно, вырвавшееся из уст: «Рурико!» было лишь последним случайным криком его истерзанной (букв. помешанной) души' и

гудзэн-но дэкигото (КД, 350) 'случайное происшествие'; *гудзэн-но сирий* (КД, 350) 'случайное знакомство';

Дзибун-га кидзуцукэта хэби ва хонно вадзукана урами-о мукуу тамэ-ни мо:дзэнто, осоикакаттэ иру но да то (КС, 184) 'Раненая змея, для того чтобы хотя бы немного отомстить за себя, яростно бросается [на врага]' и

«Вадзука-но айда ханарэтэ курасйта кото-га коннани мо хэдатэ-о цукуру моно ка» то сабисйкатта (ЦД, 137) 'Она загрустила: «Неужели за столь короткий срок, пока я жила вдали [от нее], между нами возникло такое отчуждение?»';

Мина ва ю:мэси-о оваттэ... варимэ-га тидзу-но ё-ни хаиттэ иру гатагата-но судо:бу-ни ёттэ ита (КК, 50) 'После ужина все теснились у полуразвалившейся печки, которая, словно карта, была испещрена трещинами' и

1949 нэн-но «Фо:до» ва гатагатана курума расий (КР) '«Форд» выпуска 1949 года, по-видимому, машина полуразвалившаяся'.

В примерах такого типа формант *-на* (исключая, разумеется, случаи, где *-на* выступает как вариант связки *нару*) является формальным показателем именного прилагательного, а формант *-но* — формальным показателем наречия.

Наречия и сказуемые формы именного прилагательного

Некоторые японские языковеды, например Киэда Ма-суити, считают, что наречие не может выступать в функции сказуемого. «Иногда кажется,— пишет Киэда Ма-суити,— что наречие является сказуемым, например:

Коно бо:си ва ватакуси-но атама-ни тё:до да 'Эта шляпа мне как раз по голове';

Самуса ва мо: сибараку дэсу 'Холод — уже давно'¹⁰.

¹⁰ Мы пополним эти примеры ввиду их малочисленности следующими предложениями с наречиями в функции сказуемого (со связкой):

На такие случаи смотрят по-разному. Я, например, считаю, что эти сказуемые следует рассматривать как заключительную форму адъективных глаголов (правда, некоторые из них не имеют полностью всех форм спряжения). Поскольку это адъективные глаголы, постольку нет ничего странного в том, что они как „сгэны“ являются сказуемым. Наречия сами по себе лишены предикативности» [4, 315—316].

Действительно, наречия сами по себе не обладают предикативностью, но приобретают ее, когда в сочетании со связкой выступают в функции сказуемого¹¹, что отличает их в этой функции от глаголов и предикативных прилагательных.

Киэда Масуити, как это видно из цитаты, делает оговорку, что некоторые из таких именных прилагательных (по терминологии японского ученого, «адъективные глаголы») не имеют полностью всех форм спряжения.

В самом деле, такие слова никогда не могут иметь формы на *-на*, а в ряде случаев и формы на *-ни* и, следовательно, остаются неспрягаемой (и несклоняемой) частью речи, выступающей в качестве сказуемого (со связкой), однако ведущей для этих слов является функция не сказуемого, а обстоятельства.

При этом в ряде случаев продолжают сохраняться смысловые связи между таким наречием и глаголом, которому оно бывает подчинено в своей обстоятельственной функции:

Тацу-сян-га о-ути-э хаиру то сугу бэйта... О-нэ:-сан-но хана-ута-га омотэ-но мити-кара кикозэ кимасйта (ЦО. 36—37) 'Это произошло (букв. было) сразу, как только Тацу-тян вошел в дом'. С улицы, которая тянулась перед домом, слышалась песня старшей сестры, которая пела себе под нос';

Ватакуси ва Нагоя-э ва корэ-га хадсимэтэ да (КД, 370) 'Это мое первое посещение Нагоя';

Ватакуси-но дзюцу:-га таэдзу дэс (КР) 'У меня головная боль не прекращается (букв. есть непрерывно)';

Такай яма-но нака-дэ ва Фудзисан-га моттомо да (МГ, 160) 'Среди высоких гор [Японии] гора Фудзи наиболее [высокая]';

Олимпикү-дэ кинмэдарү ва Сорэн-га хотондо дэс (КР) 'На Олимпийских играх золотые медали почти все достались Советскому Союзу';

¹¹ Мы отвлекаемся здесь от случаев эллиптированной речи, когда предикативность выражается другими средствами, в частности, интонацией.

Сихонсюги-ни хантай-суру кото ва маттаку дэс (КР) '[Мы] решительно (букв. абсолютно) выступаем против капитализма';

Ватакуси ва эндан-ни тагта-но ва корэ-га хадзимэтэ дэс (КД, 370) 'Это первый случай (букв. впервые), когда я поднялся на трибуну';

Коно бёки-то дантэй-суру-но ва наканака дэс (КР) 'Распознать эту болезнь трудно';

Хатинэн-о овару-но-га ятто дэсйта (КР) '[Он] окончил восьмой класс с трудом (букв. еле-еле)';

Орэ-ни ва, има дзибун хйтори-дэ ёку кангаэтэ минакэрэба наранай кото-га доссари ару но да (ФК, 144) 'Есть многое (букв. много), над чем мне надо теперь подумать наедине с самим собою'.

Трансформация таких предложений в предложения, где наречия выполняют свою основную функцию (функцию обстоятельства), позволяет показать эти связи более отчетливо:

Сихонсюги-ни маттаку хантай-симас (КР) 'Решительно выступаем против капитализма';

Ватакуси ва хадзимэтэ эндан-ни татимасйта (КР) 'Я впервые поднялся на трибуну';

Коно бёки-о наканака дантэй-симас (КР) 'Эту болезнь распознают с трудом';

Хатинэн-о ятто оваримасйта (КР) 'Еле-еле окончил восемь классов';

Орэ-ни ва има, хйтори-дэ доссари ёку кангазнакэрэба наранай до дэс (КР) 'Мне теперь надо много и как следует подумать наедине с самим собою'.

Таким образом, рассмотренные слова, не имеющие форм на *-на* и *-сйта*, не противоречат предлагаемому нами определению наречия и, следовательно, включаются в состав этой лексико-грамматической категории.

Наречия и «модальные слова»

Спорным является вопрос о том, можно ли слова, именуемые обычно в японской лингвистике «наречиями предикации», рассматривать в качестве отдельной части речи — «модальных слов», как это предлагает Л. А. Часовитина [см. 14, 170—172]. Примеры:

Га, айнику эри ва иппон нокорадзэ сентакуя-но тэ-

ни вататтэ ита (АА, 131) 'К несчастью, воротничка ни одного не осталось, так как они были отданы прачке';

Сэйнэн-но юйгон-о укэта то ко:бэн-сйтэ мо, хатасйтэ *синдзирарэру даро: ка?* (КС, 149) 'Даже если он будет протестовать, говоря, что на то была воля покойного, разве ему на самом деле поверят?';

Дзиссай Сюнкити ва соно токи мо: канодзё-но куру-ма-но сугу соба-ни, *минарэта сугата-о аравасйтэ ита* (АА, 141) 'В самом деле, хорошо знакомая фигура Сюнкити в это время уже появилась совсем рядом с ее коляской';

Га, *масака сото:на ити-но фудзин-га*, *айнори-о сё:даку-суру кото мо арумай* (КС, 141) 'Вряд ли, однако, с ним согласилась бы поехать женщина с положением в обществе';

Сорэ ва, *якунин-ни азба*, *Гэнкйити-га* кйтто, *хонто:ни кйтто*, *якунин-о утикоросу*, *то омотта кара датта* (КБ, 125) 'Это произошло потому, что [она] была уверена в том, что, если [они] встретят чиновников, Гэнкити непременно, в самом деле непременно, убьет их';

Дзицува, *Атами-мадэ юко: тою: ката-га ару но дэс га...* (КС, 140) 'По правде говоря, есть человек, который собирается ехать до Атами...'

Одной из важнейших особенностей таких слов, которая отличает их от наречий и позволяет выделить в качестве самостоятельной части речи, Л. А. Часовитина считает функцию вводного члена предложения [см. 14, 170], употребление которого в предложении, как известно, обусловлено формой заключительного сказуемого.

Другой такой особенностью Л. А. Часовитина считает отсутствие у них живых словообразовательных суффиксов, например *-ни*, *-то*, которые, как она пишет, можно выделить (у некоторых из них) только этимологически [см. 14, 171].

Л. А. Часовитина отмечает также семантическую особенность этих слов — выражение ими «отношения говорящего к явлениям и связям в природе и обществе с точки зрения их вероятности, возможности, необходимости и т. п.» [14, 171].

По нашему мнению, так называемые модальные слова все же не обладают необходимыми признаками, которые явились бы достаточным основанием для выделения их в самостоятельную часть речи.

Функция «модальных слов» могла быть отождествлена с функцией обособленного, вводного члена предложения, видимо, потому, что в плане актуального членения предложения они выполняют функцию оценочной части высказывания. При этом они действительно могут соотноситься со всей остальной частью высказывания в целом [см. 6, 284]. Часто это оказывается возможным тогда, когда наречия-обстоятельства в связи со смысловым заданием ставятся в высказывании на первое место [см. 8, 103—110].

Однако на другом синтаксическом уровне эти слова продолжают выполнять функцию обстоятельства.

Что касается морфологических показателей «модальных слов», то они не являются специфичными для данного разряда слов. Известно, что и у целого ряда наречий указанные Л. А. Часовитиной словообразовательные суффиксы можно выделить лишь при этимологическом анализе.

Хотя употребление «модальных слов» в предложении обусловлено грамматической формой заключительного сказуемого, эта грамматическая особенность не изменяет ни их грамматического значения как части речи, ни их синтаксических функций, что не позволяет выделять эти слова в отдельную часть речи.

Указанные особенности дают нам право выделять их только в отдельную частную лексико-грамматическую категорию в составе наречий по их общему значению модального признака признака.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что рассмотренные слова удовлетворяют требованиям, установленным нами для наречия.

Наречия и союзы

Мнение лингвистов расходится также по вопросу о соотношении наречий с омонимичными им союзами.

По разным причинам японские лингвисты нередко включают их в одну часть речи в качестве союзных или полусоюзных наречий. Исходным моментом для такой концепции служит совпадение этих слов по своему фонетическому составу и отнесение указанных союзов к знаменательным частям речи. При этом учитывают воз-

возможность их использования в начале предложения как препозиционных союзов в отличие от употребляемых постпозиционно слов, именуемых японскими лингвистами союзными частицами.

Однако препозиционность таких союзов связана не со знаменательностью, а с их использованием как средства сцепления соотносимых речевых компонентов без изменения синтаксической структуры этих компонентов, в то время как постпозиционные союзы употребляются как средство синтаксической связи (сочинения или подчинения), вызывающей изменение в синтаксической структуре указанных компонентов [см. 3, 6].

Сопоставим примеры с парениями и омонимичными им союзами:

Цукуэ-но уэ-э ойтэ, фу-фу: фуйтэ мата нигитта (НБ, 65) 'Положил на стол, подул — фу-фу — и *опять* взял' (*мата* — наречие) и

Карэ ва ямаси, соно мусуко мо мата ямаси да (КД, 1069) 'Он является шарлатаном, и его сын тоже шарлатан' (*мата* — союз);

Дзиссай мигирэйна отто-но сугата ва, со:йу хйто-но накани мадзиттэ иру то, бо:си-кара мо, сэбиро-кара мо, аруйва мата акагава-но амиагэ-кара мо, кэсё:-сэккэн-но ний-ни нита, иссю-сэйсинна фунъики-о хо:сан-сасэтэ иру ё: дэ итта (АА, 131) 'В самом деле, опрятная фигура мужа смешалась с такой публичкой, и от его шляпы и пиджака, а *быть может, также* и от красных ботинок словно исходила своеобразная свежесть (букв. свежая атмосфера), похожая на запах туалетного мыла' (*аруйва* — наречие, *мата* — союз) и

Пэн ка аруйва эмпицу-га накэрэба, какэнай (ТК, 187) 'Нельзя писать, не имея ручки или карандаша' (*аруйва* — союз);

Эйго-о ёку ханасу кото ва мудзукасий га ёку каку кото ва нао мудзукасий (КД, 1192) 'Хорошо говорить по-английски трудно, а хорошо писать — *еще* труднее' (*нао* — наречие) и

Коно су:дзи ва мотоёри тайряку-о симэсу моно-дэ ари, нао та-но дзё:кэн (букка надо)-о мо ко:рё-ни ирэна-кэрэба нарану га, утагаи мо наку сихон-но сю:сокуна тйкусэки-о моногататтэ иру (ИН, 14) 'Эти цифры, конечно, являются приблизительными, *причем* необходимо учитывать также другие условия (например, цены), но

они несомненно свидетельствуют о быстром накоплении капитала' (*нао* — союз).

В приведенных парах предложений различие между наречиями и союзами выступает, как нам представляется, довольно отчетливо.

Действительно, если наречия называют признак признака и выполняют функцию обстоятельства, сочетаясь с отдельными словами, то омонимичные им союзы не называют признака признака и выполняют только копулятивную функцию [см. 21, 369], сочетаясь либо со всеми остальными членами предложения в целом, либо с отдельными членами предложения.

Из этого вытекает, что последние не удовлетворяют требованиям, вытекающим из данного нами определения наречия, и, следовательно, не могут быть включенными в состав этого класса слов.

Наречия и междометия

При рассмотрении вопроса о соотношении с наречиями междометий, которые Ямада Ёсио включает в состав наречий¹², их целесообразно в первую очередь отличать от произвольных восклицаний, представляющих собой как по своим функциям, так и по своему материалу элементы не речевой, а эмоциональной деятельности (например, имеющие место вне речевого контекста чисто рефлекторные реакции на болевое ощущение — *ита, ита, ита!* 'ой-ой-ой!', запах — *пун-пун!* 'фу-фу!', удивление — *аха!* 'ах!', досаду — *ооя* 'ой-ой' и т. п.). Такие образования, по нашему мнению, несут функцию «отражения» действительности, но не обладают коммуникативной функцией (функцией общения людей между собой), свойственной языку.

Однако имеются «омонимичные» им онomatопеи, которые обладают коммуникативной функцией. Такие онomatопеи употребляются по-разному.

1. Употребление в качестве образований, несущих коммуникативную функцию в плане чужой речи и не

¹² Особое место занимают наречия, которые могут выполнять соединительную функцию, сохраняя при этом грамматическое значение наречия (*до:дзи-ни* 'одновременно', *субэтэ* 'вообще', *тада* 'только', *яхари* 'все же', *цумари* 'в конце концов' и др.). Их употребление рассмотрено И. Ф. Вардулем [см. 3, 8—9].

несущих этой функции в плане авторской речи. Выделяются два случая:

1) использование в качестве целых предложений:

«Ва:!» *Мина ва мо: итидо о:гоз-о дасйта* (МКК, 59) «А-а!» Все снова закричали громким голосом»;

«Итэтэтэ...» *Сиро: ва итай-но-о гаман-сйтэ, тэрэкакуси-ни фудзакэтэ иру. Мина ва дотто варатта* (МКК, 33) «Ой-й-й...» Сиро, сдерживая боль, паясничает. Все дружно засмеялись»;

2) использование в качестве отдельных членов предложения:

«Хихихихи...» *то вараттэ, «Хана ё» то итта* (КК, 6) «Хи-хи-хи...» — засмеялся [он] и сказал: «Карты!»;

«Ита, ита, ита...» *то вараигоз-га карада-ни хибийтэ, омовадзу сакэнда* (КСА, 109) «Ой-ой-ой...» — неожиданно закричал [он], так как смех болью отозвался в его теле».

2. Употребление в качестве образований, несущих коммуникативную функцию в плане речи автора, но материально совпадающих с произвольными восклицаниями, несущими только эмоциональную функцию. Выделяются два случая:

1) использование в качестве особых предложений:

Хора! Готэн-но нака-кара васи-но дайсуки-на фуэ-но нэ-га кикозтэ куру дзэ! (КГ, 108) «О-о! Да это доносятся из дворца звуки моей самой любимой флейты!»;

Аха... Васи я мунэ-га сутто-сйта га (КГ, 130) «Ох... Я почувствовал облегчение»;

2) использование в качестве обстоятельственного члена предложения, образованного в результате адвербиализации междометия (т. е. превращения его в наречие):

Синъитиро: ва аха ёку манукарэта дзисин-но кофуку-о, ёрокобадзу-ни ва ирарэнакатта (КС, 145) «Ох, как удачно Синъитиро избежал [опасности]. Он не мог не радоваться своему счастью»;

Имамасий коицу-но сйта-ни хатараку но ка ооя сйцубо:-сйта (НБ, 23) «Работать в подчинении у такого отвратительного человека? Боже мой, [я] был в отчаянии»;

Карэва, варуй кото дэмо сйтэ ита ё:-ни хатто одоройтэ фурикаэтта (КС, 150) «Он — ах! — испугался и оглянулся, словно сделал что-нибудь предосудительное».

Только последнюю группу слов мы относим к наречиям, так как они в отличие от других слов, рассмотренных в данном разделе, обладают способностью в качестве подчиненного члена предложения сочетаться с глаголами или прилагательными, выступающими в функции сказуемого.

Наречия и оноματοпоэтические (подражательные) слова

Оноματοпоэтические, или подражательные, слова — это своеобразный обширный слой лексики современного японского языка¹³.

При рассмотрении вопроса о соотношении с наречиями этих слов последние следует в первую очередь отличать от звуко- и образоподражаний, представляющих собой как по своим функциям, так и по своему материалу элементы не речевой, а подражательной деятельности (например, имеющее место вне речевого контакта подражание охотника голосам птиц, когда он подманивает их во время охоты). Такие ономатопоэ, по нашему мнению, несут функцию «отражений» действительности, но не обладают коммуникативной функцией, свойственной языку. Однако имеются «омонимичные» им ономатопоэ, которые обладают этой функцией.

При этом встречаются разные случаи употребления таких образований.

1. Употребление в качестве образований, несущих коммуникативную функцию в плане чужой речи одушевленных предметов или в плане звучания неодушевленных предметов и не несущих эту функцию в плане авторской речи. Выделяются два случая:

1) использование в качестве целых предложений:

Хисасибурины кикү канэ-но ото да: «Гон, мон, мон, мон!» (ТХ, 87) 'Звук колокола, которого давно не было слышно: «Бим, бом-бом-бом!»';

«Кон, кокон, дадададат, кон, кокон, дадат!» *Сидзумарикаэтта мори-ни, акагэра-но уцу ямабико-га кэттэ куру* (МКК, 7) '«Кон-кокон, та-та-та-тат, кон-кокон, та-тат!» До леса, в котором снова воцарилась тишина, доносится эхо, повторяющее стук дятла';

¹³ Масако Морита пишет, что число таких слов достигает 2300 [см. 20, 50].

— Вао:, ван, аои, ван!

— Ка:, горо, гороа, га:!

Сансай-ни нару айну-ину «Копо» то, аси-ни, «Адзумасу» то нэ:муири-но ва-о цукэта карасу-га, фудзакэ-тэ ита (МКК, 11—12)

* — Ам-ам-ам!

— Кар-кар-кар!

Это играли друг с другом трехгодовалый пес айнской породы по кличке Копо и ворон с кольцом на лапке, на котором была выгравирована его кличка Адзумасу';

2) использование в качестве отдельных членов предложения:

Тоцудзэн, мата, дотто, тоги-но отиру ото-то томони хасира-га, «гиги:!» то, киситта (ТХ, 261) 'Внезапно опять сразу посыпалась земля, и «скрип-скрип!» — заскрипели столбы';

«Кон, кокон, кокон, кон, кон» то, *марудэ кидзути-но ё:на ото-га хибийгэ кита* (МК, 7) '«Кон, кокон-кокон, кон-кон» — раздавался стук красного дятла, точь-в-точь похожий на удары деревянного молотка';

Сё:бо:дзидо:ся ва «кан, кан, кан...!» *тэ тотэмо нон-кисо:ни канэ-о нарасйта* (ЦО, 95) 'На пожарной машине — «кан-кан-кан...!» — совсем беззаботно звонил колокол';

2. Употребление в качестве образований, несущих коммуникативную функцию в плане речи автора, но материально совпадающих с онома topеями, выполняющими только функцию подражания. Выделяются два случая:

1) использование в качестве особых предложений, аналогичное употреблению некоторых междометий [см. 4, 338]:

«Кото, кото:н, порипорипори...» *О-фуроба-но нака-дэ Тацу-тян га* «А, о-нэ:сан, наника цумамигуй-сйта на» (ЦО, 37) 'Стук-стук, хруп-хруп!...' Тацу-тян [подумал, находясь] в ванной комнате: «А, старшая сестра что-то украдкой съела»';

«Дзабу:н... дзадзадзадзадза...» — «Дзабу:н...дзадзадзадзадза...»¹⁴ *Тацу-тян ва оёгэнай ногэ, суна-но токоро-дэ ана-о хоттэ имас* (ЦО, 151) '«Шлеп... плюх-плюх-

¹⁴ О небольших волнах, набегающих на берег и откатывающихся обратно.

плюх...» — «Шлеп... плюх-плюх-плюх-плюх...». Тацу-тян не умеет плавать и роет ход в песке»;

«...Бон, бон, бон!» *Са: вакатта дэсё: Фу ари ва, осандзи-о маттэ ита но дэс* (ЦО, 20) «...Бом, бом, бом!» А-а, кажется понял. Оба ждали полдника»;

2) использование в качестве обстоятельственного члена предложения, аналогичное употреблению адвербиализованных междометий (т. е. наречий):

Иси-га матта хю:то куру (НБ, 141) «Опять просвистел (букв. достигает со [звуком] «хю:») камень»;

Сүто:бу ва бусубусу ибуттэ бакари ита (КК, 20) «Печка только злоеще чадила»;

Тараппу-о нороноро агаринагара, яма-кара кйта отоко-га, «тотэмо цудзуканэ: я» то итта (КК, 66) «Еле-еле подымаясь по трапу, мужчина, спустившийся с гор, сказал: «Больше не могу!»»;

Бо:тто югэ-ни цуцумарэтэ иру ё: дэ као ва мисадамэ-рарэнакатта: (ТС, 123) «Не мог рассмотреть его лица, видимо потому, что его окутала туманная (букв. туманно) пелена».

Отметим одну характерную грамматическую особенность ономатопоэтических наречий: они неспособны употребляться в функции сказуемого, которую могут выполнять неономатопоэтические наречия.

Указанная синтаксическая особенность ономатопоэтических слов, некоторые их морфологические особенности, отмечаемые, в частности, Киндаити Харухико [см. 18, 171], а также их семантическая специфика как подражательных слов¹⁵ не дают нам все же достаточных оснований для выведения их за пределы наречия и включения либо в состав отдельной части речи («ономатопоэтические слова») [см. I, 235], либо в состав междометия. Однако, по нашему мнению, эти слова можно выделить в особую группу внутри наречия.

Дело в том, что при всем своеобразии такие слова обозначают признак признака и выступают в предложении преимущественно в качестве обстоятельства.

Это положение не распространяется на подражательные слова китайского происхождения с формантом

¹⁵ Кстати говоря, такие слова, как известно, имеются и в составе других частей речи японского языка.

-то, ибо они имеют корреспондирующую с «наречной формой» определительную форму на -тару:

Кайган-ни кудакэтэ иру нами ва, иманимо коно из-о номисо:ни го:го:тару хибики-о татэтэ иру (КС, 237) 'Волны, которые бились о берег, издавали такой грохот (букв. *грохочущие* звуки), словно они вот-вот проглотят этот дом';

Го:го: то тодороку кэйбэн-тэцудо:-но кися-но ото ва, дан-дан тикадзуйтэ кйта (КС, 143) 'Грохот железнодорожного поезда местного значения—«Го-го!» — доносился все отчетливее';

Эндзэнтару бисё-но эсяку-о нагэта (КС, 161) '[Он] небрежно поклонился с *веселой* улыбкой';

«Хонто:ни со: кангаэтэ кудасаттэ ва ватакуси комаримас но ё» то андзэнтэ исцутэру то, доа-о хатато то-дзита (КС, 155) '«Если вы действительно так думаете, то это ставит меня в неловкое положение»,— *весело* возразила [она] и захлопнула дверь';

Однако исконно японские подражательные слова с суффиксом -то мы не считаем возможным по аналогии со словами китайского происхождения отнести к «наречным формам» прилагательного, ибо они встречаются исключительно редко, например:

Сарани, нихон-но кэйэйсятати ё, ватакуситати-но буцубуцу-тару энэрги:-о митэ итадакйтай (ТДС, 2) 'Кроме того, мы хотим, чтобы японские предприниматели почувствовали нашу *клокочущую* энергию'.

Иногда основы таких исконно японских оноματοпэтических слов, прежде чем принять формант -тару, присоединяют суффикс китайского происхождения -дзэн (вообще говоря, уже непродуктивный) и, таким образом, по форме уподобляются подражательным словам, заимствованным из китайского языка, например:

Нандака бэрабэрадзэнтару кимоно-э тиримэн-но оби-о дарасинаку макицукэтэ, рэй-но то:ри кингусари-о бураккайтэ иру (НБ, 83) 'Развешивающееся кимоно было небрежно перехвачено крепдешиновым поясом, золотая цепочка [от часов] по обыкновению болталась'.

Выводы

1. Итак, исходя из грамматического значения признака признака, выражающегося в формальных приметах отсутствия склонения и спряжения, из употребле-

ния в предложении преимущественно в обстоятельственной функции и реже в функции определения и сказуемого, а также из способности принимать словообразовательные аффиксы *-ни*, *-то* и некоторые другие, а также обуславливаться формами конечного сказуемого, мы смогли уточнить границы наречия как одной из частей речи современного японского языка.

2. Такой подход к категории наречия позволяет, как нам представляется, пролить свет на ряд спорных и неясных вопросов, связанных с определением наречия в системе частей речи современного японского языка, а именно:

1) провести отграничение наречий от обстоятельственных форм: а) именных и предикативных прилагательных, б) глаголов, в) «наречных имен», г) существительных, д) местоимений, е) числительных;

2) провести отграничение наречий от определительных форм именных прилагательных: а) в аффиксальной форме, б) в безаффиксальной форме;

3) провести отграничение наречий от сказуемых форм именных прилагательных;

4) включить в наречие так называемые модальные слова, выделяемые иногда в отдельную часть речи;

5) провести отграничение наречий от союзных слов;

6) провести отграничение наречий от междометий;

7) включить в состав наречия ономатопоэтические (подражательные) слова.

Таким образом, в этой статье мы, как нам представляется, обосновали необходимость выделения наречия в качестве одной из частей речи и отграничили его от других частей речи современного японского языка.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АА — Акутагава Рюносукэ, Аки, — «Хрестоматия на японском языке», сост. А. Рябкин, М., 1954.
ИН — Итикава Сэити, Нихон кё:санто: то:со: сё:си, Токио, 1949.
КБ — Кобаяси Такидзи, Босэцурин, Токио, 1948.
КГ — Кикүти Хироси, Гимин Дзимбэй, — «Кикүти Хироси сю:», Токио, 19, 27.
КД — «Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary», Tokyo, 1957.
КК — Кобаяси Такидзи, Канико:сэн, Токио, 1931.
КР — Комия Рэкисэй (А. А. Беляев) — информант.

- КС — Кикүти Хироси, Сидзю: фудзю, — «Кикүти Хироси сю», Токио, 1927.
- КСА — Кобаяси Такидзи, Саугацу дзюгонити, М.—Л., 1935.
- КХ — Кобаяси Такидзи, Хахатати, — Кобаяси Такидзи дзюсю», Токио, 1933.
- МГ — Миками Акира, Гэндай гохо: дзёсёцу, Токио, 1959.
- МД — Миямото Юрико, До:хё:, дайсамбу, Токио, 1951.
- МК — Макино Хироюки, Китадзато Сибасабуру, Токио, 1958.
- МКК — Мори Кадзю, Коропоккуру но хаси, Токио, 1960.
- НВ — Нацумэ Со:сэки, Боттэн, Токио, 1935.
- СЯ — «Русско-японский словарь», сост. С. Ясуги, Токио, 1960.
- ТДС — «Токио гакусэй симбун», Токио, I.X.1958 (газета).
- ТК — «Тю:то: кокуго», Кинданги Кё:сукэ хэнсю:, III, дайитихэн, Токио, 1956.
- ТС — Токунага Сунао, Сидзюка-нару ямаяма, I, Токио, 1951.
- ТХ — Такакура Тэру, Хаконэ ё:суй, Токио, 1951.
- ФК — Фудзимори Сэйкити, Кэнкю:сицу-дэ, — «Фудзимори Сэйкити дзюсю», Токио, 1932.
- ФР — Фудзивара Эсиэ, Рио-но оннатати, Тю:о ко:роп, Токио, 1961, № 1.
- ЦД — Цубои Сакаэ, Докока-дэ ваппа-га, Токио, 1960.
- ЦО — Цуцуи Кэйсукэ, О-на:сан-то иссё, Токио, 1955.
- Э — «Экономисуту», Токио, 1955, 6-гацу, № 4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н. А., Каракалпакский язык. II. ч. I, 1952.
2. Бейко Б. В., Являются ли форманты «но» и «на» словообразовательными суффиксами в современном японском языке? — «Сборник трудов по языкознанию», № 4, М., 1950.
3. Вардуть И. Ф., О сцеплении самостоятельных предложений в японском языке. — «Труды Военного института иностранных языков», 7, М., 1955.
4. Киэда Масуити, Грамматика японского языка, пер. с яп., т. I, М., 1958.
5. Конрад Н. И., Синтаксис японского национального литературного языка, М.—Л., 1937.
6. Пашковский А. А., Порядок членов предложения в современном японском языке. — «Китай. Япония», М., 1961.
7. Плетнер О. В. и Поливанов Е. Л., Грамматика японского разговорного языка, М., 1930.
8. Рождественская Е. И., Некоторые проблемы наречия в китайском языке, — «Ученые записки ИМО», вып. 5, М., 1961.
9. Севортян Э. В., К проблеме частей речи в тюркских языках. — сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.
10. Сыромятников Н. И., Японский язык. Очерк (рукопись).
11. Фельдман Н. И., Послелог в современном японском языке, канд. дисс., М., 1944.
12. Фельдман Н. И., Грамматический очерк, в кн.: «Краткий японско-русский словарь», сост. А. Е. Глушкина и С. Ф. Зарубин, под ред. Конрада Н. И., М., 1950.
13. Фельдман Н. И., Японский язык, М., 1960.

14. Часовитина Л. А., Модальные слова в современном японском языке, — «Японский лингвистический сборник», М., 1959.
15. Черевко К. Е., Звуко- и образодражательные наречия в современном японском языке, — «Ученые записки ИМО», вып. 11, М., 1963.
16. Дзокунихонго ко:дза», V, Токио, 1958.
17. «Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary», Tokyo, 1957.
18. «Сэкай гэнго гайсэцу», II, Токио, 1955.
19. Мацусейта Дайсабуро:, Хё:дзюн нихон ко:гохо:, Токио, 1930.
20. «Кокуго то кокубунгаку», Токио, 1953, № 1 (журнал).
21. Ямада Есио, Нихон бумпо:гаку гайрон, Токио, 1956.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Одним из неопределяемых исходных понятий, которые лежат в основе других понятий семантики, является понятие ситуации *s*. Составить себе представление об этом понятии можно по списку глаголов или образованных от них имен действия, потому что глагол является типичным выражением ситуации: *бежать, бег; терять, потеря; мыть, мытье* и т. д. В предложении *Ян убил Пана* речь идет о ситуации убийства, лишения жизни, и эта ситуация выражена глаголом *убить*. Как известно, ситуации выражают не только глаголы, но и прилагательные, некоторые предлоги, союзы, словосочетания типа *принять решение, давать согласие* и даже целые предложения типа *идет дождь, идет война, пожар! огонь!* Как правило, неглагольные выражения ситуации обязательно имеют глагольный вариант, т. е. могут быть переведены в глагол, если не в том же самом языке, где они существуют, то, на худой конец, в каком-либо другом: *идет дождь* → *дойдет*; *пожар* → *горим*; *идет война* → *воюют* и т. д. Это значит, что глагол — средство выражения ситуации по преимуществу.

Каждая ситуация имеет своих участников. Будем называть их, как это принято, семантическими актантами *a*. Характер и число семантических актантов определяется толкованием того слова, которое выражает ситуацию. Ситуация лишения жизни предполагает два семантических актанта: того, кто убивает, и того, кого убивают. Ситуация купли предполагает по меньшей мере три семантических актанта: того, кто покупает, то, что покупают, и ту цену, за которую покупают. Конкретные семантические актаны наиболее обобщенного типа называются: субъектом, первым объектом, вторым объектом и т. д.

Пусть нам дан некоторый семантический актанта, например субъект. В зависимости от характера этого актанта все ситуации, по-видимому, можно будет разбить на три класса.

Класс ситуаций I, где у s актантом a может быть как предмет r (представление о круге предметов можно, видимо, составить по перечню существительных, из которого исключены все имена действия и качества: река, небо, леший и т. д.), так и другая ситуация. К классу I принадлежит ситуация восхищения: восхищать может предмет (например: колокол с колокольни Ивана Великого, соловей), но также и другая ситуация (например: звон колокола, пение соловьев). Такие другие ситуации мы будем в дальнейшем называть зависимыми относительно данной ситуации.

Класс ситуаций II, где у s актантом a может быть только предмет и никогда другая ситуация. К классу II принадлежит ситуация кошения, в которой данным актантом a может быть только предмет: косить может только человек, а не ситуация. К этому же классу относится ситуация плача: плакать может только предмет (например, ребенок), а не ситуация.

Класс ситуаций III, где у s актантом a может быть только другая, зависимая ситуация, но не предмет. К классу III принадлежит ситуация, выраженная глаголом *слышаться*: слышаться может только другая ситуация (например: стон, кашель, плач, вой и т. д.), но не предмет (например: река, трава, дерево и т. д.).

Итак, в трех классах ситуаций имеется два типа семантических связей:

(А) $s_1 - a = r$ (например: *плачет ребенок*) — связь предметного актанта с ситуацией;

(В) $s_1 - a = s_2$ (например: *восхищает звон, слышится шум*) — связь ситуационного актанта с ситуацией.

Сразу же отбрасываем тип А, как теоретически малоинтересный, и ограничиваем исследование типом В, характерным для ситуаций классов I и III, но не II.

2. Рассмотрим синтаксическую сторону проблемы. Будем, как это принято, синтаксическое соответствие ситуации s называть сказуемым, а соответствия семантическим актантам — синтаксическими актантами.

На какие вопросы мы должны ответить, рассматривая отображение ситуации и ее семантических актантов

на синтаксическое дерево (= сказуемое + его синтаксические актанты)? Мы должны ответить на следующие три вопроса:

Какой синтаксический актант соответствует данному семантическому актанту $a = s_2$?

Какую форму принимает этот синтаксический актант?

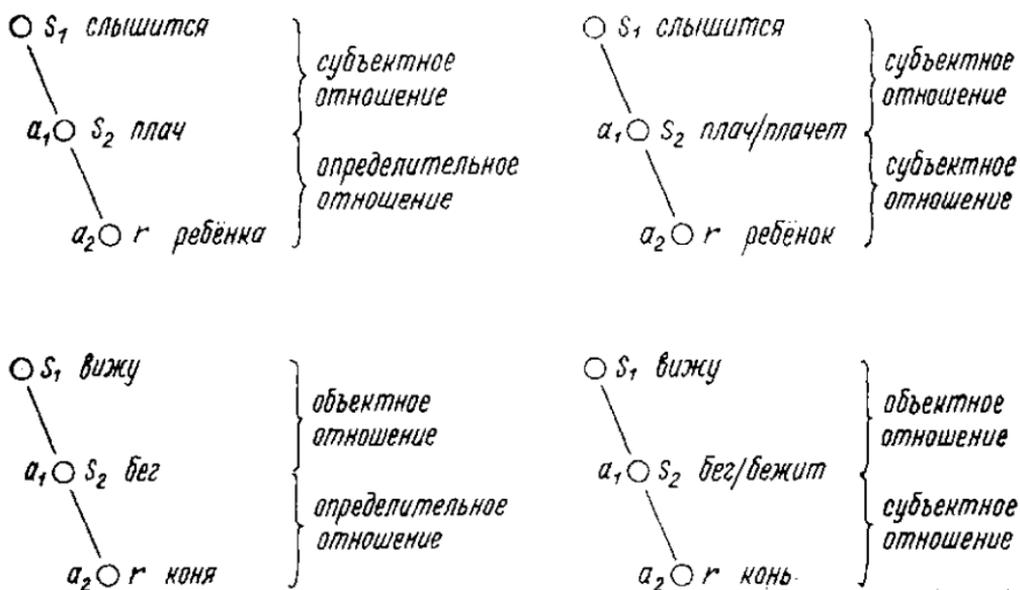
Каким образом выражается зависимость синтаксического актанта от сказуемого?

Ответ на первый вопрос: данному семантическому актанту $a = s_2$ может соответствовать либо подлежащее, либо какое-либо из возможных в данном языке дополнений.

Ответ на второй вопрос: синтаксический актант, обозначающий ситуативный актант $a = s_2$, выражается номинализированным глаголом или прилагательным (поскольку прилагательное способно выражать ситуации, в том числе и зависимые) в любой позиции; и как подлежащее, и как дополнение. В новом японском языке типичной формой номинализации является морфема *-но*, присоединяемая в качестве энклитики к глаголу или прилагательному; например: глагол *куру* 'приходить' → *куруно*; предикативное прилагательное *фуруй* 'старый' → *фуруино*; именное прилагательное *риппана* 'красивый' → *риппанано*. В старом японском языке типичной формой номинализации является конверсия, а именно, использование атрибутивной формы парадигмы, которая, номинализуясь, становится способной принимать падежные окончания; например: глагол *оцу* 'падать', *оцуру* 'падающий' → *оцуру* 'падение'; предикативное прилагательное *нагаси* 'длинный' (предикативный член парадигмы), *нагаки* 'длинный' (атрибутивный член парадигмы), *нагаки* 'длина'; именное прилагательное *риппанари* 'красив' (предикативный член парадигмы), *риппанару* 'красивый' (атрибутивный член парадигмы) → *риппанару* 'красота'.

Номинализацию следует отличать от субстантивации; номинализация — недеривационная операция; ср. такие номинализованные формы, как русский инфинитив, арабский масдар; субстантивация — деривационная операция: это — средство синтаксического словообразования; ср. рус. *бег*, *хождение* и т. д. Приведенные выше формы *фуруино* (в новом японском языке), *нагаки* (в старом японском языке) — номинализованные образо-

Как выражается предметный семантический актант второй степени зависимости? Он выражается именем существительным, и его зависимость от номинализованного глагола или прилагательного, выражающего ситуационный семантический актант первой степени зависимости, обозначается либо показателем родительного падежа (морфема *-но*): *кодмо* 'ребенок' → *кодмоно*, либо показателем именительного падежа (морфема *-га*): *о:ги* 'веер' → *о:гига*, либо в редких случаях показателем основного падежа (нулевая морфема). В первом случае мы имеем определительную синтаксическую связь, во втором и третьем — субъектную синтаксическую связь; в первом случае зависимое имя — определение, во втором и третьем случаях — подлежащее. Это означает, что номинализованный глагол может управлять как определением, так и подлежащим. Дистрибуция всех этих способов выражения отношения нас здесь не интересует. Таким образом, мы имеем четыре синтаксических дерева:

Приводим материал к этим синтаксическим деревьям¹:

¹ Наиболее важные в данном контексте слова из японских предложений и их соответствия в русском переводе обозначены оди-

(1) *Бокува канодзёно¹ китаноо² мита³* 'Я увидел³, что она¹ пришла²;

(2) *Бокува тэгамино¹ ацуйноо² мита³* 'Я увидел³, что письмо¹ толстое²;

(3) *Бокува о:гино¹ риппананоо² мита³* 'Я увидел³, что веер¹ красив²;

(4) *Сёсакуно титива¹ хатараитэ² ируноо² сибасиба мита³* (Ку.) '[Я] часто видел³, как работает² отец¹ Сёсаку';

(5) *Дарэка¹ ясасий коэдэ утаунога² кикоэмасу³* (Ку.) '[Я] услышал³, как кто-го¹ поет² нежным голосом'.

То же в раннем новояпонском языке:

(6) *Карасумо мата соно иросугатано¹ исо:нао² митэ³, ичируйни шёидэ...* («Исопоно моногатари») 'Вороны, увидев³, что цвет¹ ее необыкновенный², не приняли ее за свою...';

(7) *Ару токи ядзин кайхэнни дэтэ умино мидорино¹ нагояканао² мирэба³...* («Исопоно моногатари») 'Однажды дикарь, выйдя на берег моря, увидел³, что море¹ спокойное²...'

Примечание. Следует обратить внимание на то, что в раннем новояпонском номинализация прилагательных типа *риппана* происходила в отличие от современного японского путем конверсии: *риппанао*, а не *риппананоо*!

И наконец, в старом японском языке:

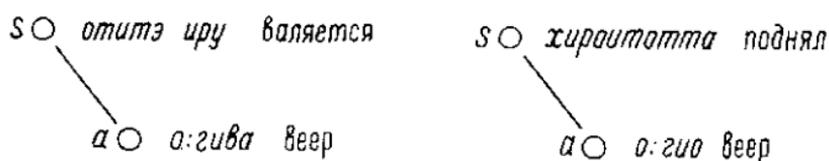
(8) *Митосэ бакари аритэ харуно хадзимэёри Кагуяхимэ цукино¹ омосиро: идэтаруо² митэ³ цунэёримо моноомоитару сама нари* (Так.) 'С самого начала третьей весны люди стали замечать, что каждый раз как Кагуяхимэ видела³, что полная луна¹ восходит² на небе, она становилась необычно задумчивой'.

Как было сказано выше, в современном японском номинализация происходит путем присоединения морфемы *-но*. Однако перед вопросительными частицами возможна номинализация с помощью конверсии. Например:

наковыми надстрочными цифрами. В статье приняты следующие сокращения: Ак.—Акутагава, Коб.—Кобаяси, Кок.—«Кокинсю:», Кон.—«Кондзяку-моногатари», Ку.—Куникада, Ма.—«Манъё:сю:», Мак.—«Макура-но со:си», Му.—Мусякодзи, На.—Нацумэ, Наг.—Наган, —Од.—Одзаки, От.—«Отякубо-моногатари», Сар.—«Сарасина никки», Си.—Симадзаки, Су.—Судзуки, —Та.—Таяма, Так.—«Такэтори-моногатари».

(9) *Нао:ва кудзицу ю:бэни оитэ тэкига¹ докони тэй-сисиаруя² сирадзу³* Наполеон не знал³, где стоит² к исходу девятого противник¹.

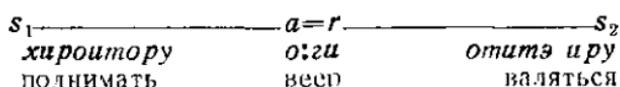
4. Выше мы исключили из рассмотрения ситуации класса II, характеризующиеся тем, что семантическим актантом *a* у них может быть только предмет (*валяется веер, поднял веер*). Мы оправдывали это исключение тем незначительным теоретическим интересом, который представляют семантическое отношение $s-a=r$ и его естественное соответствие в синтаксисе — деревья:

где глагол (*a* в других случаях прилагательное) управляет именем либо в позиции подлежащего, либо в позиции дополнения.

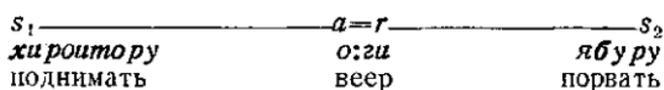
Сейчас мы увидим, что такое заключение о тривиальности ситуации класса II явно поспешно. Итак, привлекаем теперь в качестве предмета нашего исследования и этот класс ситуаций. Как оказывается, они обладают в японском языке поразительным свойством, которое, насколько нам известно, не было описано или, по крайней мере, не описывалось под принятым в этой работе углом зрения.

Предметные актанты в ситуациях этого типа могут быть одновременно актантами и какой-либо другой ситуации (как минимум одной). Например, веер можно поднимать и веер может одновременно валяться; такие сопутствующие ситуации могут быть даже, как в приведенном случае, обязательными (если веер поднимают, значит, он валяется):

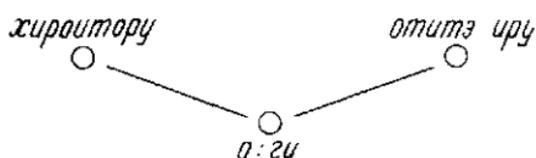
По отношению к исходной ситуации данный актант может находиться либо в субъектных, либо в объектных отношениях; но и по отношению к другой, сопутствующей

щей ситуации этот же самый актант может находиться тоже либо в субъектных, либо в объектных отношениях. Так, в приведенном только что примере между сопутствующей ситуацией *валиться* и ее актантом *веер* имеется субъектное отношение, а в примере

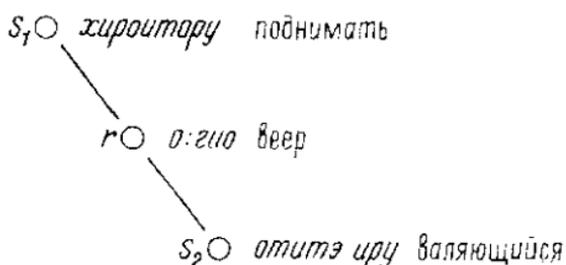

между сопутствующей ситуацией *порвать* и ее актантом *веер* имеет место объектное отношение.

Переходим теперь к синтаксической стороне вопроса. Что соответствует в синтаксисе такому сложному семантическому отношению? Совершенно исключено, чтобы семантический актант выражался бы одним синтаксическим актантом к двум неоднородным сказуемым, выражающим две ситуации, т. е. дерево следующего вида:

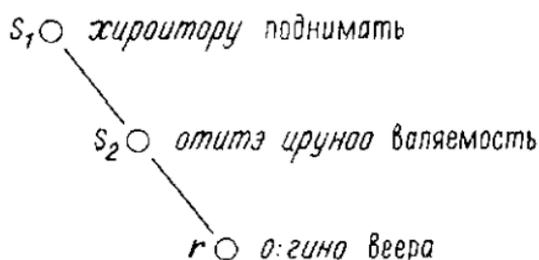

В таком построении совершенно неясно, как можно было бы оформить актант *о:ги* 'веер'. Наиболее естественным представляется такое построение, в котором один и тот же актант к двум неоднородным глаголам, выражающим ситуации, выступал бы в отношении одного «службой», а в отношении другого — «хозяином», по отношению к одному — дополнением или подлежащим, а по отношению к другому — определяемым. Такое дерево и является обычным для японского языка:

(10) *Отитэ иру о:гио хироитотта* 'Поднял валяющийся веер'.

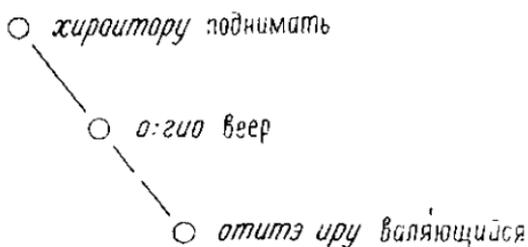
Но как оказывается, а это и является наиболее поразительным, данную сложную ситуацию можно выразить совершенно иным и весьма необычным путем: семантический актанта сделать синтаксическим актантом к другой, сопутствующей ситуации (что естественно, ибо это соответствует реальному отношению), а глагол (или прилагательное), выражающий сопутствующую ситуацию, сделать синтаксическим актантом к основной ситуации, предварительно номинализовав его, как и всякий актанта — глагол (или прилагательное) (что неестественно, ибо этому реально ничто не соответствует, поскольку данные глаголы выражают ситуации, которые не могут иметь ситуационных актантов). Так возникает следующее дерево:

(11) *О:гино отитэируноо хироитотта* 'Поднял валяемость веера'.

Неестественность этого дерева заключается не в том, что оно синтаксически неправильно: глагол в японском языке в принципе допускает управление другим глаголом, правда, номинализованным; неестественность этого дерева состоит в том, что оно не отражает прямо семантических связей: дополнение *отитэ иру* 'валяться' зависит от сказуемого *хироитору* 'поднимать', однако семантический актанта, который выражает это дополнение, реально не связан с ситуацией: никто никогда реально не поднимал валяемости, не брал в руки разорванность, не покупал спелость и т. д. Данное синтаксическое дерево разумно лишь при условии допущения,

что оно выражает абсолютно те же семантические связи, что и синтаксическое дерево:

Но в японском языке дело как раз так и обстоит. Деревья *Отитэиру о:гио хируитотта* 'Поднял валяющийся веер' и *О:гино отитэ ируноо хируитотта* 'Поднял валяемость веера' семантически совершенно тождественны: они описывают одну и ту же сложную ситуацию. А из этого вытекает важное следствие: хотя ситуации типа *миру* 'видеть' и ситуации типа *хируитору* 'поднимать' принадлежат к разным классам (первая к классу I, а вторая к классу II; см. выше), синтаксические деревья, отображающие ситуации класса II, строятся абсолютно так же, как и синтаксические деревья, отображающие ситуации класса I, с точностью до числа этих синтаксических деревьев. Номинализированным глаголом (или прилагательным) может управлять не только глагол (или прилагательное), выражающий ситуацию класса I, но и глагол, выражающий ситуацию класса II:

(1) S₁ ○ *миру* видеть

r ○ *о:гио* веер

S₂ ○ *ябутта* порванный

(2) S₁ ○ *хируитору* поднимать

r ○ *о:гио* веер

S₂ ○ *отитэ иру* валяющийся

Ябутта *о:гио* *мита*

Отитэ иру *о:гио* *хируитотта*

(1) $S_1 \circ$ миру видеть

$S_2 \circ$ ябугтанов парванность

$r \circ$ о:гана веера

(4) $S_1 \circ$ хироитору поднимать

$S_2 \circ$ отитэ цруноо валяемость

$r \circ$ о:гана веера

о:гано ябугтанов мита

о:гано отитэ цруноо хироитотта

Разница, однако, состоит в том, что у глаголов, выражающих ситуации класса I, деревья (1) и (3) отличаются по смыслу (в одном случае видят веер, в другом случае его порванность, в одном случае обращают внимание на предмет, в другом — на ситуацию), а у глаголов, выражающих ситуации класса II, деревья (2) и (4) тождественны по смыслу.

Если взглянуть на это с точки зрения норм русского языка, то дело будет обстоять так. Деревья «Поднял валяющийся веер» и «Поднял валяемость веера» формально правильны, но второе невероятно семантически, поскольку смысл «поднимать веер, который валяется» в русском языке деревом (4) не выражается. Правда, надо сделать оговорку: не выражается в языке, когда он не рассчитан на эстетическое восприятие; в поэтическом же языке определенных поэтических школ деревья типа (4) нормальны и в русском языке, выражая тот же смысл, что и деревья типа (2), а возможно, претендуя на то, чтобы выразить совершенно иной, так сказать «трансцендентальный», смысл. Ср.:

И шествуя теперь, как дух, в лазурных долах,
Волнуешь странно ты глядящий хор теней.
Ты даже там идешь с гирляндой роз веселых
И алошь губ твоих в той мгле всего нежней.

(Бальмонт)

Затянутый нелепостью мундира,
Едва касаясь локотка жены.
Не весельчак, насмешник и задир,
Глядящий на вельмож со стороны...

(И. Полякова)

Я сожалею, Цезарь, что мятеж,
Который подняли против тебя
Ее неукротимость и горячность
(В содружестве с тисеславием), наделал
Тебе хлопот.

(Шекспир)

Ср. также: *Нас встречает прохлада утра.*

5. Приведем теперь японский материал, имеющий отношение к деревьям типа (4), синтаксис и семантику которых мы только что рассмотрели. Весь материал мы разобьем на две большие группы — α и β . В группу α мы отнесем все те синтаксические деревья (4), в которых между r и s_2 имеет место субъектное отношение, как, например, в предложении *О:гино отитэ ируноо хи-роитотта* 'Поднял валяемость веера'; здесь между $r = o:gi$ 'веер' и $s_2 = отитэ иру$ 'валяться' отношение субъектное: *о:ги* выступает по отношению к *отитэ иру* в качестве его субъекта (веер валяется). В группу β мы отнесем все те синтаксические деревья (4), в которых между r и s_2 имеет место объектное отношение, как, например, в предложении *Имоно такуваэтанноо моттэ кита* 'Принес запасенность батата'; здесь между $r = имо$ 'батат' и $s_2 = такуваэта$ 'запас' отношение объектное: *имо* выступает по отношению к *такуваэта* в качестве его объекта (*запасли батат*).

Мы полагаем, что без специального подчеркивания совершенно ясно, что имена *о:ги* 'веер' и *имо* 'батат' семантически должны непременно относиться к ситуации s_1 , выраженной главным глаголом (*поднимают веер, приносят батат*).

В каждой группе весь материал вновь разбивается на две подгруппы — $\alpha\alpha$ и $\beta\beta$: к $\alpha\alpha$ относятся те деревья (4), в которых номинализованный глагол является подлежащим, к $\beta\beta$ относятся те деревья (4), в которых номинализованный глагол является дополнением.

Но прежде чем предлагать японский материал, скажем несколько слов о морфологической стороне дела дерева (4), общей для групп α , β и подгрупп $\alpha\alpha$, $\beta\beta$:

а) синтаксический акт — глагол (или прилагательное) номинализуется по правилам, изложенным выше:

б) его отношение к главному глаголу выражается соответствующим падежом, который определяется свойствами управляющего главного глагола;

в) синтаксический актант — имя, зависящее от синтаксического актанта — глагола (или прилагательного), оформляется либо морфемой *-но*, являясь в этом случае определением, либо морфемой *-га*, реже нулевой морфемой, являясь в этом случае зависимым подлежащим. Такое оформление имеет место в любом случае, независимо от того, чем является семантически это имя: субъектом или объектом.

6. Группа *а*, подгруппа *аа*:

(12) *Соно кино эдано узно хонива татта хитоцу дакэ какино¹ акайнога² нокоттэ³ имасита⁴* (Си.) 'И на самой верхней ветке дерева осталась^{3,4} всего одна спелая² хурма¹ (= спелость хурмы)';

(13) *Соситэ казрини кудамононо¹ ийнога² аттара³ каттэ китэ морао*: (Му.) 'А потом на обратном пути, если будут³ хорошие² фрукты¹ (= хорошесть фруктов), прошу вас их нам купить';

(14) *Сорэкара канодзёно фукусого¹ фукэцунаномо² яхари фукай³ датта⁴* (Ак.) 'Затем мне был⁴ неприятен³ также ее неопрятный² вид¹ (= неопрятность вида)';

Ср. в старом японском языке:

(15) *Тисаки итаяно¹ куро: китанагэнаруга² амэни нурэтару³* (Мак.) 'Маленькая лачужка¹ дочерна грязная² (= грязность лачужки) омыта³ дождем';

(16) *Имава мукаси тю:нагоннару¹ хитоно² онмусумэ амата мотитамаэру овасики⁴* (От.) 'Давным-давно жил⁴ один тюнагон^{1,2} и было³ у него много дочерей';

(17) *Котоно мононо¹ тамао моттага² сисяно маэни сазгиттэ³...* («Сёмоно») 'Некто другой¹, нефрит держащий², встал³ на³ пути³ посланца...';

(18) *Микадэно¹ дзю:дзё:бакари ари² оёгикуру³* (Кон.) 'Подплыла³ тысяченожка¹, длиной в десять дзё бывшая²';

Последние три примера из старого японского языка заставляют думать, что номинализованный глагол наряду со значением имени действия может также иметь значение имени деятеля (следует подчеркнуть — номинализованное имя деятеля, а не субстантивированное: не учитель, а обучающий!). В этом случае зависимое от него имя выступает в функции приложения, а не определения: жил имеющий (дочерей) — тюнагон; встал на пути держащий (нефрит) — некто, и т. д.

7. Группа *а*, подгруппа *бб*.

А. Номинализованный глагол в вишительном падеже.

(19) *Ю:дзинва токидоки аюно¹ хоситано² я какино³ хоситаноо⁴ окуттэ⁶ курэта* (На.) 'Его друг время от времени посылал⁵ ему сушеные² форели¹ (= сушеность форелей) и сушеную⁴ хурму³ (= сушеность хурмы)';

(20) *Отонано кусино¹ какэтаноо² саситэ³ мадзуси нарио ситэ отта* (Су.) 'Она носила³ ломаную² гребенку¹ (= ломаность гребенки) с головы взрослого и была бедно одета';

(21) *Тацусанва... мугиварабо:но¹ фуруиноо² кабуринагара³ мата хатакэ дэта* (Си.) 'Тацу... надев³ старую² соломенную¹ шляпу¹ (= подержанность шляпы), снова отправилась в поле';

(22) *Кино нэга¹ кусаттэ хикаруноо² кишунэга кутини куваэтэ³ фуруно да* (Си.) 'Лиса, держа³ в своей пасти светящийся² пенек-гнилушку¹ (= светящность пенька-гнилушки), размахивала им';

(23) *Хо:сяга¹ дэйнэйно накани отиитэ сукосимо угоканноо² оситэ³ оситэ осито:сита* (Та.) 'Орудия¹ попали в грязь и совсем не двигались² (= недвижимость орудий), и люди толкали³, толкали и протолкнули-таки их';

(24) *Рэйкитива... сё:дзини сотти котти анага¹ аитэ² ируноо³ цукуроттэ⁴ ита⁵* (Су.) 'Рэйкити... латал^{4,5} дыры¹, образовавшиеся^{2,3} (= образованность дыр) тут и там в сёдзи';

(25) *Оннано хидзакара ханкэтига¹ отируноо² отокова сугуни орикагандэ хироитори³ тётто тиримадэ хараттэ ватаситэ яру* (Наг.) 'С колен девушки упал² платок¹ (= падение платка), молодой человек, нагнувшись, тотчас поднял³ его и, отряхнув пыль, подал его ей';

(26) *Курагарино родзё:нива о:кина отокога¹ хитори таорэтэ унаттэ² ируноо³ о:дзэйно отокотатига кацугио-косо:⁴ та ситэ ита* (Киси) 'На темной дороге лежал и стонал^{2,3} детина¹ (= стоя детины), а несколько мужиков старались поднять⁴ его себе на⁴ плечи⁴';

(27) *...дзётю:га тё:сини хайсэн¹, якикатано варуй тайсэмбэй² пункто химононо ё:на ниоино³ суруноо⁴ тябудайно узэни нарабэри⁵* (Наг.) '...прислуга ставит⁵ на стол бутылку сакэ с полоскательницей¹ и плохо поджаренные лепешки² из золотого карпа, воняющие^{3,4} вяленой рыбой'.

Последний пример любопытен тем, что в нем слова,

выражающие предметные актанты, обозначены основным падежом; это объясняется тем, что понятие *пахнуть* выражается аналитически на манер русского *идет война* в смысле *воевать* — *ниоига суру* 'идет запах'; когда такое аналитическое сочетание попадает в зависимую позицию, именительный падеж в нем заменяется родительным — *ниоино суру*; во избежание скопления двух родительных с тождественными функциями родительный заменяется основным падежом.

Ср. в старом японском языке:

(38) *Урино¹ арикэруо² ториидэтэ³, кири, куи надо сикэруни...* (Кон.) 'Они брали³ дыни¹, которые тут были² (= наличие дынь), разрезали и ели их...';

(39) *...ёхитоё иорино уэни какино¹ отикакаритаруо² хитобито хирои³ надо су* (Сар.) '...целую ночь собирали³ хурму¹, падающую² (= падение хурмы) на шалаш';

(40) *...нусубито камаэтэ ёку кавакитару кино¹ сукосимо хини сасиёсэба тодоко:ринаку моэнубэкио² курумани цумитэ³...* (Кон.) '...вор погрузил³ на тележку хорошо просохшее дерево¹, легко загорающееся², если только чуть поднести его к огню...';

Заметим, что в современном языке иногда в качестве номинализатора выступает не морфема *-но*, а *яцу*, например:

(41) *Ику токива канарадзу сэйё:тэнугуино¹ о:кинаяцуо² бурасагаттэ³ ику* (На.) 'Когда иду купаться, непременно беру³ с собой большое² полотенце¹ европейского типа';

В. Номинализованный глагол в дательном падеже.

(42) *Ёсиконо тэгамино¹ оттоно собани арунони² мэо³ цукэтэ⁴...* (Та). 'Она взглянула^{3 4} на письмо¹ Ёсико, лежавшее² (= на нахождение письма Ёсико) рядом с мужем, и спросила...';

(43) *...ёндаорэтэ одзэнно¹ томбогаэрио² уцунонимо³ тондзякусинакатта⁴* (Та.) '...свалившись спяна, он даже не⁴ обратил⁴ внимания⁴ на³ то, что столик¹ опрокинулся^{2 3};

(44) *Суруто Сугикога¹ монкара дэрунони² атта³* (Му.) 'Тут он встретился³ с Сугико¹, выходящей² из дверей';

(45) *...Тиёкото¹ Тамакотого² эхагакиго кандзаситоо каттэ аруитэ курунони³ дэатта⁴* (Наг.) '[Он пошел в противоположном направлении и тут] встретился⁴ с²

Тиёко¹ и Гамако², которые шли³ ему навстречу с купленными открытками и шпильками’.

Ср. в старом японском языке:

(46) *Цубакураэмэо хитоно¹ амата нобориштаруни² одзитэ³, сунн ноборикодзу²* (Так.) ‘И ласточки, испугавшись³ большого скопления людей¹, влезших² на вышки], перестали подлетать к своим гнездам’.

С. Номинализованный глагол в направительном падеже.

(47) ...*Окисива... аинокобунэга¹ каэруноэ² ноттэ³...* (Си.) ‘...и Окиси, сев³ на² возвращающийся² обратным рейсом аинокобунэ¹...’.

Д. Номинализованный глагол с послелогом.

(48) *То:куно муко:ни самусо:на кига¹ таттэ² иру³ усирони⁴ футацино тиисана какуто:га отомонаку юрамэйтэ⁵ миэта* (На.) ‘Было видно, как там вдали, позади⁴ торчащих²⁻³ уныло деревьев¹, бесшумно покачивались⁵ два маленьких фонаря’;

(49) *Ока:санга¹ гоханъо таитэ² иру³ собани⁴ цуитэ⁵ иру⁶ то, кутино окуно катага тоттэмо моттёкоку наттэ...* (Коб.) ‘Я сижу⁵⁻⁶ рядом⁴ с мамой¹, варящей²⁻³ рис, и во рту у меня странно щекочет...’;

(50) ...*кабэгоёмино¹ хаттэару² ситани³ когоматтэ⁴...* (Су.) ‘...[я] сидел⁴ под³ наклеенным² на стене календарем¹...’;

(51) ...*ммага киндзёно ммакатани хикарэтэ то:санно¹ митэ² иру³ маэ⁴ то:римасу⁵* (Си.) ‘...перед⁴ глядящим²⁻³ отцом¹ (= перед взором отца) проходит⁵ ведомая соседским конюхом лошадь’;

(52) *Сорэва сайкунга ватаситатино¹ сёкудзисуру² собаз³ китэно⁴ ханаси датта* (Си.) ‘Это рассказала нам хозяйка, подойдя⁴ к³ нам¹ обедающим²’.

Ср. в старом японском языке:

(53) *Э мо ивадзу о:кинару исино ёцукадонару накаи анано¹ акитару² накаёри³ идзуру⁴ мидзуно киёку цумэтаки кото кагиринаки* (Сар.) ‘Неописуемо прозрачна и холодна вода, бьющая⁴ из³ разверзшейся² расселины¹ в большой о четыре угла скале’.

8. Группа β , подгруппа $\alpha\alpha$.

В нашем распоряжении на эту подгруппу имеется только пример из старого японского языка:

(54) *Карэва ито аясики хитоно кусэнитэ фуми¹ хитокудари ярицуруга² хадзурэру³ ё: накэрэба* (От.) ‘Из-за

того что он очень удивительный человек, не бывает, чтобы даже одна строчка письма¹, посланного² им, не³ попала³ бы в цель³.

9. Группа β , подгруппа $\beta\beta$.

(55) Баннинва... имо¹, нэгино² такуваэтанoo³ моттэ⁴ кита⁵ (Си.) 'Сторож... принес^{4 5} картошку¹ и лук², оставленные³ про³ запас³';

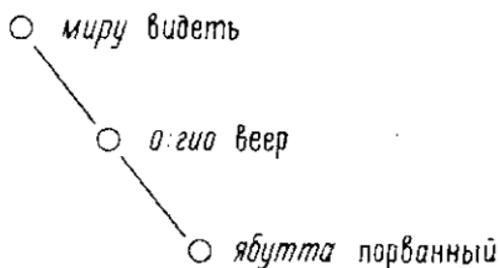
(56) Ро:хива... кататэнива Сакурада би:руно¹ сэнно нутанoo² сагэтэ³ хаиттэ куру (Од.) 'Вошла старая служанка, неся³ бутылку¹ пива¹ с откупоренной² пробкой';

(57) ...хосоку такэно¹ ваттанoo² мадэ курэтэ³ ёкосимасита⁴ (Си.) '...она давала^{3 4} нам даже тонко порезанные² побеги¹ бамбука¹'.

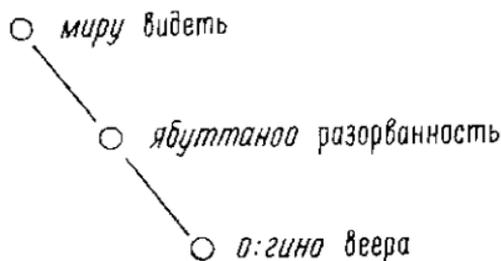
Ср. в старом японском языке:

(58) ...ханагамэни сакуруано ханано¹ сасасэтамаэруo² митэ³ ёмэру (Кок.) '...увидев³ цветы¹ вишни, в вазу поставленные², [стихи] сложил'.

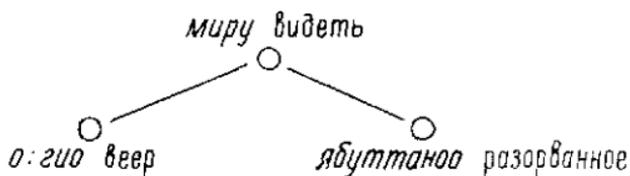
10. Если существует семантическое отношение s_1 — $a = r - s_2$, то для выражения его помимо синтаксического дерева

и синтаксического дерева

в японском языке возможно еще одно дерево —

где и номинализированный глагол, выражающий S_2 , и имя, выражающее a , оформляются оба морфемой винительного падежа $-o$, которая может быть заменена при номинализованном глаголе показателем основного падежа нулевой морфемой. Для современного японского языка такая возможность исключена, но для старояпонского языка такое синтаксическое дерево вполне обычно. Например:

(59) *Сомэдононо кисаино омаэни ханагамэни сакура-но ханао¹ сасасэтамаэруо² митэ³ ёмэру* (Кок.) 'Увидев³ цветы¹ вишни, поставленные² в вазу перед государыней дворца Сомэдоно, [он] сложил [следующее] стихотворение';

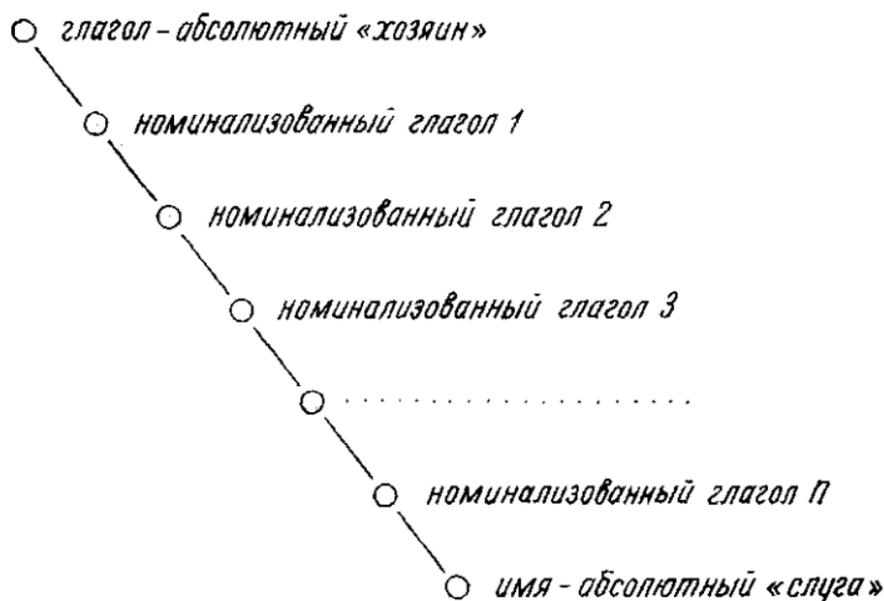
(60) *Кано миконо сумикэру тё:но катабирано химони, фумио¹ юццукэтарикэруо² торитэ³ мирэба...* (Кок.) 'Он взял³ письмо¹, прикрепленное² к шнуру занавески того алькова, в котором некогда пребывала та принцесса, которая посмотрела на него и...';

(61) *Табэно цукарэно нагусамэни сю:о¹ мотитэсо:ро:² хитоцу кикосимэсарэсорэ³* («Иккаку сэннин») 'Отведите³ вина¹, имеющегося² у нас для того, чтобы снять усталость, [возникшую во время] странствия';

(62) *Арудзино кинуо¹ кисэтаруо² аситани каэсу³...* (Кок.) 'Хозяйское платье¹, [на меня] надетое², завтра верну³ ...';

11. Пусть имеется n -е число ситуаций, у которых один общий актанта a . В старом японском языке для выражения такой ситуации все глаголы (или прилагательные), кроме одного, номинализуются и последовательно подчиняются глаголу в вершине предложения, а имя, выражающее единственный предмет a , ставится в подчиненное положение по отношению к последнему номинализованному глаголу или прилагательному, т. е. становится абсолютным «службой» в предложении. Та-

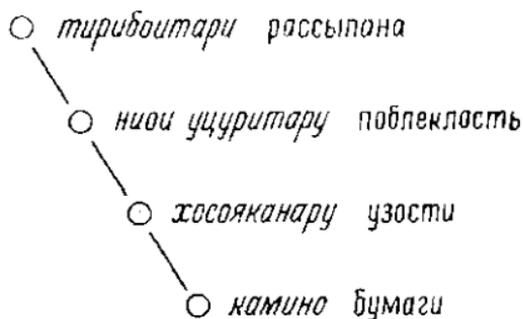
ким образом, синтаксическое дерево имеет следующий вид:

В современном японском языке нам не приходилось встречать таких структур, но исследования проф. Е. М. Колпакчи показали, что такие «матрешки», такое лингвистическое «барокко» процветало и было чуть ли не нормой в средневековой японской кургуазной литературе. Приведем только один пример:

(63) *Митинокунигамино тато:гамино¹ хосояканаруга² ханака курэнаика. сукоси ниои уцуритарумо³ китё:но мотони тирибоитари⁴ (Ма.)* 'Митинокская туалетная бумага¹ узенькая², красная, алая, слегка поблекшая³, рассыпана⁴ у ширмы'.

Вот дерево этого предложения:

Примечания:

1. В виде эксперимента в статье применена новая орфография транскрибированного японского текста: аффиксы и энклитики не отделяются дефисом от своих основ.

2. Исследование описываемых выше конструкций было проведено нами впервые на материале современного японского языка в докторской диссертации «Очерки по строю японского языка» (Л., 1949). Позже на материале старояпонского языка подобное исследование провела Е. М. Колпакич в работе «Составные члены предложения в японском языке» (рукопись. Часть старояпонских примеров заимствована нами из этой работы. Примеры даются в современном произношении). В диссертации все наши усилия были направлены на то, чтобы «примирить» синтаксис с семантикой и увидеть за каждым синтаксическим пируэтом его семантический аналог. Теперь мы решительно отказываемся от этой идеи, приняв то более естественное воззрение, согласно которому несколько синтаксических деревьев могут иметь одно и то же значение и что предложению «Он затянут в нелепый мундир» семантически абсолютно тождественно предложение «Он затянут в нелепость мундира» и даже, разумеется, в японском «Он затянут в мундир в нелепость», хотя от второй и третьей синтаксических структур к семантике путь не прямой. Но иначе и быть не может. В противном случае синтаксис просто совпал бы с семантикой и один из этих терминов оказался бы лишним.

3. Обращаем внимание читателей этой статьи на одно следствие, вытекающее из утверждения, высказанного в разделе 10. Это следствие касается так называемой непроективности. Как известно, непроективность является результатом антинормы либо между правилами порядка слов и глубиной предложения, либо между правилами порядка слов и актуальным членением предложения. Если принять, что синтаксическое дерево, рассмотренное в разделе 10, таково, каким мы его описали, то это означает, что японский язык вводит в оборот совершенно новый источник непроективности, а именно: антинорму между правилом порядка слов, принятым в данном языке для выражения ситуации s_1 (например, *взять*), и правилом порядка слов, принятым в том же языке для выражения ситуации s_2 (например, *приколоть*), в том случае, когда обе ситуации выражены средствами одного простого предложения. Например: *Кандзасинитэ сударэни фуmio цукэтаруо торитарики* букв. 'Взял приколотость письмо (но-русски следовало бы сказать: письмо) к шторе шпилькой' в смысле 'Взял письмо, приколотое к шторе шпилькой'. Это непроективное предложение состоит из синтагм: *фуmio цукэтарики* 'взял письмо', *цукэтаруо торитарики* 'взял приколотость', *сударэни цукэтарики* 'приколотость к шторе', *кандзасинитэ цукэтарики* 'приколотость шпилькой'. Уточняя сказанное в разделе 10, заметим, что такие синтаксические деревья встречаются и в современном языке, правда редко (см., например, «Америка моногатари» Наган Кафу).

Заметим в заключение, что для устранения столь необычной непроективности пришлось бы принять соглашение о другой синтаксической структуре в предложениях этого рода — вещь вполне возможная, хотя и сопряженная с известными трудностями. Однако это — предмет особой статьи

ПРИЗНАКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Язык как один из объектов социальной действительности представляет собой семиотическую систему особого рода. Знаковая природа языка отличает его от незнаковых общественных объектов, а особенности его системы — от других социальных знаковых систем [см. 5, 7—18]. Специфика языка состоит в том, что он, имея социальное назначение, обладает самобытной знаковой структурой, выступает в качестве формы мышления, формы выражения человеческого сознания, внеязыкового содержания, используется в качестве естественного средства общения людей на всем протяжении истории человеческих коллективов и связан со всей жизнью и деятельностью человека. Язык состоит из структурных знаков — элементов разного качества и разных уровней. Элементы языка, образующие в совокупности сложный многоярусный и противоречивый предмет, характеризуются единством материальной (звуковой, а также графической) и содержательной сторон.

Языковая система как специфический структурный механизм, предназначенный для выполнения специальных задач формирования и проявления человеческого сознания, а также для передачи информации, запечатлена в мозгу человека и приводится в действие в необходимых случаях благодаря речевой способности людей. Осуществление речевой способности с помощью объективного механизма языка составляет речевую деятельность. Речевая деятельность порождает множество устных и письменных речевых произведений, в которых наглядно воплощается языковая система мыслительно-социальных знаков во всем своеобразии своей структуры [см. 1; 2].

Минимальное речевое произведение называется предложением речи. Речевые предложения конкретны, вари-

антны, но строятся по ограниченному количеству обобщенных типовых схем в соответствии с общими законами функционирования системы того или иного языка. Предложение-тип, т. е. то общее, что обнаруживается в бесчисленных, но структурно однородных предложениях речи, называется предложением языка. Таким образом, различаются речь и предложение как единица речи, с одной стороны, и язык и предложение как единица языка — с другой. Речевое предложение можно именовать отдельным термином, например, высказыванием (ср. фразу), если требуется последовательное разграничение терминов для речи и терминов для языка [см. 3, 94—111].

Предложение — это максимальный знак языка, его максимальная синтаксическая единица, а высказывание — конкретная максимальная синтаксическая единица речи, речевая манифестация максимального языкового знака. Предложение языка соотносится с высказыванием, как сущность и явление, общее и единичное, между которыми наблюдается неразрывная диалектическая связь, свойственная всем соотносительным понятиям о действительности.

Если предложение как единицу языка можно считать основным предметом исследования в синтаксисе, то материалом для проведения такого исследования необходимо признать высказывание-предложение как единицу речи. Обобщенные свойства однотипных высказываний раскрывают сущность предложений-типов и дают возможность установить общие характеристики, присущие всем классам предложений данного языка.

Высказывание как один конкретный акт коммуникации наделяется определенными фонетическими (а в письменной речи — графическими) приметами, ему присуща определенная смысловая связность и грамматическая оформленность. Высказывание имеет соответствующую коммуникативную самостоятельность и явно обозначенную целенаправленность. Будучи соотношенным с действительностью с помощью предикации, оно связывается как отправителем, так и получателем речи с одним и тем же внеязыковым содержанием в конкретной ситуации речи. Оно адекватно воспринимается слушающим или читающим в данных условиях общения.

Говоря о конструктивных признаках японских пред-

ложений, создаваемых по некоторым общим для всех их типов правилам, которые можно выявить, изучая приметы высказываний, мы будем иметь в виду языковую единицу, но все заключения о ней будем делать на основе анализа ее реализации, воплощения в речи.

1.2. Общие правила конструирования предложений вообще и частные правила построения отдельных типов предложений вырабатываются коллективами людей, говорящих на том или ином языке, сохраняются в их мозговой памяти и передаются новым поколениям. Как конкретная единица, выражающая и передающая некоторое содержание, высказывание характеризуется индивидуальными наслоениями, свойственными данному минимальному речевому произведению, направленному определенным лицом на другое лицо в конкретной ситуации общения. Конкретные высказывания со всеми их субъективными, несущественными для предложения-типа особенностями порождаются автоматически по запечатленным в мозгу формулам. Эти объективные формулы можно обнаружить путем наблюдения устройства высказываний, причем не только посредством отсечения частных свойств высказываний, принадлежащих конкретным субъектам речи. При научном выявлении общей структуры и типовых схем предложений приходится отвлекаться от многих других вариантных свойств тех или иных в основе сходных высказываний как в области лексики, так и в сферах морфологии и синтаксиса (ср., например, синонимию на всех уровнях языка) и т. п. Однако предложение (его структура) — это не просто научная абстракция, оно существует реально так же, как и язык. Теорию предложения, его научную интерпретацию, в том числе с помощью моделирования, нельзя смешивать с объективными предложениями. Это разные понятия.

Модель предложения — это абстрактная формула расположения, сочетания, лексического наполнения компонентов и внешнего оформления предложений данного типа. Модели бывают основные и производные, но те и другие воспроизводят лишь каркас разных (соответственно, элементарных и преобразованных) объективных типов предложений, реализующихся в соответствующих высказываниях.

Исследование предложения имеет целью определить

его типовые — основную и производную — модели и сопровождается описанием их проявления в речи. Оттапливаясь от высказываний, мы идем к предложениям, устанавливаем их модели и классы этих моделей, манифестацию этих моделей в элементарных и преобразованных (трансформированных) предложениях, построенных по основной и производной моделям.

Например, основная модель предложения может иметь такие грамматические характеристики: расчлененность, эксплицитность компонентов, препозиция компонента, выражающего субъект действия, по отношению к компоненту, выражающему действие, связь этих двух первичных компонентов с помощью служебного слова-частицы, повествовательность, глагольность, прошедшее время, оптимальная (нейтральная) достоверность сообщения.

Модель такого грамматического содержания может быть проиллюстрирована элементарным предложением типа *Хана га сайта* (Тю:гаку, 178) 'Расцвели цветы'. Производную развернутую модель этого типа предложения, т. е. его трансформ с распространенными членами, можно обнаружить в предложении *Сакурасо: но хана га нива ни сайта* (Тю:гаку, 178) 'Цветы примулы расцвели в саду'. Последнее предложение также расчлененное, с эксплицитными компонентами, повествовательное, глагольное, употреблено в форме прошедшего времени и оптимальной достоверности. Оно построено по той же основной модели, что и первое, но его первичные компоненты (в отличие от элементарного предложения) распространены.

Та же самая модель предложения может воспроизводиться во множестве высказываний, аналогичных следующему: *Хитори но гэнан га расё:мон но сита дэ амэ-ми о маттэ ита* (Акутагава, 7) 'Какой-то слуга переждал дождь под воротами Расёмон'. При свертывании данного высказывания возможно получить его основную модель: *Гэнан га маттэ ита* 'Слуга ожидал' или даже свести его к заключительному (ядерному) члену, сказуемому, т. е. к потенциальному минимуму предложения, к базе его развертывания: *Маттэ ита* 'Ждал'.

1.3. Вопросы, относящиеся к предложению, в лингвистике могут рассматриваться на синтаксическом, а также на фонологическом (ср. графический) и семантиче-

ском уровнях. На синтаксическом уровне различаются два плана предложения: 1) план его внутренней структуры (строения) и его внешней формы; 2) план трансформации его элементарной структуры.

Обратимся вначале к первому плану синтаксического уровня. Элементарным предложением японского языка называется простейшая максимальная синтаксическая единица, являющаяся основой для разнообразных преобразований (трансформаций), которые дают возможность языку эффективно выполнять свое основное назначение: служить средством выражения содержания и передачи информации. Элементарным может считаться только такое предложение, которое:

1) по своему коммуникативному назначению и внешнесинтаксической парадигме является повествовательным и не включает в себе вопроса или повеления и т. п.;

2) состоит из минимально необходимых для данной синтаксической структуры компонентов.

Глагольное элементарное предложение может иметь только так называемое активное строение.

Элементарное предложение может употребляться в любой из внешнесинтаксических форм своей парадигмы, не меняющих его коммуникативного назначения и внутренней структурной схемы.

Основная модель — это абстрактная формула внутреннего строения и внешнего оформления элементарного предложения. Вот некоторые примеры японских элементарных предложений-высказываний трех исходных типов, иллюстрирующие их основные модели:

(1) первый тип — двухчленные с эксплицитными членами: *Ками га мозру* (Бумпо: кё:ику, 144) 'Бумага горит'; *Тикю: ва маруй* (Бумпо: кё:ику, 193) 'Земной шар круглый'; *Асагао ва кирэй да* (Сораниси, 92) 'Вьюнок красив'; *Судзуки-сан ва сэнсэй дэс* (Огава, 25) 'Судзуки-сан — преподаватель';

(2) второй тип — двухчленные с имплицитным членом: *Канада дэ ва эйго о цукау* (Бумпо:, 183) 'В Канаде говорят по-английски'; *Иппун. Нифун. Рэйко ва то:то: хара о татэтэ симатта* (Бунгаку сэнсю:, 107) 'Минута. Две. Рейко наконец разозлилась';

(3) третий тип — двучленные с синкретичными членами: *Хай* (Бумпо: кё:ику, 12) 'Да (слушаюсь, понятно)';

Модели этих предложений включают:

1) конфигуративный аспект, аспект внутреннего устройства предложения;

2) парадигматический аспект, т. е. аспект лексического наполнения заключительного (ядерного) члена и внешнесинтаксической парадигмы предложения [см. 18; 21].

Теперь несколько замечаний о втором, трансформационном, плане синтаксического уровня [см. 20, 528—636; 2, 25—29]. Трансформационный план включает:

1) аспект трансформаций внутренней структуры элементарных предложений, связанных с первым основным назначением языка — служить оболочкой содержания [развертывание, эллипсис, замены, перестановки, изменение форм (переоформление) и т. п.];

2) аспект трансформаций элементарных предложений в функционально-коммуникативных целях, связанных со вторым основным назначением языка — служить средством общения.

В данной работе мы будем оперировать не только основными моделями и элементарными предложениями. Для иллюстраций и доказательств будут привлекаться некоторые виды трансформов, в частности развернутые и эллиптические предложения, относящиеся к первому трансформационному аспекту, а также вопросительные предложения, относящиеся ко второму трансформационному аспекту синтаксического уровня.

2.1. Предложение-высказывание в потоке речи выделяется на основе признаков, отличающих его от меньших и больших синтаксических единиц. Эти отличительные признаки не сводятся только к его свойствам на синтаксическом уровне. Предложение характеризуется также данными других уровней, низших и высших по отношению к синтаксическому уровню (ср. фонологический, семантический и другие уровни). Для всестороннего и глубокого изучения японских предложений необходимо прежде всего очертить границы той синтаксической единицы, которая называется предложением японского языка, указать на ее общие отличительные свойства, что и заложит фундамент для системного исследования типологии японских предложений [см. 1].

2.2. Устная речь внешне (особенно при незнании того

или иного языка) воспринимается как поток звуков, как звуковая цепь. Но фактически звуки, их комплексы, комбинации и сверхсегментные фонологические средства являются знаками, наделенными значениями, и служат сигналами, передающими понятный для всех владеющих данным языком смысл. В звуковой цепи закодированы и сигналы деления ее на высказывания-предложения. Одна из задач научного обследования языка-речи — вскрыть и описать эти интуитивно воспринимаемые посетителями языка фонологические приметы.

На фонологическом уровне, т. е. в акустическом отношении, границы предложения определяются внешними (фразовыми) паузами перед его началом и после его завершения, противопоставленными количественно (по времени) наличным или возможным внутренним (синтаксическим или синтагматическим) паузам. Границы предложения обозначаются также законченным контуром его ритма и мелодии. Как целое этот контур противопоставляется сегментарным контурам его частей. В этом отношении особенно выразительна мелодия (интенсивность произнесения, частота колебаний основного тона) конечной зоны звучания предложения. Паузация, ритм и мелодия дополняются соотношением так называемых ударных и неударных частей предложения, т. е. его общим фразовым ударением. Паузация, ритм, мелодия и ударение сливаются в единый сложный интонационный символ (знак) коммуникативной автономности предложения [см. 25, 178—208; 26, 15—19; 13, 26—50].

Письменная речь внешне выглядит как цепь графем (письменных значков). Эти графемы служат сигналами определенных звуков и их комплексов (сигналами сигналов), соотношенных со значениями. Современная письменная речь (а также устная речь, фиксированная письменно) уже сегментирована на предложения. При изучении такой речи мы вынуждены следовать за автором текста и записи или оспаривать его членение, если оно в чем-то не совпадает с заданными правилами сегментации текста на предложения. Однако практически можно согласиться с писавшим, довериться его интуиции и знаниям, т. е. отнестись к предложенной сегментации как к адекватной реальности. Это допустимо хотя бы уже потому, что писавший, ставя точку или равный ей в пунктуационной функции значок, кодировал таким об-

разом и потенциальные звуковые приметы сегментации высказываний-предложений, поскольку он опирался на свое, бесспорно субъективное, но согласованное с социальной нормой понимание фонологического и иного членения речи.

На графическом уровне, т. е. на письме, начало и конец предложения обозначены своеобразным пробелом, соответствующим фразовой паузе и заполняемым лишь пунктуационным значком, сигнализирующим тип мелодии. Пунктуационные значки конца предложения, располагающиеся как бы в пробелах, контрастируют с внутренними пунктуационными значками в таких же пробелах, сигнализирующими синтаксические и синтагматические паузы и незавершенный ритмический и мелодический контур сегмента. Таким образом, графический уровень предложения является отражением его фонологического уровня и определяется фонологическими характеристиками.

На семантическом уровне, т. е. в смысловом отношении, предложение характеризуется относительной законченностью заключенного в нем содержания, оборванностью семантических связей в его конце. Относительная законченность содержательной стороны предложения опирается на относительную законченность, цельность и самостоятельность той формы мысли (ср. суждение и т. п.), которая выражается предложением, и достигается определенным образом выраженным соединением ведущих и зависимых понятий, совокупных и взаимно обусловленных частей общего смысла предложения, их расположением и семантическими отношениями и связями между ними (ср. простой субъект, простой предикат и их распространение). Внутреннему содержанию предложения присуща некоторая функциональная автономность, сопряженная с коммуникативной целенаправленностью в отображении действительности, обособляющая предложение в потоке речи и ставящая предложение выше его компонентов (простых, усложненных и сложных).

2.3. С лингвистической точки зрения первостепенный интерес и наибольшую трудность для изучения представляют признаки синтаксического уровня предложения [см. 4, 7—106], которые в японском языке в некоторых условиях оказываются достаточными для раз-

граничения предложения и его частей, предложения и последовательностей предложений без фонологических, графических и семантических примет.

Границы японского предложения синтаксически выражены довольно недвусмысленно и однозначно. Это достигается благодаря тому, что в самом конце предложения, в качестве его заключительного компонента, употребляются самостоятельные (знаменательные) или служебные (формальные) изменяемые классы слов в специализированных заключительных формах, а также специальные неизменяемые служебные слова, сигнализирующие окончание, обрыв синтаксических связей данной синтаксической величины [см. 6; 26, 64—66, 169—178, 269—275, 335—345, 376—385]. Такое оформление законченности предложения в японском языке является нормой для абсолютного большинства его грамматически правильных структурных типов. Обрыв синтаксических связей, выражаемый заключительными формами, закрепляет и подчеркивает внутреннюю структурную цельность предложения, определяемую его основной и производной моделями.

Заключительные формы изменяемых классов слов, приспособленные для использования в конце предложения, противопоставляются специализированным незаключительным формам тех же классов слов. Например, у глагола *ёму* 'читать' — типичного представителя всех других групп глаголов — к числу заключительных форм относятся: *ёму* — *ёмимас*, *ёнда* — *ёмимасита*, *ёманай* — *ёмимасэн*, *ёманакатта* — *ёмимасэн дэсита*, *ёмо*: — *ёмимасё*; *ёндаро*: — *ёмимаситаро*:; *ёму но дэс* — *ёнда но дэс* и т. п. Среди его незаключительных форм можно назвать следующие: *ёми*, *ёндэ*, *ёмэба*, *ёндара*, *ёминагара*, *ёндэ мо*, *ёндари*, *ёманаку*, *ёманакутэ*, *ёманайдэ*, *ёманакэрэба*, *ёманакаттара*, *ёманакаттари*, *ёмимаситэ* и т. п. [см. 22, 90, 115, 189—190, 199—200]. Ср. омонимичные заключительным незаключительные формы *ёму* и *ёнда*. У предикативного прилагательного *сирой* 'белый' — типичного представителя всех других предикативных прилагательных — к заключительным формам относятся: *сирой* и *сирокатта*, *сирокаро*: и *сирокатаро*:; *сирой дэс* и *сирой дэсита* (*дэсё*:); *сироку най* и *сироку наката* и т. п., а к незаключительным: *сироку*, *сирокутэ*, *сирокэрэба*, *сирокаттара*, *сирокутэ мо*, *сироку наку*, *сироку*

накутэ, сироку найдэ и т. п. Наконец, к заключительным формам, например служебно-предикативного слова *дэс* — типичного представителя всех слов этого класса, — относятся: *дэс* и *дэсита*, *дэсё:* и *дэситаро:*, а к незаключительным — «ноль», *дэ*, *дэситэ*, *дэситара* и т. п. [см. 8]. К неизменяемым служебным словам (частицам), указывающим на окончание предложения, можно причислить: *ка*, *касира*, *кото*, *моно*, *дээ*, *ккэ*, *томо*, *на*, *на:*, *но*, *монока*, *я*, *ё*, *ва* и т. п. [см. 23, 311; 22, 227]. Правда, следует сделать оговорку, что среди названных конечных частиц, как и среди заключительных форм глаголов и предикативных прилагательных, есть и такие, которые имеют омонимы, употребляющиеся в незаключительных позициях (ср. *ка*, *моно*, *кото*, *я*, *ва* и т. п.).

Оппозиция заключительных и незаключительных форм является самым сильным средством обозначения окончания синтаксических связей, завершения японского предложения. Поэтому фонологические и графические приметы границ играют второстепенную роль, они могут даже показаться сопутствующими и, более того, иногда действительно являются избыточными знаками, но при определенных условиях удельный вес фонологических и графических примет возрастает. К этим необычным условиям относятся особенности заключительности некоторых структурных типов предложений, т. е. специфика их заключительного компонента и вытекающие отсюда ограничения на применение форм категории заключительности (об этом смотри ниже). Точно так же и семантические признаки предложения не играют решающей роли в определении границ предложения, хотя завершенность содержательной стороны как бы вызывает синтаксическую завершенность предложения. Синтаксическая граница предложения предопределяется его семантикой, но синтаксический уровень предоставляет более точные и надежные сведения о языковой сущности максимальной синтаксической единицы. Семантическая заключительность совмещается, сливается с синтаксической законченностью, и на этой основе цементируется общая цельность, связанность и завершенность предложения.

Если смысловая законченность предложения в потоке речи является относительной, то синтаксическая — полной или почти полной, поскольку в каждом предло-

жении имеется лишь один заключительный компонент, подчиняющий прямо или косвенно все другие компоненты предложения. Этот заключительный компонент — потенциальный минимум предложения и передатчик его главного, минимального (не развернутого) смысла — позиционно находится в конце предложения, и именно, он располагает заключительными формами. Абсолютная постпозиционность (конечность) заключительного компонента, его специализированные заключительные формы и средства, семантически и синтаксически господствующее его положение среди других частей предложения являются сильным выразительным средством обозначения границ предложения и составляют его важнейший комплексный конструктивный признак.

Предложение, обладающее в качестве единицы выражения относительным смысловым единством, определенной структурной цельностью, синтаксической законченностью, служит автономной и целенаправленной единицей общения, поскольку, будучи предикцированным, оно приобретает некоторую коммуникативную самостоятельность и располагает средствами выражения коммуникативного назначения (повествование, вопрос, повеление и т. п.). Средства выражения предикации и целенаправленности сосредоточены также в заключительном компоненте предложения.

2.4. Пользуясь перечисленными выше приметам границ и конструктивных признаков японских предложений, в следующем абзаце письменной речи можно выделить четыре предложения:

Нодзима ва Сугико то ва хотондо ханаси о синакатта. Сугико га сибай окансинситэ митэ иру расий но ни фуюкай о кандзита. Сикаси сорэ ва мури мо най то мо омотта. Накада мо кансинситэ иру ё: на кото о итта га сорэ ва мусиро карэ ни тайсуру осэдзи но ё: ни мизта (Мусякодзи, 158) 'Нодзима почти не разговаривал с Сугико. Он чувствовал себя как-то неловко оттого, что Сугико, кажется, с интересом смотрит спектакль. Впрочем, он все же считал, что это вполне естественно. И Накада сказал, что ему спектакль нравится, но его слова выглядели скорее как комплимент в адрес Номура'.

Автор данного абзаца, обозначенного отступом в начале первой его строки и переходом к диалогу после него, уже сегментировал его на предложения. Между

предложениями есть соответствующие знаки препинания, противопоставленные таковым внутри предложения. При звуковом воспроизведении приведенного кусочка читатель, пользуясь указанными пунктуационными знаками, наделит высказывания нужной интонацией (паузами, мелодией, ударением).

Каждое из этих четырех предложений в соответствии с законами японской грамматики заканчивается заключительным членом, выраженным изменяемым словом в заключительных формах. Конструируя эти предложения, их автор, конечно, руководствовался определенными коммуникативными целями, стремясь выразить то, что ему требовалось по ходу повествования. Он отобрал нужные слова, расположил, объединил и оформил их должным образом. Смысловое единство, синтаксическая оформленность минимальных речевых единиц привели к указанному выше членению абзаца на предложения.

Подобным же образом членятся на предложения и устные произведения, зафиксированные письменно. Например:

- Уми ни хаиро: ка то,— Нодзима ва со: итта.
- Хаиттэ мо ий нэ.
- Хаиттэ кара боку ва хитонэмурисуру но да.
- Боку ва сё:сэцу о какидасита ё.
- Со: ка? Боку мо наканака ситаку натта. Бэнке: мо ситай.

- Отагаини эраку наро: нэ.
- Сорэ ва китто нарэру ё. Кими га итэ курэру но га доннани урэсий даро: Нихон мо корэкара омосироку на-ру. Хонтони сигото расий сигото о синакэрэба фумэйё: да (Мусякодзи, 197)

- Пойдем в море [купаться],— сказал Нодзима.
- Можно и пойти.
- После купания я немного посплю.
- Я начал писать повесть.
- Да? И мне хочется что-нибудь сделать. И учиться хочется.

- Оба станем известными.
- Это непременно так и будет. Как я рад, что ты есть на свете и находишься рядом со мной. Япония в будущем превратится в [более] интересную страну. Бесчестно не делать то, что действительно заслуживает быть сделанным'.

Разумеется, это — диалог, сочиненный и записанный писателем. Но предложения, входящие в данный отрывок, вполне могли бы быть реально произнесены не только тем, кто их записал, а подлинными героями повести — субъектами приписываемой им речи (действительными субъектами диалогических высказываний).

3.1. Термин «заключительность предложения» в метаязыке грамматики японского языка во многом близок термину «предикация предложения». Предикация японского предложения как одна из комплексных синтаксических речевых категорий высшего ранга есть выражение грамматической заключительности предложения, предопределяемой его смысловым единством, структурно-синтаксической цельностью, относительной коммуникативной самостоятельностью и определенной целенаправленностью. Она обусловлена грамматическими нормами японского языка и характеризуется свособразием набора средств для ее осуществления. В устной речи предикация сопровождается приданием предложению (иногда избыточно) соответствующего заключительного интонационного контура, что в письменной речи передается соответствующими знаками препинания.

Фонологические и графические средства также входят в число средств выражения предикации, но занимают среди них особое место. Предикация как процесс соотнесения мысли, содержащейся в высказывании, с действительностью есть выражение абсолютного грамматического времени (настоящее-будущее и прошедшее) и внешнесинтаксической модальности (оптимальная достоверность, усиленная достоверность, ослабленная достоверность сообщения). Категория абсолютного грамматического времени и внешнесинтаксической модальности — это субкатегории, составляющие сложную категорию предикации. Формы, дифференцированно выражающие подразделения этих субкатегорий, относятся к специализированным заключительным формам предложения, образующим его внешнесинтаксическую парадигму.

На этом и основывается почти синонимичность понятий заключительности и предикации. Предикация осуществляет потенциальную предикативность языкового предложения [см. 8; 16; 13], которая является его от-

личительным конструктивным свойством как максимального синтаксического знака.

3.2. Категория предикации в японском языке не совпадает с предикацией в традиционном ее понимании, сложившемся в результате изучения грамматического строя европейских языков. Специфика предикации как конструктивного признака японского предложения состоит в том, что японская предикация необязательно основывается на подлинной предикативной связи подлежащего и сказуемого, как это имеет место, например, в английском языке, в котором присутствие подлежащего в предложении является нормой. В японском языке нет ортодоксальной предикативной связи подлежащего и сказуемого в том виде, как это наблюдается в европейских языках. Сказуемое предложения японского языка не требует непременно выражения подлежащего, а потому последнее часто формально отсутствует, когда в связи с особенностями ситуации речи, контекста нет необходимости в словесном (синтаксемном) обозначении субъекта предикативного признака. Так возникает эллипсис одного из первичных компонентов (второго первичного компонента), непосредственно связанного с другим (заключительным) первичным компонентом субъектно-предикативными отношениями.

Необычность предикативной связи в предложениях японского языка состоит еще в том, что сказуемое не имеет подлинно личных форм, форм выражения числа, рода и т. п. и, строго говоря, не согласуется с подлежащим (хотя и существует некоторая лексико-грамматическая их координация). Кроме того, подлежащему в японском предложении не свойственно единообразное оформление [см. 17]. Сказуемое и подлежащее в японском языке находятся не в типичной предикативной связи (ср. английский да и русский язык), они связаны особой предикативной связью, при которой один из компонентов нередко факультативен. Но и такой вид предикативной связи многое обуславливает в структуре японского предложения, и специфику этой связи нельзя игнорировать. Предикативная связь в японском языке принципиально отличается от других видов синтаксической связи, в частности от субординативной связи в ее разновидностях (от связи сказуемого и дополнения и т. п.).

3.3. Предикативная связь обнаруживается не во всех типах японских предложений, а только в эксплицитно двучленных. Общим свойством всех разновидностей предложений японского языка является лишь то, что они строятся главным образом с опорой на заключительный член, являющийся их потенциальным минимумом. В японском языке немало таких видов двучленных предложений с имплицитным членом, которые не допускают выражения подлинно грамматического подлежащего. К ним относятся, в частности, бессубъектные предложения. Например: *Хё:дзюнго дэ ва до:буцу но «камэ» ни цуйтэ ва ка о такаку хацуонсуру* (Бумпо:, 133) 'В литературном (букв. стандартном) японском языке слог *ка* в названии животного *камэ* (черепаха) произносится высоким тоном'. Бесспорно, *нет* и не может быть подлежащего в имплицитно двучленных номинативных или синкретично двучленных (нерасчлененных) предложениях. Например: *Нандзи то но дзай!* (Бунгаку сэнсю:, 330) 'Свидание с тобой!'; *Ун* (Бумпо: кё:ику, 37) 'Да'; *Амэ да* (Сораниси, 87) 'Дождь'. Ср. английское *It rains*; русское *Дождь = Дождит = Идет дождь*.

Бессубъектные предложения с заключительным членом, выраженным изменяемым словом в заключительных формах, в отличие от номинативных и нерасчлененных имеют внешнюю дифференцированную парадигму (т. е. выражают подразделения времени и модальности). Но во всех видах имплицитно двучленных и синкретично двучленных предложений нет сказуемого, ибо оно невозможно без эксплицитного подлежащего и предикативной связи. Тем не менее и в таких предложениях есть заключительный компонент, или ядро. Ядро в синкретично двучленных предложениях может быть равно предложению в целом. Центр предикации во всех типах предложений японского языка находится в заключительном компоненте (в сказуемом, если оно имеется), свойства которого определяют расчлененность или нерасчлененность высказывания, характер его развертывания, эллипсиса и других трансформаций и в конечном итоге — структуру и тип предложения.

4.1. То, что сказано о заключительности и предикации в пп. 3.1 и 3.2, относится главным образом к одной (первой) группе японских предложений, которая, как

уже упоминалось, по количеству типов и частотности их употребления занимает господствующее положение. По есть и другая (вторая) группа типов предложений, находящихся в меньшинстве, которые по предикации существенно отличаются от первой.

Предложения японской письменной и устной речи, относящиеся ко второй группе, заканчиваются заключительным компонентом, который может быть представлен, во-первых, неизменяемым словом, не имеющим противопоставления заключительных и незаключительных форм, и, во-вторых, изменяемым словом в незаключительных формах. Гепезис таких синтаксических единиц неодинаков.

Предложения с заключительным членом — неизменяемым словом — принадлежат всем трем типам основных моделей, а предложения с заключительным членом — изменяемым словом в незаключительных формах — только двум исходным типам основных моделей.

К предложениям с заключительным членом — неизменяемым словом — относятся прежде всего предложения третьего исходного типа основных моделей, т. е. нерасчлененные предложения с синкретичными членами в их разновидностях [см. 10].

Первый вид: *О:й!* (Бумпо: кё:ику, 37) 'Эй!'; *Мосимоси* (Бумпо: кё:ику, 37) 'Алло!'; *Бандзай!* (Мусякодзи, 339) 'Ура!'

Второй вид: *Бака!* (Киносита, 112) 'Глупости!'

Третий вид: *Саё:нара* (Огава, 256) 'До свидания!'; *Хадзимэмаситэ* (Огава, 256) 'Рад с вами познакомиться!'; *До: итасимаситэ* (Огава, 250) 'Не стоит благодарности!'

К этой (второй) группе относится также один из видов предложений второго исходного типа основных моделей, а именно, номинативные расчлененные предложения с имплицитным членом [см. 11]. Например: *Сё:го. Дэнва но бэру ва дарэмо инай хэя но нака дэ сибараку нарицудзукэта* (Бунгаку сэсю:, 76) 'Полдень. Телефонный звонок (телефон) долго трещал (звенел) в комнате, где (в которой) никого не было!'; *Ко:ку:ки га кассо: о кайсисита токи но гонин но хайти* (Бунгаку сэсю:, 220) '[Вот] размещение пяти пассажиров, когда самолет вырулил на старт и начал разбег'. Правда, в этих предложениях письменной речи можно усмотреть

и суппрессию. Ср. *Сё:го дэ атта* 'Был полдень' и т. п.; *...хайти ва цуги но то:ри дэсита* 'Размещение... было следующим' и т. п. Однако все же больше грамматических оснований считать такие предложения письменной и устной речи {ср. *Сугой бо:рёку* (Киносита, 95) 'Страшное насилие'} номинативными, а не эллиптическими.

Бесспорно, номинативными являются следующие предложения — обращения устной (диалогической) речи: «Сугико, Сугико!» — *Такэко ва аватадасику Сугико о ёнда* (Мусякодзи, 185) '«Сугико, Сугико!» — Таэко взволнованно обратилась к (букв. позвала) Сугико'; *Ой! Ямада! Нантока из ё* (Бунгаку сэнсю:, 108) 'Эй, Ямада! Скажи что-нибудь'; *Хай. Тю:тайтё:доно* (Бунгаку сэнсю:, 87) 'Слушаюсь, господин ротный'.

4.2. Особое место занимают некоторые виды эллиптических предложений первого исходного типа основных моделей, т. е. расчлененные предложения с эксплицитными членами, у которых изменяемая часть сложного или простого заключительного члена либо весь заключительный член суппрессированы [см. 12; 9]. Здесь наблюдается несколько разновидностей.

Первый вид — это расчлененные эксплицитно двучленные предложения с суппрессией подлежащего и служебной части сложного заключительного члена. Например: *Синарэта ото:сан?* — *И:э.— Ока:сан? И:э.— Икитэ иру хито дэс ка.— Э:.— Нихон но хито.— Э:.* *О-вакари-ни натта дэсё:?* (Мусякодзи, 302) 'Умерший отец? — Нет.— Мать? — Нет.— Человек, который жив? — Да.— Японец? — Да. (Вы) поняли, надеюсь?' Ср. *Номура-сан ва кавай хито ва най но дэс ка.— Хитори кири* (Мусякодзи, 302) 'Номура-сан кого-нибудь боится? — Только одного человека'.

Второй вид — это расчлененные эксплицитно двучленные предложения с суппрессией подлежащего и служебной части простого заключительного члена. Например: *Тётто, го-хон хайсяку.— Э:, до:зо* (Мусякодзи, 191) '[Можно] взять на время вашу книгу? — Да, пожалуйста'.

Третий вид — это расчлененные эксплицитно двучленные предложения с суппрессией уже всего заключительного члена — бытийного глагола. Например: «*Имагоро савайдэ иру даро: на*» — *Горо: ва бё:сицу о со:дзо:синагара, со: омотта. Бё:сицу ни ва карэ о ирэтэ ённин*

но кандзя га ита. Сорэни цукисоифу га футари. Сава-гидасу но ва мадзу цукисоифу даро: (Бунгаку сэнсю:, 222) '«Сейчас, наверное, волнуются», — мысленно представив себе палату, думал Горо. В палате вместе с ним лежало четверо больных. Кроме того, [там были] две няни. Начали беспокоиться (волноваться) прежде всего, пожалуй, эти няни'; Горо: то нарандэ сандзю:ён-го но отоко. Нанамэ усиро ни вакай отоко то онна. Соно усиро но сэки ни отоко га хигори (Бунгаку сэнсю:, 220) 'Рядом с Горо [был, ср. сидел] 34—35-летний мужчина. Нанискосок сзади [были, ср. расположились, сидели] молодые мужчина и женщина. Позади них [был еще] один мужчина'.

Четвертый вид — это расчлененные эксплицитно двучленные предложения также с суппрессией всего заключительного члена, но этот член при восстановлении оказывается не бытийным глаголом. Кроме того, в состав конечного члена в данном случае могут входить неизменяемые и изменяемые служебные слова. Например: Ураямасий ва. Ицу ирассяру но? — Коно кугацу ка дзю:гацу ни (Мусякодзи, 304) 'Завидую. Когда уезжаете? — В сентябре или в октябре'; Хара но соко кара? — Э (Мусякодзи, 304) 'Искренне (от всего сердца)? Да'; Э:, Подзима-сан мо нэ (Мусякодзи, 180) 'Да. И Подзима-сан тоже [пусть не расстраивается]'. Суппрессированный заключительный член может быть репрезентирован служебно-предикативным словом. Например: Эси, Орэ га мэйрэйсору. Наника ярэ. Сайкин рю:ко: но яцу о да (Киносита, 127) 'Хорошо (ладно). Я приказываю. Что-нибудь исполни (сыграй). Самую последнюю (новейшую) модную песенку (букв. штучку)'.

4.3. Предложения с заключительным членом, выраженным изменяемым словом в незаключительных формах, — это также разновидности эллиптических предложений первого или второго исходных типов основных моделей, но в отличие от рассмотренных четырех видов эллипсиса у них суппрессирована служебная часть заключительного члена в заключительных формах, а оставшаяся лексико-понятийная часть представлена изменяемым словом в незаключительных формах. При восстановлении эллиптической части заключительного члена получается аналитическая форма изменяемого слова или устойчивая грамматическая конструкция [см. 9]. Напри-

мер: *Энрёсуру то окоттэ ё* (Мусякодзи, 195) 'Если будете стесняться (откажетесь), *рассержусь*' (ср. *окоттэ симау*); *Соко мадэ минна дэ сампосинакуттэ* (Мусякодзи, 195) 'Не обязательно всем ходить гулять так далеко' (ср. *сампосинакуттэ мо ий*); *О-окури-кудасаранайдэ мо* (Мусякодзи, 195) 'Можете не провожать' (ср. *О-окури-кудасаранайдэ мо камаимасэн*); *И:э, о-окуриситэ ё. Сампогатэрани* (Мусякодзи, 195) 'Нет, провожу. Прогуляюсь [и вас провожу]' (ср. *О-окури-ситэ агэмас*); *До:зо, о-агари* (Бунгаку сэвсю:, 110) 'Пожалуйста, *входите*' (ср. *о-агари кудасай*).

О том, что эллиптические предложения не являются недоговорками, свидетельствует также употребление в конце их неизменяемых служебных слов, указывающих обычно на окончание высказывания (ср. *О-окуриситэ ё*). Именно при этом виде эллипсиса наглядно выявляется значимость конечных частиц, указывающих на завершенность предложения.

4.4. Таким образом, общее правило предикации, согласно которому заключительный член предложения выражается изменяемыми словами в специализированных заключительных формах, противопоставленных специализированным незаключительным формам, имеет несколько исключений.

Первое исключение связано с нерасчлененными предложениями, которые не создаются в речи каждый раз заново, а воспроизводятся в готовом виде как штампы, не нуждающиеся в заключительных формах, оппозиционных незаключительным формам, поскольку они оформляются единственным способом, как всегда завершенные, всевременные и оптимально достоверные.

Второе исключение касается номинативных предложений, также не имеющих в своей парадигме дифференцированных форм абсолютного грамматического времени и внешнесинтаксической модальности, противопоставленных незаключительным формам. Номинативные предложения, как и нерасчлененные, не нуждаются в изменении временной и модальной перспективы, поскольку по своей грамматической природе они всегда всевременны (имеют значение расширенного настоящего, включающего и момент речи) и всегда оптимально достоверны в модальном плане.

Третье исключение относится к разного рода эллип-

сису, особенно в диалоге, когда не требуется специального дифференцированного выражения подразделений субкатегорий предикации.

4.5. Эллипсис представляет собой противоречивое явление [см. 3]. Способ предикации некоторых разновидностей эллипсиса на первый взгляд сближает эллиптические предложения, в частности, с номинативными. Однако по внутренней структуре предложения с имплицитным членом качественно отличаются от эллиптических. Номинативные предложения с имплицитным членом принадлежат к другому исходному типу основных моделей, чем большинство эллиптических.

Возможность восстановления заключительного члена или элемента этого члена в заключительных формах позволяет воспринимать эллиптические предложения как законченные, полные (ср. интонацию и заключительные частицы). Конечно, в общей системе классов предложений, предцированных с помощью заключительных форм, они могут считаться в какой-то мере недостаточными, характерными для беглой диалогической речи, в которой отдельные высказывания тесно связываются друг с другом, максимально зависят от ситуации речи, интонируются как самостоятельные предложения, а также для сокращенной (экономичной) письменной речи, в которой контекст приобретает самодовлеющее значение. Однако именно благодаря целостной системе первого исходного типа основных моделей и своему месту в этой системе, благодаря тому, что другие виды предложений этого типа имеют противопоставленные заключительные и незаключительные формы, эллиптические предложения в своих разновидностях понимаются как законченные, хотя и по особому предцированные. Как уже было сказано, эта особенность предикации обнаруживается и в возрастании роли интонации, заключительных частиц, ситуации речи и контекста.

И все же по основной своей модели эллиптические предложения в отличие от нерасчлененных и номинативных входят в первую группу предложений, составляя ее пограничный со второй группой разряд предложений. Исключения, касающиеся эллипсиса, не подрывают сформулированного выше правила предцирования предложений первой группы, а, наоборот, даже подтверждают его, ибо это признанное общественной практикой пра-

Было действительно в отношении абсолютного большинства типов и подтипов предложений и их разновидностей, входящих в первую группу. На этом фоне и своего рода «недостаточные» предложения функционируют нормально, не вызывая затруднений в восприятии речи, не приводя к срыву общения с помощью эллиптических речевых единиц.

4.6. Что касается нерасчлененных и номинативных предложений, составляющих вторую группу типов предложений, выделяемую по способу предикации, то можно говорить лишь об их кажущейся недостаточности. Они по-своему полные и законченные. Более того, у этих типов предложений, предцированных не с помощью заключительного члена в заключительных формах и не имеющих заключительных форм, противопоставленных незаключительным, есть общий интегральный предикативный признак, общий знаменатель с типичными, «достаточными» предложениями первой группы, под который подводятся те и другие. Интегральный признак двух способов предикации сводится к тому, что как в первой группе предложений, так и во второй выражается абсолютное грамматическое время и внешнесинтаксическая модальность, хотя бы в обобщенном, недифференцированном (размытом) варианте, как это наблюдается в синкретичных (нерасчлененных) и имплицитно дву-членных (номинативных) предложениях.

Но отмечая общие интегральные признаки предложений двух групп, нельзя не видеть и синтаксических различий между ними. Если предикация в первой группе предложений накладывается на предикативную связь особого рода, то во второй группе — на явно, так сказать, нулевую предикативную связь. Несмотря на общие черты предикации, эти две группы типов предложений различаются характером синтаксической парадигмы и наличием или отсутствием предикативной связи.

4.7. Предложения второй группы имеют не только универсальную заключительную форму, но и иное порождение, строение, а также коммуникативное назначение. Типы предложений, в которых отсутствует двусторонняя предикативная связь, обладают лишь одной (так называемой нулевой) предикативной связью, поскольку в них не может быть эксплицитного

подлежащего. У них предикация исчерпывается предикативным отношением высказывания к действительности.

Например, нерасчлененные предложения, как уже говорилось,— это штампы, они воспроизводятся в готовом виде, а не конструируются в процессе речевой деятельности, у них вообще нет подлинных внутренних синтаксических связей, а потому они и воспринимаются как законченные, т. е. не порождают сомнений в их предикативной завершенности. Они не способны в полной мере развертываться, т. е. распространяться компонентами с субординативными связями (ср. номинативные предложения). Это объясняется и вызывается, разумеется, особенностями лексического наполнения их ядра, характером его валентности (ср. расчлененные предложения, например глагольные и адъективные). Их усложнение, если оно иногда и имеет место, всегда крайне ограничено и уникально. Далеко не все они могут хотя бы частично распространяться препозиционным определением к ядру или добавлением частиц после него. Но и тогда, когда это в какой-то мере возможно, они воспринимаются как варианты штампов, и только. Ср., например: *Аригато*: (Огава, 256) 'Спасибо' и *До:мо аригато*: (Огава, 234) 'Большое спасибо'; *О-гэнки дэ* и *До:зо огэнки дэ* (Огава, 257) 'Желаю вам всего хорошего'; *Гокикэн* и *Гокигэн ё*: (Бумпо: кё:ику, 38) 'Будьте здоровы (счастливого пути)'. Даже то, что определенные штампы варианты и по внешней форме (парадигме) ядра, не меняет сути дела. Ср., например: *Аригото: годзаимас* (Ханасиката, 94) 'Спасибо (за нечто в настоящем)' и — *Аригото: годзаимасита* (Ханасиката, 94) 'Спасибо (за нечто в прошлом)'.

У таких синкретично двучленных предложений нет других форм, кроме заключительных. Их коммуникативное назначение исчерпывается речсорганизующей функцией и нерасчлененным обозначением чувств и воли.

Далее, номинативные предложения порождаются с целью выразить предикативное наименование. Они употребляются как однословные (односинтаксемные) или развернутые субстантивные номинации. Заключительность называния как процесса обозначается в них не только посредством интонации и пунктуации, но и независимой или господствующей позицией заключи-

тельного члена — неизменяемого именного слова. В номинативных предложениях нет предикативной связи (ср. нулевую предикативную связь), хотя при развертывании они могут распространяться компонентами, зависимыми от господствующего заключительного компонента и находящимися с ним в субординативных связях. Их коммуникативное назначение исчерпывается предикативной номинацией. Например: *Дзигоку! Дзигоку!* (Бунгаку сэсю:, 133) 'Ад! Ад!'; *Синдзё: но киёракаса!* (Бунгаку сэсю:, 133) 'Чистота чувств!'; *Егэнся но ёбавару коэ* (Бунгаку сэсю:, 133) 'Призывный (кричащий) глас прорицателя (предсказателя)!'

Если нерасчлененные предложения принадлежат третьему исходному типу основных моделей (синкретичных), то номинативные — второму исходному типу основных моделей (имплицитных). Первый же исходный тип основных моделей, как уже было сказано, включает в себя предложения с эксплицитными членами (в том числе — их эллиптические разновидности). Среди нерасчлененных и номинативных предложений нет таких, которые содержали бы эллиптические члены (компоненты).

5.1. В устной речи высказывание-предложение автоматически оформляется говорящим описанными выше способами. Получатель речи анализирует речевые произведения и повторяет процесс синтеза мысли, совершенный отправителем речи, и интуитивно, по перечисленным выше приметам, определяет окончание предложения, его общий смысл и коммуникативную направленность. Синтезируя лексическое наполнение предложения с опорой на синтаксические связи, предикативные и иные грамматические характеристики, выраженные в заключительном первичном компоненте, слушатель с удовлетворительной степенью точности воспринимает новую информацию.

В письменной речи фонологические признаки высказывания-предложения сигнализируются знаками препинания, что позволяет при чтении адекватно передать закодированную интонацию и посредством анализа максимального знака и синтеза немасимальных знаков, входящих в максимальный знак, обеспечить нужное воздействие сообщения на читающего или слушающего.

5.2. В заключение перечислим еще раз конструктивные признаки предложения и, таким образом, дадим определение предложения, что и будет итогом всех рассуждений данной статьи.

Предложение японского языка — это созданная в результате предикации и обладающая заключительностью максимальная синтаксическая единица языка, наделенная: 1) заключительным контуром интонации (заключительными пунктуационными знаками), 2) определенным смысловым единством и необходимой структурной цельностью, 3) относительной коммуникативной самостоятельностью и соответствующей целенаправленностью.

Предложение признается грамматически правильным (отмеченным), если оно принадлежит к одной из типовых синтаксических (основных или трансформированных) моделей двух предикативно-структурных групп предложений и употреблено в одной из заключительных форм типичной парадигмы предложений первой группы или в универсальной заключительной форме предложений второй группы.

Рассмотрение примет уже синтезированного предложения по существу является научным анализом его конструктивных признаков, поскольку конструирование предложения, т. е. сам процесс его синтеза, включает в себя придание данному отрезку речи признаков, отличающих его от меньших и больших единиц, использующихся в речи.

Таковы первостепенные синтаксические, второстепенные фонологические (ср. графические) и семантические признаки сложной речезыковой структуры — максимального синтаксического знака, инварианта структурно сходных высказываний японского языка, называемого предложением, иерархическая система типов которого концентрирует в себе все то, что вообще свойственно строю японского языка и всем его уровням.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Акутагава — Акутагава Рюносукэ, Нихон бунгаку дзэнсю:, т. 18, изд-во «Кавадэ», Токио, 1967.
Бумпо: — «Бумпо:», изд-во «Мэйдзи сёин», Токио, 1968, № 11 (журнал).

- Бумпо: кё:нку — «Бумпо: кё:нку», изд-во «Баку сёбо:», Токио, 1967.
- Бунгаку сэисю: — «Бунгаку сэисю:», т. 31, изд-во «Коданся», Токио, 1966.
- Киносита — Киносита Дзюндзи, Сирой ёру но эн, изд-во «Тикума сёбо:», Токио, 1967.
- Мусякодзи — Мусякодзи Санэацу-сю:, Нихон бунгаку дзэнсю:, т. 23, изд-во «Сюэйся», Токио, 1967.
- Огава — Огава Ёсно, Сато Дзюньити, Нихонго ен-сю: кан, изд-во «Дайгаку сёрин», Токио, 1966.
- Сораниси — Сораниси Тэцуро:, Эйго-Нихонго, изд-во «Кино-кунья», Токио, 1963.
- Тю:гаку — «Тю:гаку кокуго», саннын, т. 1, изд-во «Тю:кё:сюппан», Токио, 1958.
- Ханасиката — «Нихонго но ханасиката», изд-во «Кокусай гакую: кай», Токио, 1961.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д., Вариации на тему предложения, — «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
2. Бархударов Л. С., Структура простого предложения современного английского языка, М., 1966.
3. Вардуть И. Ф., К вопросу о явлении эллипсиса, — «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
4. Вардуть И. Ф., Очерки потенциального синтаксиса японского языка, М., 1966.
5. Волков А. Г., Язык как знаковая система, М., 1966.
6. Головин И. В., К вопросу о классификации японской лексики, — «Вопросы японской филологии», М., 1970.
7. Головин И. В., К вопросу о содержании и объеме предикативности (предикации) в японском языке, — «Исследования по японскому языку», М., 1967.
8. Головин И. В., К вопросу о составном сказуемом в японском языке, — «Исследования по японскому языку», М., 1967.
9. Головин И. В., Некоторые особенности глагольного сказуемого в японском языке, — «Сборник трудов по языкознанию», № 2(6), М., 1960.
10. Головин И. В., Нечленимые предложения в японском языке, — «Историко-филологические исследования», М., 1967.
11. Головин И. В., Номинативные предложения в японском языке, — «Сборник трудов по языкознанию», № 5(9), М., 1965.
12. Головин И. В., Предложения относительно неполного состава в японском языке, — «Сборник трудов по языкознанию», № 4(8), М., 1965.
13. Головин И. В., Содержание и объем категории модальности в японском языке, — «Японская филология», М., 1968.
14. Звегинцев В. А., Теоретическая и прикладная лингвистика, М., 1968.
15. Кистанов В. О., Некоторые вопросы интонации современного японского языка (дипломная работа, написанная в ИВЯ при

- МГУ по экспериментальным данным, машинопись), М., 1969.
16. Мельников Г. П., Сущность предикации и способы ее языкового выражения, — «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
 17. Пашковский А. А., Членение японского предложения, — «Исследования по японскому языку», М., 1967.
 18. Седелников Е. А., Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений, — «Филологические науки», М., 1961. № 3.
 19. Смирницкий А. И., Объективная сущность языка, М., 1954.
 20. Хэррис З. С., Совместная встречаемость и трансформации в языковой структуре, — «Новое в лингвистике», т. II, М., 1962.
 21. Шведова И. Ю., Парадигматика простого предложения в современном русском языке (Опыт типологии), — в кн. «Русский язык (Грамматические исследования)», М., 1967.
 22. «Бумпо: кё:ику», изд-во «Баку сёбо:», Токио, 1967.
 23. «Ко:го бумпо: ко:дза», т. VI, изд-во «Мэйдзи сёин», Токио, 1965.
 24. Огава Ёсио, Сато Дзюньити, Нихонго ён-сю:кан, изд-во «Дайгаку сёрин», Токио, 1966.
 25. «Ханасикотоба но бункэй», т. II (Кокурицу кокуто кэнкю:дзё хо:коку, 23), Токио, 1963.
 26. Ямада Ёсио, Нихон бумпо: ко:ги, изд-во «Хо:бушкан», Токио, 1939.

СУПРАСИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИЦА *va*

Согласно точке зрения, изложенной в наших работах [см. 1; 2; 3], в каждой естественной языковой системе различаются синтаксический (= потенциально-синтаксический) и супрасинтаксический (= актуально-синтаксический) ярусы. К синтаксическому ярусу принадлежат такие единицы, как синтаксема, предложение, период (=самостоятельное). К супрасинтаксическому ярусу, образуемому актуальным членением, принадлежат такие единицы, как фраза, сообщение, фраза. Содержание синтаксических единиц обусловлено их референтами. Содержание супрасинтаксических единиц обусловлено отношением этих референтов друг к другу (различением новой и исходной информации) и направленностью высказываний (различением повествования, вопроса и повеления). Выражение синтаксических единиц лишено интонационности: интонация иррелевантна для них. Выражение же супрасинтаксических единиц интонационно (актуальное членение совпадает с интонационным). Никакие другие языковые единицы, кроме супрасинтаксических, не различаются посредством интонации, и никакого другого назначения, кроме выражения супрасинтаксического содержания, интонация не имеет (интонационные параметры, выражающие эмоции, паралингвистичны).

Принять эту точку зрения значит принять, в частности, следующие три тезиса.

1. Основным грамматическим средством, предназначенным для оформления единиц супрасинтаксического яруса и в этом смысле для реализации актуального членения, является интонация.

2. Такие средства, как особые конструкции, частицы, артикли, обычно связываемые с актуальным членением, непосредственно не обедуживают единиц супрасинтаксического яруса.

Сообщения строятся на основе предложений. Одни предложения способны быть синтаксической основой для сравнительно большого числа разных сообщений. Возможности других меньше. Третьи вообще позволяют построить одно-единственное сообщение. Иными словами, разные предложения обладают разными супрасинтаксическими потенциями. Чем меньше супрасинтаксические потенции предложения (т. е. чем меньше сообщений можно построить на его основе), тем с большей вероятностью предложение предсказывает структуру сообщения. Чем больше потенции предложения, тем меньшей вероятностью обладает это предсказание.

Ограничение супрасинтаксических потенций предложения может осуществляться грамматически. И эти средства надо строго отличать от грамматических средств, оформляющих сообщения и их члены (т. е. от грамматических средств супрасинтаксического яруса). Особые конструкции, частицы и т. д., причастные к актуальному членению, служат именно ограничению супрасинтаксических потенций предложения, не оформлению сообщения. Например, японское предложение *Кэнкити га симбун о катта* 'Кэнкити купил газету' или английское *John bought a newspaper* 'Джон купил газету' позволяют построить более одного сообщения каждое, а предложение *Кэнкити га катта но ва симбун да* букв. '[То], что купил Кэнкити, есть газета' или *It is a newspaper that John bought* букв. 'Это есть газета, что Джон купил' — только одно: *Кэнкити—га—катта—но—ва симбун—да* 'Кэнкити—купил газету' (Т = Н)¹ или соответственно *It—is—a—newspaper that—John—bought* 'Газету купил — Джон' (П = Т). Но из этого не следует, что конструкции, представленные в последних двух примерах, оформляют сообщения. И это понятно: данные конструкции есть конструкции предложений, не сообще-

¹ В статье посредством тире объединяются словоформы, принадлежащие к одной фраземе. Т обозначает тематическое, Н — новое, К — констатирующее, С — ситуативное.

ний. Можно говорить об их супрасинтаксической обусловленности или направленности, о том, что они сокращают число возможных сообщений до единицы и, следовательно, являются средством ограничения супрасинтаксических потенций предложений. Но нельзя приписывать эти конструкции сообщениям и, следовательно, нельзя ставить их в один ряд с интонацией как грамматическим средством супрасинтаксического яруса.

3. Порядок слов (в смысле: порядок членов предложения) не имеет прямого отношения к супрасинтаксису.

Грамматическим средством супрасинтаксического яруса наряду с интонацией является последовательность супрасинтаксических единиц, не синтаксических.

Если предложение и сообщение различаются как единицы разных ярусов, надо различать также порядок членов предложения и порядок членов сообщения. В предложениях *Петр купил газету* и *Газету купил Петр* порядок членов разный (первое место занимает то подлежащее, то дополнение), а в сообщениях *Петр купил—газету* (Т = Н) и *Газету купил—Петр* (Т = Н) — один и тот же (тематическое предшествует новому).

О таком порядке членов предложения говорят, что он свободный. Но порядок членов сообщения должен быть признан твердым. Он определяется одним из тактических правил супрасинтаксического яруса русского языка: при неприменении усиленного («логического») ударения тематическое в повествовательных сообщениях всегда предшествует новому.

В той мере, в какой порядок членов предложения твердый, он считается синтаксическим средством, средством оформления этих членов. Соответственно твердый членопорядок в сообщении есть супрасинтаксическое средство, стоящее в одном ряду с интонацией. В той же мере, в какой порядок членов предложения свободный, он относится к средствам ограничения супрасинтаксических потенций предложения. Но, очевидно, ни при каких условиях порядок членов предложения не оформляет членов сообщения.

При таком подходе одной из задач синтаксиса должно быть изучение супрасинтаксических потенций предложения. Это задача именно синтаксиса, не супрасин-

таксиса, ибо речь идет об изучении потенций предложения, т. е. единицы синтаксической, не супрасинтаксической².

* * *

В японском языке основным и в наибольшей мере заслуживающим внимания средством ограничения супрасинтаксических потенций предложения является частица *ва*. Чтобы показать функционирование этой частицы в данном аспекте рассмотрения, достаточно перечислить те соответствия, которые существуют между употреблением (неупотреблением) *ва* в составе подлежащего главного предложения и структурой построенного на этом предложении сообщения. Напомним, что подлежащее с *ва* оформляется нулевым послелогом, а подлежащее без *ва* — послелогом *га* (в главном предложении).

Если подлежащее имеет *ва*, между предложением и сообщением устанавливаются соответствия двух типов.

(1) Подлежащее входит в тематическое, сказуемое — в новое. Порядок членов сообщения прямой — тематическое предшествует новому. $T = N$: *Коно—кото—ба—ва ватаси—о—одорокасита* (ИТ, 8, 297) 'Эти—слова меня—удивили'; $T = N$: *Ватаси—но—каэру—но—ва дзibun—но—токоро—э—да* (ИС, 210) 'Я—возвращаюсь к—себе—домой'; $T = T = N$: *Найтэ—иру—кэваи—о, Сё:носукэ—ва, ситтэ—ита* (ИТ, 11, 36) 'Что—[она]—плачет, Сёносукэ знал'; $S—T = N$: *Ёкудзицу, амэ—ва ма—да—футтэ—ита* (ИТ, 5, 202) 'На—следующий—день дождь еще—шел'; $T = N + T = NN$: *Синъитиро:—ва хидаригава—ни, гакусэй—ва миги—ни сэки—о—симэта* (КК, 31, 141) 'Синъитиро сел—слева, а студент — справа' (в переводе — $T = N + T = N$); $T[T = N] = NN$: *Экитай—но—бунси—га синдо:—ситэ—иру—кото—ва цугино—дзидзицу—кара акирака—дэ—аро:* (Б, 199) 'Что—молекулы—жидкости движутся, ясно из—следующего—факта'; $T[N = T] = N + N$: *Синго—ни—сасаэрарэнагара, Ки—*

² Те же отношения между предложением и сообщением в супрасинтаксисе рассматриваются под другим углом зрения: если в синтаксисе выясняется, какие сообщения можно построить на базе данного класса предложений, то в супрасинтаксисе решается вопрос, какие предложения могут служить синтаксической основой для данного класса сообщений.

куко—ва соко—э—удзукуматтэ, кабэ—ни—мотарэта (КЯ, 134) 'Поддерживаемая — Синго, Кикучо присела—здесь и—оперлась—о—стену'.

(2) И подлежащее, и сказуемое входят в тематическое. Порядок членов сообщения обратный — новое предшествует тематическому. Н=Т: Хэнни—гэхинна—инсё:—о ватаси—ва—укэта (СН, 3) 'Удивительно—неприятное—впечатление произвел—на—меня [этот—старик]'; НН=ТТ: Сикисо—то хорумон—то—но—канкэй—о. Сё:носукэ—ва кэнкю:—ситэ—ита (ИТ, 11, 35) 'Сёносукэ изучал—отношение между—пигментом и—гормонами' (в переводе — Т=ННН); НН=Т[Т=Н]: Ицумо—ёри сукоси—хаяку, Ю:хэй—ва ути—о—дэта (ИТ, 5, 417) 'Юхэй вышел—из—дома немного—раньше—обычного' (в переводе — Т[Т=Н]=Н); Н=Т[Т=НН]: Итидзикан—идзё:—мо футари—ва курай—мити—о арукицудзукэта (ИТ, 5, 118) 'Более—часа бродили—они по—темным—улицам' (в переводе — Н=Т[Т=Н]); С—НН=Т[Т=НН]: Гэцуё:би—но—аса, канари кинтё:—сита—кимоти—дэ Тосиэ—ва кайся—э дэкакэтэ—итта (КК, 11, 197) 'В—понедельник—утром Тосиэ отправилась—на—работу, настроенная очень—нервно' (в переводе— С—Т[Т=Н]=НН).

Как видим, подлежащее с ва всегда относится к тематическому. Соответствующее сказуемое при прямом порядке членов сообщения попадает в новое, а при обратном порядке — в тематическое (вместе с подлежащим).

Если подлежащее имеет га, между предложением и сообщением устанавливаются соответствия четырех типов.

(3) И подлежащее, и сказуемое входят в состав нового (или констатирующего). Порядок членов сообщения прямой. Т=Н: Ё:ко—ва ики—га—кирэсо:—датта (ИТ, 5, 289) 'У—Ёко перехватило—дыхание'; Т=НН: Сорэ—ва Тамико—дакэ—га ситтэ—иру (ИТ, 11, 55) 'Об—этом знает—только Тамико'; Т=НН: Тамаи—Кингоро:—ва, канарадзу, ватаси—га коросимасу—ё (ХА, 5, 150) 'Тамаи—Кингоро я—непременно убью'; С—ККК: Ока—но—уз—ни—ва итару—токоро—ни цуцудзи—но—хана—га сайтэ—ита (СТ, 36) 'На—вершинах—холмов цвели—повсюду цветы—цуцудзи' (в переводе — С—КК); КККК: Со:сюн—но мада—самуй—кадзэ—га,

экимаэ—хироба—но хокори—о—майтэ—ита (ИТ, 5, 416) 'Весенний еще—холодный—ветер гнал—сор по—привокзальной—площади'; КККК: (Канодзэ ва... сугандо о томосита.) Мидориширо—но хонокана—хикари—га хэя—но—нака—о хитасита (ИТ, 11, 113) '(Она... зажгла лампу.) Слабый зеленоватый—свет залил—комнату' (в переводе — ККК).

(4) Подлежащее входит в новое, сказуемое — в тематическое. Порядок членов сообщения обратный. Н=Т: (...дэмпо: га мауримасита.) Корэ—га, соно—дэмпо:—дэ—годзаимасу (ГК, 69) '(...пришла телеграмма.) Вот—она, эта—телеграмма'; С—Н[Н=Т]=Т: Асахаяку, яма—э—...—юку хякусё:—га сорэ—о—мицукэта (ИТ, 11, 6) 'Ранним—утром сго—нашли крестьяне, шедшие—в—горы...' (в переводе — С—Т=Н[Т=Н]); ННН=Т: Хаяку хитори—ни—наритай тою:—кото—дакэ—га има—но—нэгаи—датта (ИТ, 11, 127) 'Поскорее остаться—одной только—этого хотела—[она]—сейчас'; Н=ТТ: ...Тоёсима—дзё:то:хэй—но—сугата—га ватаси—ва мэ—ни—уканда (ХА, 2, 384) 'У—меня—перед—глазами встал—образ ефрейтора—Тоёсима...' (в переводе — Т=НН); НН=ТТ: (...ватаси ва ...кансокудай но узэ э дэта.) Аса—но Нагано—но—мати—но—итибу—га соко—кара миватасарэта (СТ, 73) '(...я поднялся на наблюдательную площадку.) Отсюда видна—была часть утреннего—Нагано'; Н+Н+Н+Н+Н+Н=С[Т=Н]—Т: Сиroyаги, аси, каэдэ, урусси, каба, нара—надо—но—руй—га, ватаситати—но—аруйтэ—юку кавагисси—ни оисигэттэ—ита (СТ, 56) 'Вдоль—берега, по—которому—мы—шли, буйно—росли ивы, тростник, клены, лаковые—деревья, березы, дубы' (в переводе — С[Н=Т]—Т=Н+Н+Н+Н+Н+Н).

(5) Подлежащее входит в тематическое, сказуемое — в новое. Порядок членов сообщения прямой [ср. (1)]. Т=НН.Т=Н+Т=Н+Т=Н: (Нэ. Сё:кай сиё:) Корэ—га, кайся—но Мидзуно—Тосиэсан. Корэ—га, тё:дзё—но—Ёсико, корэ—га Коитиро:, корэ—га Намико (КК, 11, 223) '(Познакомьтесь.) Это Мидзуно—Тосиэсан, сотрудница—компания. Это [моя]—старшая—дочь Ёсико, это Коитиро, это Намико' (в переводе — Т=Н[Т=Н]. Т=НН+Т=Н+Т=Н); Т[Т=Н]=Н: Хатиман—но—мори—о ханарэта—но—га гого—но—ёдзихан—датта (СТ, 67) 'Из—рощи—Хатиман мы—вышли в—половине—пя-

того'; С—Т=Т=НН: *Има—но—ё—дэ, кодомо—но—кэк—кон—сэйкацу—ни, оя—га дорэ—ходо сэкинин—га—мотэ—ру—н—да* (КЯ, 82) 'Какую—ответственность несут—родители за—семейную—жизнь—детей в—нынешнем—мире?' (в переводе Н=Т=Т—С); Т[Н=Т]=НН: *Мэкура—ни—сарэта кэдамоно—но—кэнами—га, донна—фу:—ни хэнка—суру—ка* (ИТ, 11, 35) 'Как—изменяется шерсть—животных, лишенных—зрения?' (в переводе — Н=Т[Т=Н]); Т[НН=Т]=Н[Т[Т=Н]=Н]=Т: ...*Бэйкоку—дзидзё:—нанка наннимо—сиранай гундзиндомо—га, Киёхара—ва хантай—суру—кара кокудзай—да то—омоттэ—иру* (ИТ, 5, 102) '...военные, ничего—не—смыслящие в—американских—делах, считают, что—Киёхара, не—согласный—с—ними, государственный—преступник' (в переводе Т[Т=НН]=Т=Н[Т[Т=Н]=Н]); Т=Н+Т=Н+Т=Н+Т=Н+Т=Н: *Рэйко—га итибан—миги—но—хаси—ни—сувари, анэ—га маннака—ни Нарита—га хидари—но—хаси—ни—суваттэ, курума—ва угокидасита* (КК, 11, 56) 'Рэйко села—с—правой—стороны, ее—сестра — посредине, Нарита — слева, и—машина тронулась'; Т=ННН: *Ото:сан—га—нэ, корэ—о—киру—ка киранай—ка, сиантю:—на—н—да* (КЯ, 232) 'Отец раздвывает, резать—это или—не—резать'.

(6) И подлежащее, и сказуемое входят в тематическое. Порядок членов сообщения обратный [ср. (2)]. Н=ТТ: *Кокко—ни, онна—но—химицу—га какусарэтэ—иру* (ИТ, 11, 63) 'Здесь скрыта тайна—женщины'; НН=ТТ: *Кубива—но—ару ину—дакэ—ни икиру—кэнри—га атаэрарэтэ—иру* (ИТ, 11, 134) 'Только—собакам—с—ошейником дается право—на—жизнь' (в переводе — Н=ТТ); С—С—НН=Н=ТТ: *Сёки—ни—ёру—то, Нихон—дэ—ва, Суйко—тэнно:—но—сандзю:—гонэн хару—нигацу, Митиноку—дэ—хадзимэтэ, мудзина—га хито—ни—бакэта* (АР, 30) 'Согласно—«Нихон—сёки», в—Япоии барсук впервые принят—образ—человека в—Митиноку в—феврале—тридцать—пятого—года правления—императрицы—Суйко' (в переводе — С—С—...ТТТ=Н=НН).

Как видим, подлежащее с *га* может оказаться в новом (или констатирующем). Тогда при прямом порядке членов сообщения соответствующее сказуемое относится тоже к повому (констатирующему), а при обратном порядке — к тематическому. Ср. (3) и (4).

Но подлежащее с *га* может попасть и в тематическое, что обычно не учитывается исследователями. В этом случае между предложением и сообщением устанавливаются те же соответствия, что и в случае подлежащего с *ва*. Ср. (5) и (6) с (1) и (2). Наличие частицы *ва* в (1) и (2) и ее отсутствие в (5) и (6) никак не отражается на структуре сообщения: (1) и (5), (2) и (6) на уровне сообщения аналогичны.

* * *

Согласно общепринятому в настоящее время мнению, значение частицы *ва* (точнее — ее основное значение, так как эта частица неоднозначна) состоит в указании на отнесенность данного члена предложения к исходной части сообщения, т. е. к тематическому или ситуативному (если следовать нашей терминологии). Ср. работы Мацусита Дайсабуро [6], Сакума Канаэ [9], Н. И. Фельдман [4; 5], Миками Акира [7; 8] и др.

Наблюдения над подлежащим главного предложения, казалось бы, подтверждают такое толкование частицы *ва*: наличие *ва* всегда свидетельствует об отнесенности подлежащего к тематическому. И тем не менее это толкование может быть уточнено.

Дело в том, что отсутствие *ва* в подлежащем не свидетельствует о его неотнесенности к тематическому. Подлежащее без *ва*, т. е. с *га*, не всегда принадлежит к новому (констатирующему). Оно может попасть и в тематическое, уподобляясь в этом отношении подлежащему с *ва*. Ср. примеры (5) и (6).

Кроме *Ватаси ва Маэда дэсу* (Т=Н) 'Я — Маэда' (в смысле: а не Кнэда) и *Ватаси га Маэда дэсу* (Н=Т) 'Я — Маэда' (в смысле: а не он) вполне возможно также *Ватаси га Маэда дэсу* (Т=Н) 'Я — Маэда' (в смысле: а не Кнэда), где подлежащее, хотя и оформленное послелогом *га*, относится к тематическому. Ср. также: *Ватакуси га, сэндзицу рирэкисё о омэ ни какэмасита, Ямада дэ годзаимасу* 'Я — Ямада, представивший вам вчера свою автобиографию'. Последние два примера взяты у Сакума Канаэ [см. 9, 218]. Но Сакума, как и другие исследователи, не отличает их от примеров, когда подлежащее с *га* попадает в новое [см. 9, 219]. Действительно, в *Ватаси га Маэда дэсу* (Н=Т) и *Ватаси га*

Маэда дэсу (T=H) реализуется одно и то же предложение. Однако сообщения здесь разные: в отличие от *Ватаси га Маэда дэсу* (H=T) сообщение *Ватаси ва Маэда дэсу* (T=H) аналогично сообщению *Ватаси ва Маэда дэсу* (T=H).

Итак, в исходную часть сообщения попадает и член предложения с *ва*, и точно такой же член без *ва*. Следовательно, вопреки распространенному мнению значение частицы *ва*, строго говоря, не может состоять в указании на отнесенность члена предложения к исходной части сообщения. Ее значение — в другом. Но это значение таково, что оно необходимо предполагает (имплицитрует) такую отнесенность члена предложения.

Нельзя судить о значении *ва*, опираясь на супрасинтаксически разные случаи, такие, например, как *Ватаси ва Маэда дэсу* (T=H) и *Ватаси га Маэда дэсу* (H=T), или в более общей форме — (1) и (4). Супрасинтаксические различия заслоняют те различия, которые обуславливаются частицей *ва* и ее отсутствием. Чтобы раскрыть значение *ва*, надо сосредоточить внимание на супрасинтаксически аналогичных случаях, таких, например, как *Ватаси ва Маэда дэсу* (T=H) и *Ватаси га Маэда дэсу* (T=H), или в более общей форме — (1) и (5), (2) и (6). Мы не будем формулировать значение частицы *ва*. Для этого понадобилось бы ввести ряд новых понятий. Ограничимся поэтому простым пояснением значения *ва* на примере. *Ватаси га Маэда дэсу* передает информацию о факте совпадения субъекта с лицом по имени Маэда. Это соответствует русскому Я — Маэда. А *Ватаси ва Маэда дэсу*, кроме того, передает еще информацию о некотором скрытом противопоставлении. По-русски здесь можно воспользоваться союзом *а*: А я — Маэда или Я — Маэда, а... Сказать при встрече с незнакомым человеком *Ватаси ва Маэда дэсу* значит не только представиться, но и выразить имплицитно вопрос «А кто вы?». Соответственно в той же ситуации сказать *Ватаси га Маэда дэсу* значит просто представиться или даже выказать некоторое безразличие к собеседнику. Ср. толкование этого примера у Сакума [9, 218].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ *

- АР — «Акутагава Рюносукэ сю:», — «Гэндай нихон бунгаку дзэнсю:», т. 30, изд-во «Кайдзо:ся», Токио, 1928.
- Б — Кимбара Дзиро:, Буцури, изд-во «Сансэйдо:», Токио, 1959.
- ГК — Гэндзи Кэйта, Син сарари:ман токухон, изд-во «Синтё:ся», Токио, 1961.
- ИС — «Ито: Сэй дзэнсю:», т. 1, изд-во «Кавадэ сёбо:», Токио, 1956.
- ИТ — «Исикава Тацудзо: сакухи сю:», изд-во «Синтё:ся», Токио, 1957—1958.
- КК, 31 — «Кикүти Кан сю:», — «Гэндай нихон бунгаку дзэнсю:», т. 31, изд-во «Кайдзо:ся», Токио, 1927.
- КК, 11 — «Кикүти Кан дзэнсю: т. 11, изд-во «Хэйбонся», Токио, 1929.
- КЯ — Кавабата Ясунари, Яма но ото, изд-во «Иванам: сётэн», Токио, 1959.
- СН — «Сига Наоя сю:», — «Гэндай нихон бунгаку дзэнсю:», т. 25, изд-во «Кайдзо:ся», Токио, 1928.
- СТ — «Симадзак:и То:сон сю:», — «Гэндай нихон бунгаку дзэнсю:», т. 16, изд-во «Кайдзо:ся», Токио, 1927.
- ХА — «Хино Асихэй сэнсю:», изд-во «То:кё: Со:ганся», Токио, 1958—1959.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вардуть И. Ф., Очерки потенциального синтаксиса японского языка, М., 1964.
2. Вардуть И. Ф., О двух синтаксических уровнях языка, — «Исследования по японскому языку», М., 1967.
3. Вардуть И. Ф., Основные понятия актуального синтаксиса, — там же.
4. Фельдман Н. И., Краткий очерк грамматики современного японского языка, — в кн. «Японско-русский словарь», сост. Л. А. Нсмзер и Н. А. Сыромятников, М., 1951.
5. Фельдман Н. И., Японский язык, М., 1960.
6. Мацусита Дайсабуро:, Хё:дзюн нихон ко:гохо:, Токио, 1930.
7. Миками Акира, Гэндай гохо: дзёсэцу, Токио, 1953.
8. Миками Акира, Дзо: ва хаиа га нагай на. Токио, 1960.
9. Сакума Канаэ, Гэндай нихон гохо: но кэнкю:, Токио, 1958 (1-е издание — в 1940 г.).

* После сокращений ИТ и ХА первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 1. В девятом номере японского научно-популярного журнала «Гэнго-сэйкацу» («Языковое существование») за 1969 г. опубликована интересная беседа директора Государственного научно-исследовательского института родного языка Ивабути Эцутаро и руководителя школы японского языка для иностранцев, автора известного учебника, создателя так называемого нового метода обучения иностранцев японскому языку Наганума Наоэ на тему «Японский язык как иностранный». В беседе высказана несколько неожиданная мысль о количественном соотношении лексики японского языка и основных европейских языков.

Наганума заявил, что для иностранцев трудна не только японская грамматика, но и лексика. Если смысловые поля европейских языков, например английского и французского, близки друг к другу, то словарный состав японского языка заметно отличается от лексики обоих этих языков. Изучение художественной литературы показало, добавил Ивабути, ссылаясь на книгу Минами Хироси «Техника запоминания» («Киокудзюцу»), что во французском языке пять тысяч высокочастотных слов покрывают 96% текста, в английском языке это количество слов охватывает 93,5% текста. В японском же языке, как установлено на основании обследования 90 журналов, количество необходимых слов гораздо больше: чтобы понять 93,5% японского текста, необходимо свыше 15 тыс. слов, а чтобы понять 96% текста, уже необходимо 22 тыс. слов. Подтверждая высказанное мнение, Наганума говорит, что иностранцам, чтобы читать по-японски, недостаточно знать 10 тыс. слов, требуется более 15 тыс. слов [см. 11, 57 и 80].

Чем объяснить столь разительное количественное

расхождение в лексике между английским и французским, с одной стороны, и японским — с другой? Большой научный авторитет и высокая квалификация участников беседы исключают предположение о терминологических недоразумениях, об ошибочном соотнесении речевых величин. Видимо, существуют какие-то рациональные основания для утверждения о том, что каждому английскому или французскому слову соответствуют три-четыре японских слова. В нашей статье будет сделана попытка найти и охарактеризовать особенности словарного состава японского языка. Само собой разумеется, высказывания Наганумы Наоэ и Ивабути Эцутаро служат лишь поводом для предпринимаемой работы. Истинная ее цель состоит в том, чтобы выявить своеобразие современной японской лексики.

§ 2. Лексикологические наблюдения японских лингвистов обобщены в статье «Особенности японского языка», помещенной в «Энциклопедии родного (японского) языка». Автор статьи Кипдайти Харухико прежде всего отмечает простоту фонетической структуры японского слова, что приводит к большому числу омонимов. Много звукоподражательных слов, в преобразованном виде они используются даже в строгих научных статьях. Из частных количественных подробностей указана многочисленность лексических единиц, связанных с рыболовством, возделыванием риса. Много названий растений, но сравнительно мало дифференцированных обозначений домашнего скота, частей человеческого тела, минералов. Недостаточна лексика, выражающая разницу ощущений и пространственных отношений, но лексически обозначены различия в социальном положении собеседников. Детализированы термины зашшафта. Буддийская лексика находит место даже в бытовой речи. Противопоставлены друг другу синонимы японского и китайского происхождения [см. 13, 726—327].

Во Введении к своему основному языковедческому труду академик Н. П. Конрад характеризует основные этапы становления и современное состояние японского литературного языка. Влияние китайского языка, отмечает он, было настолько значительным, что «современный японский язык может быть с точки зрения лексики по справедливости назван японо-китайским» [1, 31].

Велико и «место, занимаемое английскими словами» [1, 34]. «Новая японская лексика» родилась «из столкновения японского языка с иностранными» [1, 34].

Отмечая недостаточную разработанность проблемы японского слова, Н. И. Фельдман указывает основные объекты возможных споров. «Во-первых, встает вопрос о сложных японских словах, грамматическое соотношение компонентов которых выражено так же, как в словосочетании. Типичным примером может служить слово *хиномото* 'место возникновения пожара'... Другую категорию сложных слов — или во всяком случае того, что может рассматриваться, как таковые, — составляют сочетания самостоятельных „китайских“ слов типа *ро:до:кайкю* 'рабочий класс', где первое слово... только своим местоположением, а не формой, подчиняется второму... как определение к нему... и оба эти слова выражают одно понятие... Граница слова в японском языке неясна и в другом отношении — в соотношении со служебными элементами языка» [8, 5—6].

Проблема пополнения и развития словарного состава и типы слов в японском языке рассматривались также в кандидатских диссертациях Б. П. Лаврентьева [2], С. В. Неверова [3] и некоторых статьях [см., например, 4].

Ответ на поставленный выше вопрос о количественном расхождении лексики разных языков следует искать с учетом уже высказанных мнений в трех направлениях. Количественные несовпадения объясняются, во-первых, структурным своеобразием языков, во-вторых, специфическими условиями развития стран и, в-третьих, особенностями обследования и подсчета лексики. Таким образом, наша тема имеет различные аспекты: лингвистический, социологический и технико-статистический.

§ 3. В том, что отдельные слова какого-либо языка соответствуют словосочетаниям другого языка, нет ничего необычного; японский язык в этом отношении не является исключением. Если для перевода русских слов «прилуниться» и «гладить» требуется по два японских слова, соответственно: *цуки-ни тякурукусуру* и *айрон-о какэру*, то и, наоборот, японские слова *дзайбацу* и *на-гая* обычно переводятся на русский язык несколькими словами, соответственно: 'финансовая олигархия' и 'од-

поэтажный многоквартирный дом'. Обладая различной насыщенностью, естественно не совпадают разноязычные лексико-семантические поля. Замечено, что специфические для какого-либо народа понятия часто передаются описательно, поэтому переводы содержат большее число слов, чем оригиналы. Но происходит взаимная компенсация, и общие количественные соотношения сколько-нибудь заметно не нарушаются.

Если же обратиться к особенностям японского языка, влияющим на количественный состав лексики, то предварительно следует назвать такие специфические черты, как агглютинативность формантов, аналитический характер форм, синтаксичность слов, дробность выражаемых понятий, легкость словообразования, восприимчивость иноязычных слов, обилие синонимов разных типов. Эти особенности будут рассмотрены в последующих параграфах.

§ 4. Прежде подлежит изучению вопрос о влиянии грамматического строя на количественный состав лексики. В качестве компонента речи слово используется в разных формах, причем некоторые из них оказываются сложными, т. е. состоят из нескольких слов. Парадигматическая лексическая единица может быть равна более чем одному синтагматическому слову.

Из грамматических процессов японского языка ближайшее отношение к нашей теме имеют агглютинация и аналитизм. Механическое присоединение стандартных формантов к основам слов (агглютинация) и образование сложных форм (аналитизм) широко распространены в современном японском языке. Почти в каждом предложении можно встретить агглютинативные и аналитические образования. Элементарное высказывание *Гакусэй-ва симбун-о ёндэ имас* 'Студент читает газету' состоит из трех членов предложения, трех знаменательных слов; кроме того, здесь имеются две агглютинативные частицы *ва* и *о* и вспомогательный глагол *имас*. Аналитическая форма *ёндэ имас* 'читает' включает в свой состав два слова; с этим вряд ли кто-либо будет спорить. Агглютинативные форманты *ва* и *о* также истолковываются некоторыми лингвистами как отдельные, хотя и незначащие слова. Таким образом, в предложении, которое соответствует трем русским словам «Сту-

дент читает газету», можно выделить четыре или шесть отдельных слов.

Осложненные высказывания изобилуют вспомогательными словами и частицами. В глагольном сказуемом ...*сябэрэнаку наттэ симаттэ иру но дэ-ару* '...не может рассказать'¹ на одно знаменательное слово приходится пять вспомогательных, причем они имеют собственные формы. В предложении *Хо:сю:—надо-ва мондай-дэ-ва аримасэн* 'Вознаграждение — это не проблема' в составе именного подлежащего и именного сказуемого каждое знаменательное слово выступает в сопровождении двух частиц: *надо-ва* и *дэ-ва*.

Можно ли считать эти факты доказательством того, что именно грамматический строй японского языка с широко развитой агглютинацией и аналитизмом обусловил необычные количественные соотношения лексики сопоставляемых языков? Отнюдь, нет. Дело в том, что агглютинативные частицы или суффиксы, даже если они легко отделимы от знаменательных слов, выполняя грамматические функции, не относятся к словарному составу. Составные части сложных форм типа *наттэ симаттэ иру* обладают качествами слов, но в служебном своем употреблении также выражают грамматические значения. Их по праву рассматривают и в синтаксисе, и в морфологии.

Даже если стать на позиции тех лингвистов, которые главным признаком слова считают выделяемость в речи, и включить в словарный состав частицы типа *ва*, *о* и служебные слова, *иру*, *дэс*, то эти форманты не увеличат сколько-нибудь заметно словарный фонд. Их очень высокая употребляемость в речи обратно пропорциональна численности. В известном грамматическом словаре Асано раздел «Частицы» («Дзэси») содержит менее 200 единиц, хотя автор словаря каждое отдельное значение считает особой частицей; у него, например, шесть *ка*, восемь *га*, девять *ни* и т. п. [9]. Следовательно, грамматические качества слова не могут существенно повлиять на общее количество лексики.

¹ Примеры взяты из периодической литературы 1967—1969 гг., главным образом из газет «Акахата», «Асахи-симбун», журнала «Син-инхон-бунгаку».

§ 5. Гораздо большую роль играет собственно лексическая особенность, которую можно назвать синтаксичностью слова. Японские основы легко сочетаются друг с другом. Параллельно с оформленными словосочетаниями существуют основосложения без соединяющих формантов — выразителей синтаксической связи.

Так, рядом с бесспорным развернутым словосочетанием *тэгами-о каку кото* 'писание писем' возникает семантически близкое сложное слово *тэгамигаки*. Ср., например:

Надзэ тэгами-о каку кото-га яккайна кото-дэ ару но-ка 'Почему вы считаете писание писем неприятным делом?';

Сикаси тэгамигаки-ва якосий 'Но это писание писем хлопотно'.

То же соотношение существует между *дайгаку-но симбун* и *дайгаку-симбун* 'университетские газеты', *ханаси-о цудзукэру* и *ханасицудзукэру* 'продолжать рассказывать', *катасукаси тою: сэндзюцу* и *катасукаси-сэндзюцу* 'тактика уверток'.

Не всякое безаффиксальное объединение основ следует считать словом. Велика разница, с нашей точки зрения, между *тэгамигаки* 'писание писем', *ханасицудзукэру* 'продолжать рассказывать', с одной стороны, и *дайгаку-симбун* 'университетские газеты', *катасукаси-сэндзюцу* 'тактика уверток' — с другой. Первые два примера — сложные слова, хотя их составные части легко выделимы и слова в целом семантически очень близки к словосочетаниям. Вторые два примера — словосочетания, хотя они обладают большей цельностью, чем обычные расчлененные словосочетания².

Тесные речевые объединения основ, если их считать словами, значительно увеличивают словарный состав японского языка. Рядом с *киоку* 'память' и *сосицу* 'потеря' появляется новое слово *киоку-сосицу* 'потеря памяти'; кроме *суймин* 'сон' и *гакусю*: 'обучение' в словарный состав включают *суймин-гакусю*: 'гипнопедия'. Окказиональное слияние основ — характерная черта японской речи. Безаффиксальные цепочки основ, особенно в письменной речи, иногда состоят не только из двух, но и из трех-четырех компонентов, например: *икудзи-тай-*

² Подробно об этом см. нашу статью [5].

кэн-дзэро 'отсутствие опыта ухода за детьми' в словосочетании *икудзи-тайкэн-дзэро-но вакай хахаоя* 'молодые матери без опыта ухода за детьми'. Для тех лингвистов, которые считают отдельными словами любые безаффиксальные объединения основ, словарный состав вырастает до гигантских размеров.

Но и в том случае, если образования типа *сумийн-га-кусю*: 'гипнопедия', *икудзи-тайкэн* 'опыт ухода за детьми' выводятся за пределы отдельных лексических единиц, все же легкость сложения основ и синтаксичность некоторых типов сложных слов остается одной из характеристик японской лексики. Синтаксичность понимается в данном случае как более широкое, чем обычно, использование формы слова, как способность выражать сложные «словосочетательные» понятия. Основанием для такого утверждения служит многочисленность слов типа *нурэгомэ* 'подмоченный рис' при наличии слов *нурэру* 'намочнуть', *комэ* 'рис' и словосочетания *нурэта комэ* 'подмоченный рис'. Те же отношения наблюдаются между сложным словом *футаригураси* 'жизнь вдвоем', простыми словами *футари* 'двое', *кураси* 'жизнь' и словосочетанием *футари-дэ курасу* 'жить вдвоем'.

Синтаксичность слов существенно влияет на количество лексических единиц, но одна она не может объяснить большой количественной разницы между словарными составами японского и распространенных европейских языков.

§ 6. Большую плотность лексико-семантических полей в японском языке следует отчасти отнести за счет дробности выражаемых понятий, детализации выражений, большей, чем в сопоставляемых с японским языках. Эта тенденция проявляется с разной интенсивностью в различных секторах языка.

Как и в других языках, расчленены наиболее актуальные, жизненно необходимые понятия. В японской действительности к ним относятся, в частности, рис, рыба. Существуют разные слова для риса: в зерне — *комэ*, на корню — *инэ*, неочищенного — *гэммай*, нового урожая — *симмай*, очищенного риса — *хакумай* и т. д. Рыбу в быту называют *чо* или *сакана*; второе слово означает также приготовленную рыбу, закуску. Как зоологическое понятие рыбы именуются *гэруй*, как продукт питания —

гёнику. Морская рыба называется *кайгё*, речная — *кава-дзакана* и т. д.

Дифференцированы названия и других предметов, одинаково актуальных для многих народов. Японская специфика в этом случае ограничивается тем, что детализированные понятия часто выражаются не словосочетаниями, а отдельными словами, например: *хо:коку* 'доклад вообще', *хо:кокусё* 'письменный доклад', *эндзэцу* или *хо:коку-эндзэцу* 'устный доклад'. В бытовой речи солдат называют *хэйтай*, сокращенно устно и письменно — *хэй*, официально — *хэйси*, прежним названием с подчеркиванием низшей ступени этого звания было *хэй-соцу*. Наиболее употребительным эквивалентом русского слова «стол» является *тэ:буру* или *цукуэ*; второе из них чаще всего соответствует столу японского типа на низких ножках; разновидности столов носят названия: *сё-таку*, *фумидзукуэ* 'письменный стол', *сутандо* 'конторский стол', *кё:дай* 'туалетный столик', *сёкутаку* 'обеденный стол', *дзэн* 'передвижной японский столик', *сюдзүцудай* 'операционный стол' и т. д. Фронт как линия боев называется *сэнсэн*, как район боевых действий — *сэнти*, как место сражений — *сэндзё*.

Группа глаголов «смотреть, видеть», которые образованы присоединением к основе *ми* (*миру*) других глаголов, уточняющих основное действие, содержит около ста отдельных единиц: *миватасу* 'осматривать', *миукэру* 'заметить', *мицүмэру* 'пристально смотреть', *миоросу* 'смотреть вниз', *миагэру* 'смотреть вверх', *мимамору* 'следить, наблюдать', *миау* 'смотреть друг на друга', *мимавасу* 'осматривать', *миторэру* 'смотреть с восхищением', *миногасу* 'не заметить' и др.

Смысловые варианты в таких лексических группах весьма разнообразны. Тем не менее некоторые соотношения закономерно повторяются. Слово *сикаку* 'зрение (как свойство)' относится к *сирёку* 'зрение (как способность)' и к *мэ* 'глаз (орган зрения)' точно так же, как соотносятся слова *тё:каку* 'слух (свойство)', *тё:рёку* 'слух (способность)' и *мили* 'ухо (орган слуха)'.

Термины родства систематически различаются по принципу «моё - ваше»: *хаха* 'моя мать' *тити* 'мой отец', *ока:сан* 'ваша мать', *ото:сан* 'ваш отец'. Дифференцированное отношение к предмету отражено в парах слов с суффиксами *ка*, *я*, например: *сэйдзика* 'политиче-

ский деятель' и *сэйдзия* 'политикан'; *энгэйка* 'садовод' и *ханая* 'садовник'. Многочисленны синонимические ряды личных местоимений.

При счете предметов числительные соединяются с различными суффиксами. В результате русскому слову «один», английскому «one» соответствуют не только *ити* 'один' и *хитоцу* 'один', но и в зависимости от характера считаемых предметов — *итинин* или *хитори* 'один (человек)', *иппон* 'один (цилиндрический предмет)', *итимай* 'один (плоский предмет)', *иппацу* 'один (выстрел)', *иссо*: 'один (корабль)', *иппуку* 'одна (доза, нагрузка)', *хитосудзи* 'один (лентообразный предмет)', *хитокуми* 'один (набор, серия, группа)' и т. д.

Лексическое разграничение частных понятий не исключает наличия обобщающих слов. Существуют отдельные слова для обозначения старшего и младшего брата, соответственно: *ани*, *ото:то*; старшей и младшей сестры, соответственно: *анэ* и *имо:то*, но есть слова *кё:дай* 'братья', *симай* 'сестры', причем *кё:дай* может иметь значение 'братья и сестры'. Это еще больше увеличивает плотность лексико-семантических полей.

§ 7. Созданию слов, сложных не только по форме, но и по семантике, и выражению дробных понятий способствует большое распространение неологизмов, широкое употребление окказиональных слов [см. 7]. Новые слова образуются разными способами. Среди них сложение основ и корней, аффиксация, конверсия, лексикализация словосочетаний, аббревиация, переосмысление слов и выделение новых значений [см. 6]. Способы и средства словообразования избирательно используются в разных сферах общения. О характере и активности словообразовательных процессов дают представление разнообразные по структуре лексические единицы, получившие распространение в последние годы.

В официальных документах, технических наставлениях, научно-популярных и информационных статьях широко представлено сложение основ, состоящих чаще всего из китайских корней, корнесложение, основокорнесложение. Например, при описании космических полетов самой употребительной основой является *итю*: 'космос'. В зависимости от характера последующих или предшествующих компонентов образуются слитные сло-

восочетания, основосложные, основокорнесложные или аффиксальные слова: *утю:-хико:* 'космический полет', *тё:ки-утю:-тайдзай-но:рёку* 'способность длительного пребывания в космосе', *утю:сэн* 'космический корабль', *утю:ко:* 'космический порт', *утю:фуку* 'одежда космонавта', *дайутю:* 'макрокосмос', *сё:утю:* 'микрокосмос'. Сочетанием китайских корней созданы термины *кититэн* 'перигей', *энтитэн* 'апогей', *ко:нэн* 'световой год', *тяку-суй* 'приводнение'.

Те же способы и приемы словообразования характерны для спортивной лексики. Но на этом участке чаще используются собственно японские основы. Здесь гораздо больше европейских заимствований и сложений с их участием. Много сокращений. Из японских основ образованы *яриганэ* 'метание копья', *хираоёги* 'плавание на спине', *хасамитоби* 'прыжок ножницами'. Примерами соединения смешанных основ — японских, китайских и европейских — служат *эмбаннагэ* 'метание диска', *хамма:нагэ* 'метание молота', *пуроякю:* 'профессиональный бейсбол', *кирокуябури* 'побитие рекорда'. В результате сложения китайских корней появились *таккю:* 'настольный теннис', *сайтэнхё:* 'таблица очков', *тё:якурёку* 'прыгучесть', *готайити* 'счет 5:1'. Сложение основы с корнем дало слово *нихонсин* 'новый рекорд Японии'. Процесс сокращения слов и словосочетаний привел к появлению таких спортивных выражений, как *барэ:* 'волейбол', *хяку* 'стометровка', *хатидзю:-сё-гай* 'бег на 80 метров с барьерами'.

Переход от письменных стилей к повседневной бытовой речи связан с увеличением удельного веса простых основ, переосмысление которых дает возможность выразить новые значения. Чаще используются аффиксация и конверсия. Как во всех других стилях, широко распространено сложение основ, но количественно преобладают собственнояпонские основы. В устной речи заимствования быстрее ассимилируются, а сокращения утрачивают черты производности. Возможны нетипичные лексические образования. Иллюстрацией к этим наблюдениям служат слова *куби* 'шея' в значении *кубикири* 'увольнение' (например, в предложении *Соно кэкка-га кубидэ...* 'В результате этого—увольнение...'), *гандзя-найкабё:* букв. 'болезнь: не рак ли' (название нового психического расстройства), *тэкоги* 'грести руками' (из

словосочетаний *тэкоги-но висэн* 'японская лодка на весах'), *фукурону-мисин* 'машина для сшивания пакетов', *офисудзutomэ* 'конторские служащие', *дзё:му* 'директор-распорядитель' (как сокращение *дзё:му-торисимарияку*), *нэга* 'негатив' (усечение английского слова *negative*). Разнообразие способов и средств создания неологизмов образует материальную основу для появления не всегда необходимых синонимов.

§ 8. Современное состояние японской лексики — результат исторического развития языка и общества. Словарный состав отражает большие и малые события в жизни народа. Внешне отношения Японии складывались так, что наибольшее влияние на словарь японского языка оказывали с VII столетия китайский язык, с XVI — европейские языки. Постепенно сформировались три слоя типологически разных слов: собственояпонские слова — ваго, слова китайского типа — канго и европейские заимствования — гайрайго [см. 13, 355]. По данным Государственного научно-исследовательского института родного (японского) языка, в 1956 г. собственояпонские слова составляли 36,7% употребляемых в журналах слов, слова китайского типа — 47,5%, европейские заимствования — 9,8%, смешанные образования — 6%. С учетом повторяемости ваго занимают первое место — 53,9%, несколько меньший удельный вес имеют канго — 41,3, гораздо меньший гайрайго — 2,9% и смешанные слова — 1,9% [см. 10, 120].

Употребляемость слов различна в разных условиях общения. «Средний процент канго в текстах общего характера — разговорная речь, диалоги в художественной литературе, авторская речь — колеблется в среднем от 19 до 30%, достигая 40—45% в текстах специального, в частности социально-экономического, характера» [2а, 8].

Гайрайго «сравнительно мало в текстах литературно-художественных и публицистических (там указанный процент³ понижается до 1,5%). Главная масса их сосредоточена в сфере обслуживания, быта, развлечений, мод, науки (до 5,7%)» [3, 9].

Столь высокий процент иноязычной лексики, особен-

³ Т. е. средний процент, составляющий 2,9.

но канго, объясняется прежде всего тем, что Япония в исторический период своего существования развивалась под сильным влиянием китайской культуры и религии. Из Китая пришла современная письменность. Появилась возможность вместе с иероглифами заимствовать китайские слова, записывать иероглифами, а затем азбукой собственные слова.

Большую роль сыграли резкие перемены в отношениях с другими странами. Времена интенсивной учебы у иностранцев сменялись периодами изоляции. Активизировалась, затем почти прекращалась переводческая деятельность. В разные периоды предпочтение отдавалось то своим, то заимствованным словам. В старой Японии терминологически разграничивались ревнители родной литературы и языка (*кокугакуся*), синофилы (*кангакуся*) и пропагандисты европейских наук (*рангакуся*). Смену отношения официальных кругов к своей и иноязычной лексике можно было наблюдать во время второй мировой войны и в послевоенный период. «В последнее время,— писал в 1945 г. Киндаити Кёсукэ,— основная тенденция состояла в том, чтобы не пользоваться европейскими заимствованиями...» [12]. Но вслед за поражением в войне на страницы японской прессы бурным потоком хлынули английские слова. Следуя моде, некоторые японцы даже собственных жен стали называть не *цума*, *сайкун* или *канай*, а *вайфу* (от англ. *wife*).

Несмотря на естественные процессы ассимиляции, слова китайского типа и европейские заимствования сохраняют своеобразие и в настоящее время. Они легко различимы. Типологические противопоставления в лексике осознаются японцами и имеют стилевую значимость. В предложении *Ямамита-ва басудо:ро-ни каваттэ иру* 'Горные дороги превращаются в автобусные трассы' собственнопонское слово *ямамита* и европейско-китайское сложение *басудо:ро* различаются не только по значению, но и по форме.

Закреплению иноязычных слов в японской лексике способствует их участие в современном словообразовании. Особенно употребительны некоторые китайские корни и состоящие из них слова. «Для японцев,— писал Н. И. Конрад,— элементы письменного китайского языка представляются в подлинном смысле кирпичами, из

которых можно строить любое сооружение» [1, 36]. Нередки сложения и с европейскими основами: *какусика-мэра-дэ* 'фотографировать скрытой камерой', *кадзю:ну-кидзю:су* 'искусственный сок'.

Трехслойность современной лексики, сосуществование слов разных типов увеличивает объем словарного состава, пополняет синонимические ряды.

§ 9. Разнообразные факторы, о которых сказано в предыдущих параграфах, обусловили широко разветвленную, не вполне упорядоченную, во многом избыточную систему синонимов. Японские равнозначные или близкие по значению слова и словосочетания по главным показателям могут быть отнесены к одной из четырех групп. Синонимические лексические единицы разграничиваются в зависимости от материально-структурных качеств (тип основ, структура слова или устойчивого словосочетания), предметно-понятийной основы слова (что и как обозначено или выражено, какой признак лежит в основе названия), стилистической значимости (дополнительные значения, экспрессивно-эмоциональные оттенки) и сферы употребления (степени распространенности и закрепленности). Соответственно различия между синонимами бывают материально-структурными, или материальными, идеографическими, стилистическими и функционально-стилевыми, или функциональными. Названные признаки сочетаются и перекрещиваются.

1. Идентичные значения выражаются:

а) японскими, китайскими, европейскими основами или их сочетаниями: *хицукэ* и *хо:ка* 'поджог', *дадэнсуру* и *уцу* (с дополнением *дэмпо:*) 'телеграфировать', *урэру* и *дзюкусуру* 'быть спелым', *яку* и *сё:си-цусуру* 'сжигать', *сясинки* и *камэра* 'фотоаппарат', *дэнсикэйсанки* и *компо:та*: 'электронно-вычислительная машина', *О:сю:* и *Е:роппа* 'Европа', *сэнто:-сю:дан* и *топпу-сю:дан* 'головная группа', *дзидо:-кайдан* и *эсукарэ:та*: 'эскалатор', *оятати* и *фубо* 'родители';

б) словом или устойчивым словосочетанием: *татаэба* и *итирэй-о агэрэба* 'например', *анааки-но* и *ана-но аита* 'перфорированный', *нобориорисуру* и *ноботтари оритари суру* 'ходить по лестнице'. Обычны параллели между развернутыми и слитными словосочетаниями: *гэнсиро-о сэкисайсита эйсэй* и *гэнсиро-эйсэй* 'спутник с атомным реактором'. Внутри этой подгруппы выделяются

типовые соответствия: *кокугоси* и *кокуго-но рэкиси* 'история японского языка', *ханасу* и *ханаси-о суру* 'рассказывать', *кику* и *мими-ни суру* 'слушать';

в) полным или сокращенным наименованием: *тю:га-ку-но соцугё:сэй* и *тю:соцуся* 'окончивший среднюю школу', *нихон-рэйён* и *нитирэ* 'название фирмы', *дзидо:ся* и *ся* 'автомобиль', *ёндзю:сай* и *ёндзю:* 'сорок лет', *кю:ко:-рэсся* и *кю:ко:* 'скорый поезд'. Тенденции к сокращению противостоят тенденции к развернутому обозначению предмета. В этом отношении типичны соотношения *хо:су-но мидзу* и *хо:су-ни ёру хо:суй* 'вода из шланга', *гокай-но* и *гокайтатэ-но* 'пятиэтажный', *нито:-то:рон* и *нито:кан-то:рон* 'дискуссия с участием двух партий'. К этой группе примыкают параллели из неуточненных основ и слов, снабженных корнями-классификаторами: *райфу* и *райфудзю:* 'ружье', *пэсуто* и *пэсутобё:* 'чума';

г) разными частями речи и формами слов: *кара-но* и *аитэ иру* 'пустой, незанятый', *исогиаси-дэ* и *исоидэ* 'спешно', *хосий* и *хоссуру* 'хотеть', *ёрокоби-о моттэ* и *ёрокондэ* 'с радостью'.

2. Идеографические или понятийные синонимы охватывают большую группу слов от дублирующих выражений, значение которых полностью совпадает, до функционально-речевых эквивалентов, сближающихся лишь в конкретных условиях данного высказывания. Типичные разновидности идеографических синонимов сосредоточены в четырех группах:

а) объемы значений одинаковы: *кати*, *какаку* и *нэ-дан* 'цена, стоимость', *асидори*, *асицуки* и *арукиката* 'походка', *тору* и *уцусу* (с дополнением *сясин*) 'фотографировать', *таай* и *айта* 'альтруизм'. Сюда же относятся эквивалентные слова из разных систем счета: *ни* и *футацу* 'два', *иссэн-кудзю:-нанадзю:нэн* и *сё:-ва-ёндзю:-гонэн* '1970 год', *тю:син* и *синдоён* 'землетрясение среднее и четырехбалльное';

б) одно значение несколько шире или уже другого: *каэру* 'возвращаться' и *кисэй-суру* 'возвращаться на родину', *ся* 'автомобиль', и *такуси:* 'такси', *икко* 'один предмет' и *иппон* 'один цилиндрический предмет', *кава-но* 'речной, относящийся к реке' и *кавадзю-но* 'речной, расположенный вдоль реки';

в) частное и общее понятие: *но:мин*, *хякусё:* 'кре-

стьянин' и *но:мин* 'крестьянство', *хон* 'книги, книга' и *сёмоцу* 'книги', *куцу* 'ботинки' и *хакимоно* 'обувь'. Для этой подгруппы характерны противопоставления глагольных словосочетаний типа *хигэ-о сору* и *хигэсори-о сору* 'бриться', *пэнки-дэ нуру* и *пэнкинури-о сору* 'красить';

г) в основе значения лежат разные признаки: *монооки* и *осиирэ* 'кладовая (место, где лежат вещи или куда их кладут)', *нихонго* 'японский язык' и *кокуго* 'родной язык (японский)', *ку:ся* 'свободное такси' и *кякуматися* 'свободное (ожидающее пассажиров) такси', *кю:сёкудай* 'плата за школьные завтраки' и *кю:сёкухи* 'расходы на школьные завтраки', *кайкоку* и *симагуни* 'островная страна', *каин* 'нижняя палата' и *сю:гшин* 'палата представителей'.

3. Стилистические синонимы выражают экспрессивно-эмоциональные оттенки и отношение говорящего к собеседнику или аудитории, предмету речи, условиям высказывания. Дополнительные оттенки по преимуществу субъективны. Они выделяются на фоне нейтральных объективных значений. Классификацию целесообразно проводить на основе единого предметного содержания, соотнося стилистически окрашенные слова с нейтральными. Укрупняя признаки, можно выделить три подгруппы:

а) различительным признаком служит степень вежливости. В следующих парах второе слово дополнительно содержит оттенок уважительного отношения к собеседнику или 3-му лицу: *миру* и *омэ-ни какару* 'видеть', *куру* и *оидэ-ни нару* 'приходить', *ю:* и *оссяру* 'говорить', *нэцу* и *онэцу* 'жар, температура'. Слово *оиборэ*, наоборот, имеет неуважительную окраску по сравнению с нейтральным *тосиёри* 'пожилой человек'. Образуются триады из нейтрального, почтительного и уничижительного синонимов: *табэру*, *мэсиагару* и *куу* 'есть', *сину*, *ё-о сару* и *кутабару* 'умирать';

б) прямое называние противопоставляется переносному, косвенному или метафорическому: *табэру* 'есть' и *хаси-о тору* 'есть' (букв. 'брат палочки'), *наку* 'плакать' и *намида-о отосу* 'плакать' (букв. 'ронять слезы'), *тэрэби-о миру* 'смотреть телепередачи' и *тэрэби-но маэ-ни сувару* 'смотреть телепередачи' (букв. 'сидеть перед телевизором');

в) на фоне нейтральных слов выделяются эмоционально-экспрессивные слова типа *унагиноборини* (ср. *ганкё:ни*) 'упорно', *тоирэтто* (ср. *бэндзё*) 'уборная', *миттян* (ср. *митико*) 'женское имя'. Функционально-оценочное значение приобретают нейтральные слова, когда выбор их характеризует отношение к собеседнику или предмету, например, дом уничижительно называют *коя* (собственное значение 'шалаш'), человека — *бута* (собственное значение 'свинья'), о словаре синонимов вместо *руйгиго-дзитэн* говорят *руйгигосю*: 'собрание синонимов'.

4. Если основанием для выделения стилистических синонимов служат экспрессивно-эмоционально-оценочные созначения, то функционально-стилевые синонимы образуются за счет сближения общепародных слов и их эквивалентов из ограниченных сфер употребления, т. е. собственно стиливых, профессиональных, диалектных, жаргонных и т. п.

Члены синонимических рядов третьей и четвертой групп часто соотнесены друг с другом: функциональная закреплённость может сопровождаться стилистической отмеченностью. Тем не менее и те и другие находятся в разных отношениях к общепародным словам — типичным доминантам синонимических рядов. Это оправдывает разграничение слов третьей и четвертой групп. В синонимические связи с общепародными словами вступают:

а) просторечные слова, вульгаризмы, жаргонные выражения: *доясу* и *нагуру* 'бить', *цура* и *као* 'лицо', *дзато* и *мэкура* 'сленой', *моноири* и *сисюцу* 'расход', *камубакку* и *фуккацу* 'возвращение к жизни', *понкоцуя* и *хайнин-кайсю:гё*: 'ремонтные мастерские';

б) официально-административная лексика: *сё:сю:-рэйдзё*: и *акагами* 'извещение о призыве', *сэйриин* и *сирюсигакари* 'дежурный по платформе', *ро:рэйся* и *ро:дзин* 'люди преклонных лет', *цу:якукэн-гайдо* и *цу:яку-о канэта гайдо* 'гид-переводчик';

в) книжная, профессиональная лексика: *фумэй-но* и *вакаранай* 'неизвестный', *сакудзицу* и кино: 'вчера', *кихо*: или *кихо:-но то:ри* и *судэни о-сирасэсимасита ё:ни* 'как уже сообщалось'.

Сосуществуют с общеупотребительной лексикой вновь появляющиеся неологизмы и выходящие из обихода ар-

ханзмы. Новыми словами послевоенного периода были: *токуся* (ср. *сэнся*) 'танк', *никадон* (ср. *гэмбаку*) 'атомная бомба', *панпан* (ср. *дзэро*) 'проститутка'. Употреблялись архаизмы: *идзин* (ср. *гайкоудзин*) 'иностранец', *мэситори* (ср. *тайхо*) 'арест', *сё:гун* (ср. *сё:кан*) 'генерал', *усанмусё:суру* (ср. *сё:сансуру*) 'рассеиваться, исчезнуть' и т. п.

Материалы этого раздела свидетельствуют об объективных предпосылках и субъективном стремлении к синонимическому разнообразию. Японская синонимика характеризуется широкой материальной основой, большими комбинативными возможностями, стремлением говорящих к употреблению вариантов. Подтверждение этому находим в каждом номере газеты или журнала. Сообщая об открытии международной выставки в Осака, репортеры газет «Акахата» и «Асахи-симбун» воспользовались более чем десятью синонимами слова «открылась». Это отдельные глаголы, из которых самые употребительные в этом значении: *хираку* (в форме страдательного залога), *аку*, фразеологические словосочетания типа *маку-о акэру*, *маку-га агару* букв. 'открыть занавес', корнесложные образования с участием корней «открывать», «занавес», «официально» и пр.: *каймакусарэру*, *ко:кайсарэру* и т. д.

§ 10. Большие количественные различия между японской лексикой и лексикой английского и французского языков объясняются в некоторой мере объемом и характером обследованного материала, условиями его изучения, неполной сопоставимостью выделяемых единиц, иначе говоря, организационными и технико-статистическими причинами.

Индексы основных европейских языков получены в результате обследования наиболее читаемых произведений художественной литературы. Данные по японской лексике появились, как уже сказано, на основе изучения 90 популярных журналов. Тексты тематически не совпадали. Японские журнальные материалы, видимо, разнообразнее по жанрам и стилю. Это не могло не отразиться на соотношении подсчитанных слов.

Имеют значение и различные исходные концепции слова — основной единицы учета. Японские статистики отдельными словами могли считать формообразующие

элементы, служебные слова, окказиональные лексические образования. Границы слова в японском языке, представления о парадигматическом и синтагматическом слове еще не стали общепринятыми. Однако учетно-технические расхождения взаимно компенсировались и вряд ли могли сколько-нибудь заметно повлиять на окончательные сопоставительные итоги.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что лексика японского языка обладает некоторыми особенностями по сравнению с лексикой других, лучше изученных языков. Важнейшими из этих особенностей являются синтаксичность некоторых типов слов, их сложность не только по форме, но и по семантике, дробность выражаемых понятий, разнообразие способов и средств создания неологизмов, многочисленность синонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конрад П. П., Синтаксис японского национального литературного языка, М., 1937.
2. Лаврентьев Б. П., Китайская иероглифика и китайские заимствования в общественно-языковой практике современной Японии, канд. дисс., М., 1966 (одноименный автореферат обозначается в ссылках цифрой 2а).
3. Неверов С. В., Иноязычные слова в общественно-языковой практике современной Японии, канд. дисс., М., 1966 (одноименный автореферат обозначается в ссылках цифрой 3а).
4. Пашковский А. А., Синтагматические границы слова в японском языке, — «Японская филология», М., 1968.
5. Пашковский А. А., Слитные именные словосочетания в японском языке, — «Японский язык», М., 1963.
6. Пашковский А. А., Словообразование в современном японском языке, докт. дисс., М., 1952.
7. Фельдман Н. И., Окказиональные слова и лексикография, — «Вопросы языкознания», 1957, № 4.
8. Фельдман Н. И., Предисловие, — в кн.: «Японско-русский словарь», сост. Л. А. Немзер и Н. А. Сыромятников, М., 1965.
9. Асано Син, Нихон-бумно: дзитэн, коттохэн, Токио, 1943.
10. «Гон-кё:яку, сопо найё: то хо:хо:», Токио, 1964.
11. «Гэнго-эйкадзү», 1969, № 9.
12. Кинданги Кёсукэ, Предисловие, — в словаре «Мэйкай-кокуго-дзитэн», Токио, 1945.
13. «Кокугогаку-дзитэн», Токио, 1956.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЯПОНСКО-РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Общеизвестно, что одним из видов словообразования является лексикализация отдельной формы существующего слова, в результате которой данная форма переводится в иную, чем это слово, часть речи. Так в русском языке образованы предлог *благодаря* от глагола *благодарить* и наречие *рядом* от существительного *ряд*. Конечно, образованные таким путем слова входят, должны входить в словарь как отдельные словарные единицы. Заметим кстати, что в академическом «Словаре русского языка» *рядом* дано отдельным словом, *благодаря* же — вторым значением причастия *благодаря*, с чем нельзя согласиться (даже при помете «предлог»); причастие *благодаря* и предлог *благодаря* — омонимы, особенно в современном языке, где можно нередко услышать *благодаря болезни* или *благодаря пожару*.

Составляя словарь японского языка, надо по возможности точно определить, какие формы каких частей речи настолько лексикализировались, чтобы быть помещенными в словарь как «черное слово».

На первом месте стоят различные формы глагола.

1. От ряда глаголов в деепричастной форме с формантом *тэ* (от единичных в отрицательной форме с формантом *дзу*) образованы послелого. Доказательству этого положения была посвящена моя кандидатская диссертация «Послелого в современном японском языке» (М., 1944), и я не буду здесь повторяться. Укажу только на выводы. То, что эти формы — послелого, подтверждается их семантикой: они обозначают отвлеченные субъектно-объектные отношения (утратив то вещественное значение действия, которое имеет исходный глагол); они применяются для обозначения отношения

к одному дополнению, утратив возможность иметь какое-либо другое, и полностью лишены способности подчинять себе обстоятельства. Морфологическим признаком является их способность принимать суффикс *но* при подчинении имени.

Отглагольные послелогои безусловно должны помещаться в словаре как отдельные слова. Но при этом возникает два вопроса.

Те послелогои, которые употребляются в старом письменном языке, имеют там отличную от современной форму (форму так называемой 2-й основы). Следует ли помещать в словарь и эту форму, например, со ссылкой на современную? Не приходится отрицать, что, хотя применение старого письменного языка после войны отменено даже в официальных документах, он все же живуч, и в отдельных случаях его формы встречаются до нынешнего времени. Так, например, в августовском номере журнала «Асахи гурафу» за 1969 г. помещены снимки восхода Земли, сделанные экипажем «Аполлона 11», а над снимками имеется надпись: *Харука нари, варэра-га кю:тай* 'Далек [он], наш шар'. *Нари* — связка старописьменного языка (современные связки — *дэс, да*), *га* в функции суффикса родительного падежа употребителен только в старописьменном языке, в современном языке в качестве суффикса родительного падежа употребляется *но* (*варэра-но* 'наш'). Несмотря на все это, в словарь современного языка глаголы включаются только в современной словарной форме. Точно так же должны включаться в словарь и послелогои. Умение узнать глагол или послелог в старописьменной форме, конечно, требует знания грамматики, но без этого нельзя пользоваться словарем — невозможно восстановить словарную форму глагола, если он встретится в какой-либо другой форме.

Второй вопрос состоит вот в чем. Некоторые отглагольные послелогои недостаточны, а именно: подчиняясь имени, они принимают не суффикс *но*, а определительную глагольную форму; следует ли помещать в словарь и эту форму? Надо заметить, что определительная форма глагола совпадает с его словарной формой, и мне кажется, что в таком случае следует указать (и даже проиллюстрировать примером), что помимо глагольного значения данный глагол в этой же форме имеет и

значение послелого, например: *кансуру* 1) 'относиться'; 2) послелог 'относительно': *ано мондай-ни кансуру хо:коку* 'доклад относительно этого вопроса (об этом вопросе)' и т. п.

2. От ряда глаголов в деепричастной форме с формантом *тэ* образовались наречия. Признаком последних является приобретение адвербиального значения и полная утрата способности иметь при себе дополнения: от глагола *аратамэру* 'изменять', 'обновлять', 'выправлять' образуется *аратамэтэ* 'снова, повторно, опять', от *кэссуру* 'решать, определять' — *кэссйтэ* (с отрицанием) 'никак, ни в коем случае', от *кивамэру* 'доводить до предела' — *кивамэтэ* 'весьма, крайне', от *ёрокобу* 'радоваться' — *ёрокондэ* 'охотно, с удовольствием'. Такие наречия тоже следует помещать в словарь как отдельное слово.

3. Так называемая форма прошедшего времени от некоторых глаголов, образованная формантом *та*, утрачивает временное значение и приобретает адъективное. Этот вопрос обстоятельно рассмотрен в статье А. А. Холодовича «Атрибут приобретенного признака в японском языке» (см. сб. «Язык и мышление», т. XI, 1948). Однако его наблюдения не вполне точны. А. А. Холодович пишет: «...атрибуты приобретенного признака, возникшие на почве непереходного глагола, в конечном счете обращаются в атрибуты покоящегося признака, и таким образом морфема *та* обращается в знак имени прилагательного» (стр. 350, разрядка моя.— Н. Ф.); «...непереходные глаголы... распадаются по значению на две категории. Одна категория глаголов может быть названа „результативными“: они передают состояние, а не процесс движения к этому состоянию. Другая категория глаголов может быть названа „перфективными“: они передают как процесс движения к состоянию, так и само состояние (*толстеть, становиться толстым, растолстеть*). Это различие ярко обнаруживается в атрибуте. Перфективные глаголы в гораздо меньшей степени, нежели глаголы результативные, теряют перфективную семантику и приобретают семантику покоящегося признака... От результативных же глаголов, оформленных морфемой *-та*, один шаг до имени прилагательного» (стр. 356).

Эти выдержки несколько противоречивы: сначала

морфема *та* названа знаком имени прилагательного, потом сказано, что до него все же остается еще шаг. Неточность же заключается вот в чем. Далекое не все переходные глаголы, обозначающие состояние, в форме с *та* способны употребляться атрибутивно. Глаголы, обозначающие психические и физические состояния [например: *курусиму* 'страдать', *канасиму* 'быть печальным, грустить', *ёрокобу* 'радоваться', *нэтамү* 1) 'ревновать'; 2) 'завидовать', *осорэру* 'бояться', *самугарү* 'зябнуть', *итаму* 'болеть, чувствовать боль', *яму* 'болеть, быть больным'], такой способности лишены. Значение 'грустный, печальный' выражается предикативным прилагательным *канасий*, от которого произведен глагол *канасиму*, а значения 'радостный' и 'ревнивый' — предикативными прилагательными *ёрокобасий* и *нэтамасий*, которые сами произведены от глагола. Правда, единичные глаголы с таким значением все же образуют такие «прилагательные»: *одоройта ё:су* 'удивленный вид' (*одороку* 'удивляться'), *икйта ю* 'живая рыба' (*икиру* 'жить, быть живым'; *икйта* иначе, как для обозначения покоящегося признака, не употребляется; но, как все такие слова, *икйта* употребляется только атрибутивно при имени, как предикат его замещает глагол).

Способность обозначать признак покоящегося атрибута имеют почти исключительно те переходные «результативные» глаголы, которые обозначают внешний вид, внешние свойства. Например: *хинэкурэру* 'быть искривленным' — *хинэкурэта* 'кривой', перен. 'эксцентричный'; *магарү* 'быть изогнутым, согнутым' — *магатта* 'изогнутый', перен. 'извращенный'; *котонару* 'отличаться (от чего-, кого-либо)' — *котонатта* 'другой, отличный'; *сярэру* 1) 'шутить, острить'; 2) 'франтить' — *сярэта* 1) 'смешной'; 2) 'франтовской, щеголеватый'; *тосйтору* 'стареть' (о людях) — *тоситотта* 'пожилой' [интересно, что *оиру* 'стареть' (о людях) не употребляется атрибутивно, и это позволяет думать, что *тосйтору* передает внешние признаки старости, а *оиру* — сам процесс старения]. И наоборот, переходные «перфективные» глаголы, по семантике касающиеся внешнего вида, в форме с *та* обозначают признак покоящегося атрибута наравне с «результативными», что сам же А. А. Холодович показал на примерах *футотта* 'толстый' (стр. 355) и *фурүбита* 'старый' (стр. 362) от «перфективных» глаголов

футору 'толстеть' и *фурубиру* 'стареть' (о вещах). Можно привести еще примеры: *ясэга* 'худой' (*ясэру* 'худеть'), *акадзимита* 'грязный' (*акадзимиру* 'пачкаться'), *кутйта* 'гнилой' (*кутйру* 'гнить'), *карэта* 'хриплый' (*карэру* 'хрипнуть'), даже *цукарэта* 'усталый' (*цукарэру* 'уставать') и др.

Нужно ли прилагательные, образованные формантом *та*, помещать в словаре отдельно? Мне кажется, что этого не следует делать (хотя в японско-английских словарях некоторые из них даны таким образом). Все они — прилагательные недостаточные: могут употребляться только атрибутивно при имени, т. е. не имеют наречной формы, и не могут употребляться предикативно (в предикативной позиции их замещает глагол). Поэтому достаточно проиллюстрировать атрибутивное употребление данной формы при основном глаголе, показав при этом, на другом примере, их недостаточность. Кроме, конечно, таких слов, которые употребляются только в форме с *та*, например: *омодатта* 'выдающийся', *камисабита* 'священный' (глаголы *омодацу*, *камисабиру* — совершенно неупотребительны).

4. От некоторых глаголов образованы прилагательные с суффиксом *бэки*, который в старом письменном языке был показателем наклонения долженствования (и будущего времени), но в современный язык не вошел. Таковы прилагательные *никумубэки* 'ненавидный' (*никуму* 'ненавидеть'), *синубеки* 'смертный' (*сину* 'умирать'), *канасимубэки* 'прискорбный' (*канасиму* 'горевать'), *одорокубэки* 'удивительный, поразительный' (*одороку* 'удивляться, поражаться'), *осорубэки* 'страшный' (*осорэру* 'бояться') и др. Эти прилагательные могут употребляться атрибутивно при имени и предикативно со связкой, хотя последнее встречается не часто. Будучи почти полноценными прилагательными, они заслуживают быть помещенными в словарь отдельно.

5. Так ли обстоит дело с формами глаголов, образованными суффиксами *гатай* и *никуй*, обозначающими трудность совершения действия, и с суффиксом *ясуй* с обратным значением? Такие формы, по семантике обозначающие покоящийся признак и формально уподобляющиеся прилагательным, могут употребляться и атрибутивно, и предикативно. Заслуживают ли они выделения как отдельные слова, поскольку это прилагатель-

ные, а не глаголы? Этого не следует делать, так как данные формы можно образовывать от любого глагола. Но так как от некоторых глаголов форма с *гатай* особенно употребительна, возможны исключения — педантизм в словаре вредит делу... Японско-английские словари одни из этих форм помещают отдельно, другие же — при основном глаголе, но мне кажется, что если эти формы приводить, то правильнее было бы давать их как отдельные слова. Таковы *юрусигатай* 'непростительный' (*юрусу* 'прощать'), *васурэгатай* 'незабываемый, пезабвенный' (*васурэру* 'забывать'), *ёминикуй* 'неразборчивый' (о почерке, *ёму* 'читать') и некоторые другие.

6. От единичных глаголов образованы союзы, совершенно оторвавшиеся от них по семантике. Например: *оёби* 'и' (от *оёбу* 'достигать'), *хийтэ* 'затем' (от *хику* 'тянуть'), *издомо* 'хотя' (от *йу* 'говорить') и т. п. Конечно, это вполне самостоятельные слова.

7. Вопрос, понятный и русскому лексикографу: помещать ли отдельно в словаре наречную форму прилагательных? В русских словарях такие наречия, как правило, не помещаются, а в японском еще меньше для этого оснований, так как наречную форму имеют все прилагательные (кроме недостаточных). Но у очень употребительных прилагательных, требующих большой лексикографической разработки, наречная форма, тоже обычно очень употребительная, может в виде исключения быть дана и проиллюстрирована отдельно. Так, как правило, поступают и составители японско-английских словарей.

8. От некоторых существительных при помощи форманта наречий *ни* образованы наречия: *сидай* 'порядок, очередность' — *сидайни* 'постепенно': *макото* и *дзицу* 'правда, истина' — модальные наречия *макотони* и *дзицуни* 'поистине, действительно'. Самостоятельность этих наречий несомненна, помещение их в словарь как отдельных слов естественно. Вопрос может вызвать только *дзицу ва*, также имеющее значение 'поистине'. Раздельное написание, данное здесь, вызвано тем, что *ва* — не словообразовательный суффикс, а только выделительная частица. Употребление же некоторых существительных без изменения их формы в функции обстоятельств в японском языке — вещь обычная, и так как по семан-

тике *дзицу ва* 'поистине' — естественная адвербиализация слова *дзицу* 'истина', то никаких оснований выделять *дзицу ва* как отдельное слово нет.

9. В японских предложениях встречаются обстоятельства, состоящие из существительного в сочетании со словом *най* 'не иметься' в форме неконечного сказуемого — *наку*. Существительные, так употребляющиеся, весьма ограничены в числе; в этих случаях они лишены падежного оформления, что противоречит норме современного языка, и *наку*, как сказуемое, следует за ними непосредственно. Можно ли на этом основании считать, что для современного языка такое словосочетание должно быть признано лексикализовавшимся в наречие? Положительный ответ повлек бы за собой помещение этих слов в словаре как отдельных единиц. Но можно ли дать такой положительный ответ? Является ли *утагаи наку* 'без сомнения, несомненно' в системе японского языка одним словом? Это очень сомнительно. Есть еще один близкий к этому случай: сочетание существительного, тоже без падежного оформления, с глаголом *ару* 'быть, иметься' приобретает адъективное значение: *дзисонсин* 'чувство собственного достоинства' — *дзисонсин ару хито* 'человек с чувством собственного достоинства'.

Если признать сочетание с *наку* наречием, то сочетание с его антонимом *ару* придется признать прилагательным. Это почти *reductio ad absurdum*. Оба члена таких сочетаний настолько раздельны, что в последние десятилетия существительное в нем часто стало получать нужное падежное оформление; например, прежнее *тиэ ару* 'разумный' (*тиэ* 'разум') приобрело вид *тиэ-но ару*, т. е. представляет собой определительное предложение, соответствующее норме современного языка. Очевидно, что и то и другое надо считать типовыми устойчивыми словосочетаниями, уподобляющимися некоторым частям речи. Так как существительные, в них входящие, в обоих случаях весьма ограничены в числе, то такое их употребление непременно должно быть показано в словаре, но давать эти сочетания следует не как отдельные слова, а как фразеологию при существительном.

Точно так же и обстоятельства, состоящие из неформенного существительного и прилагательного *эй* 'хороший' в наречной форме, например: *суби ёку* 'бла-

гополучно' (*сюби* 'результат, конец'), *конки ёку* 'упорно' (*конки* 'выдержка; энергия'), тоже следует считать устойчивыми сочетаниями. Раздельность существительного со словом *ёку* подтверждается тем, что это существительное входит и в адъективное словосочетание с тем же *ёй*, где оно имеет форму родительного падежа (которую требует подлежащее определительного предложения), и, следовательно, раздельность его со словом *ёй* несомненна: *сюби-но ёй* 'благополучный', *конки-но ёй* 'упорный; энергичный'. Такие словосочетания, как адъективные, так и адвербиальные, следует давать во фразеологии при существительном.

Перечисленными случаями как будто исчерпываются вопросы, связанные с помещением в словарь разных форм слова.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье под фразеологической единицей понимается любое несвободное словосочетание, т. е. такое словосочетание, смысл которого в целом не равен сумме смыслов составляющих его элементов [см., например: 4, 133—134]. Предполагается, что весь многообразный фразеологический материал систематизируется посредством классификации, построенной на основе так называемого анкетного принципа. Преимущество таких классификаций состоит в том, что в них внимание концентрируется скорее на различиях, нежели на сходстве рассматриваемых объектов.

Анкетный принцип классификации реализуется, в частности, И. А. Мельчуком, который делит несвободные сочетания в зависимости от наличия и отсутствия у них признаков устойчивости и идиоматичности [см. 2]. Эти признаки являются разноплановыми. Устойчивость свидетельствует только о совместной встречаемости элементов словосочетания и не касается связи смыслов, тогда как идиоматичность указывает только на семантическую спаянность компонентов и не исключает возможности их отдельного появления в тексте. Поэтому те несвободные словосочетания, для которых эти признаки значимы, оказываются распределенными по следующим четырём классам: идиоматические устойчивые, идиоматические неустойчивые, неидиоматические устойчивые и неидиоматические неустойчивые.

Очевидно, что в зависимости от особенностей того или иного языка заполненность этих классов может быть разной. По предварительным данным среди фразеологических единиц японского языка наибольшую часть составляют те, которые характеризуются наличи-

ем признака идиоматичности и отсутствием признака устойчивости. Например: *куби о кину* 'увольнять' (букв. 'резать голову'); *хидой мэ ни ау* 'попасть в затруднительное положение' (букв. 'встретиться со страшными глазами'); *мидзу га хаиру* 'сделать перерыв' (букв. 'вода входит'); *дзу га такай* 'быть высокомерным' (букв. 'голова высокая') и т. д.

Из примеров видно, что класс идиоматических неустойчивых словосочетаний японского языка составляют единицы, имеющие разное строение. Среди них выделяется один сравнительно редкий в языках тип — фразеологические единицы, построенные по модели «подлежащее — сказуемое», но выступающие в качестве одного члена предложения и потому совпадающие с сочетанием подлежащего и сказуемого лишь в плане выражения (ср. *мидзу га хаиру*, *дзу га такай*).

Во фразеологических единицах этого типа элемент, соответствующий сказуемому, может быть выражен как глаголом, так и предикативным прилагательным. Например: *аси га дэру* 'не хватать' (букв. 'ноги появляются'); *кадо га тацу* 'быть слишком резким' (букв. 'углы стоят'); *дзу га хикуй* 'быть скромным' (букв. 'голова низкая'); *кадо га хирой* 'встречаться со многими' (букв. 'ворота широкие'); *Касанэтэ нидо хо:мон сину кото ва ки га хикэта* (ИТ, 289) '[Она] стеснялась прийти во второй раз'; *Ватаси ва сорэ ни ки га цуйтэ мо...* (ИТ, 253) 'Я, хотя и заметил это...'; *Кими ва сэйко: ситэ хана га такай* (С, 956) 'Ты можешь гордиться своим успехом'.

Для таких фразеологических единиц в японском языке характерно наличие однословных параллелей — сложных слов, компоненты которых соответствуют элементам фразеологической единицы. Ср., например, *Сорэ ва ки га цукимасэн дэсита* (МС, 259) 'Этого [я] не заметила' и «Окорий: *га аримасэн ва*» *Химико ва со: котэа ато, кидзуйта ё-ни цукэкуваэта...* (МС, 261) '«Ничего не случилось», — ответила Химико и, как будто что-то заметив, добавила...'; *Кю:ни ки га норанаку натта но дэ ару* (МС, 8) '[Он] быстро перестал интересоваться [этим делом]' и *Бо:и мо коно дзикэн ни кё:ми о моттэ иру. Да кара, Химико но сицумон ни норики дэ хэндзи о ситэ иру* (МС, 233) 'Мальчик тоже интересовался этим делом. Поэтому [он] с увлечением отвечал на вопросы

Химики'; *Хара га татанай но ва, соно бун дакэ ситто мо най но датта* (ИТ, 76) 'Она не сердилась, ибо не чувствовала ревности' и *Карэ ва Сигэко то но тайдза но фукайса то харадатасиса то кара ногарэру тамэ ни, гэта о хайтэ нива ни орита* (ИТ, 244) 'Чтобы избежать неприятного чувства от встречи с Сигэко и ее недовольства, он надел гэта и вышел в сад'. В наличии однословных соответствий, как нам кажется, можно видеть свидетельство тесной семантической спаянности элементов фразеологической единицы.

От фразеологических единиц, омонимичных сочетанию подлежащего со сказуемым, следует отличать фразеологические единицы, построенные по той же модели, но не выпадающие из синтаксической конструкции предложения. Элементы таких единиц сохраняют статус членов предложения каждый в отдельности. Вероятно, это бывает в том случае, когда переносный смысл, сообщающий идиоматичность данному сочетанию, достаточно четко прослеживается из прямого. Например: *Анохито ни ва дайдзин но ики га какаттэ иру* (БС, 261) 'Его поддерживает сам министр' (букв. 'Его достигает дыхание министра'). У таких фразеологических единиц отсутствуют однословные соответствия.

В японском языке довольно распространенной является конструкция с ложным подлежащим (ложными называются члены предложения, принадлежащие по своему выражению к одному, а по содержанию — к другому функциональному классу [см. 1, 72]). В зависимости от содержания существуют разные типы ложных членов, из которых наибольший интерес представляет в данном случае ложное подлежащее с содержанием определения, как, например, в предложении *Коно ки ва эда га нагай* 'У этого дерева ветви длинные' (букв. 'Это дерево ветви длинные').

Надо различать предложения, включающие ложное подлежащее с содержанием определения, и предложения с действительным подлежащим и сказуемым, выраженный фразеологической единицей, омонимичной сочетанию подлежащего и сказуемого. Ср. *Боку ва атама га камои ни цуйта* 'Я коснулся головой дверной перемычки', где *боку ва* 'я' — ложное подлежащее с содержанием определения, а *атама га* 'головой' — действительное подлежащее (букв. 'Я голова коснулась двер-

ной перемычки') и *Боку ва сорэ ни ки га цуйта* 'Я заметил это', где *боку ва* 'я' есть действительное подлежащее, а сказуемое выражено фразеологической единицей — *ки га цуйта* 'заметил' (букв. 'дух прикрепился'). Ср. также *Карэ ва сэ га такай* 'У него высокий рост' и *Карэ ва коси га такай* 'Он высокомерен'; *Карэ ва ката га хирой* 'У него широкие плечи' и *Карэ ва кадо га хирой* 'Он встречается со многими'.

Так как ложное подлежащее является по содержанию определением, предложение с ложным подлежащим можно преобразовать, сделав подлежащее определением. Например: *Боку ва атама га камои ни цуйта* 'Я коснулся головой дверной перемычки' — *Боку но атама га камои ни цуйта* 'Моя голова коснулась дверной перемычки'; *Карэ ва сэ га такай* 'У него высокий рост' — *Карэ но сэ га такай* 'Его рост высокий'.

Предложения же, в которых сказуемое представлено фразеологической единицей, омонимичной сочетанию подлежащего и сказуемого, не поддаются подобным преобразованиям ввиду семантической нечленимости фразеологической единицы.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БС — «Большой японско-русский словарь», т. I, под ред. Н. И. Конрада, М., 1970.
ИТ — Исикава Тацудзо: *Аи но овари но токи*, Токио, 1967.
МС — Мацумото Сэйтё: *Кюкэй но арэн*, Токио, 1969.
С — Saito H., *Japanese-English Dictionary*, Tokyo, 1930.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вардуть И. Ф., *Очерки потенциального синтаксиса японского языка*, М., 1964.
2. Мельчук И. А., О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.
3. «*Кокугогаку дзитэн*», Токио, 1955.
4. Сиранси Дайдзи, *Кокугогаку гэврон*, Токио, 1955.

ОТРАЖЕНИЕ РЕФОРМЫ ЯПОНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ 1946—1949 гг.

В ПОВЕСТИ НОМА ХИРОСИ «ЁРУ-НО ДАССАКУ»

Для выяснения того, насколько новые правила употребления иероглифов, введенные в 1946—1949 гг. в связи с реформой письменности, получили отражение в конкретном литературном произведении, нами взята повесть Нома Хироси «Ёру-но дассаку» («Самовольная отлучка»). Это одно из шести произведений данного автора, вошедших в книгу под общим названием «Курума-но ёру» [4]. Книга вышла в свет через тринадцать лет после начала реформы. Срок достаточный, чтобы новое правописание утвердилось и чтобы проявились его положительные и отрицательные свойства.

1

Весь текст рассматриваемой повести составляет 33 страницы. Он состоит примерно из 6000 слов и содержит около 18 700 письменных знаков (без знаков пунктуации), из которых 5179 — иероглифы. Отдельно взятых иероглифов (без повторов) всего 705. Следовательно, в среднем каждый из них повторяется в тексте 7,3 раза.

Сопоставляя общее количество письменных знаков с общим количеством иероглифов, устанавливаем, что иероглифов в тексте менее 28% всех письменных знаков. Это примерно в два — два с половиной раза меньше, чем было в литературных произведениях до реформы письменности.

Реформа преследовала цель ограничить число употребляемых иероглифов. В связи с этим были изменены школьные программы, определен иероглифический минимум в 881 знак для начальной школы-шестилетки, отобраны иероглифы, которые подлежат изучению в средних школах I и II ступеней. Благодаря этому получившие среднее образование за последние 20 лет в основном знают иероглифы в пределах установленного лимита в 1850 знаков с некоторыми добавлениями, так как кроме школы есть и другие источники пополнения иероглифического запаса — это старые книги, письма людей, получивших иное образование и не желающих считаться с лимитом, вывески, афиши и еще многое другое, что окружает японца с самого детства. Но иероглифы, заимствованные из этих источников, не для всех одинаковы, они не поддаются учету и поэтому, казалось бы, не должны приниматься во внимание в литературе и прессе. Тем не менее в рассматриваемой повести из 705 отдельно взятых иероглифов только 628 знаков входят в список установленного лимита, а 77 иероглифов в лимит не входят (из них три входят в дополнительный список знаков для собственных названий и фамилий).

Одной из главных причин, побудивших Нома Хироси выйти за рамки установленного лимита на иероглифы, было стремление по возможности избежать такого необычного способа фиксации слов на письме, который в просторечии именуется *идакиавасэ*. Суть его в том, что в отличие от обычного смешанного письма, в котором корень слова (основа) пишется иероглифом, а формальная его часть — каной, в данном случае каной пишут один из корней корнесложного слова или одну из основ основосложного слова, тогда как другой лексически значимый компонент этого же слова пишется иероглифом.

Каной пишут те знаменательные компоненты сложных слов, для которых не оказалось иероглифов в списке лимита.

Неудобство такого написания прежде всего в том, что границы слова на письме очерчиваются не четко; написанные разными знаками части слова могут быть приняты за два слова. Поэтому к способу *идакиавасэ*

прибегают только в тех случаях, когда пишущий не считает возможным все слово писать каной.

В рассматриваемой повести, чтобы не прибегать к способу *ндакиавасэ*, введено 39 не входящих в лимит иероглифов. Эти иероглифы использованы почти полностью в корнесложных словах китайского происхождения. Что касается основосложных исконно японских слов, то за редким исключением они пишутся одними знаками каны.

Так, не вошедшими в лимит иероглифами в сложных словах китайского происхождения написаны следующие корни и основы:

<i>то:</i>	в слове	<i>гайтó:</i>	'шинель';
<i>дзэн</i>	»	<i>сёкудзэн</i>	'обеденный стол';
<i>бё</i>	»	<i>гамбё</i>	'гвоздь'; 'шип';
<i>дзин</i>	»	<i>дзиндзо:бё:</i>	'почечная болезнь';
<i>кан</i>	»	<i>якан</i>	'чайник';
<i>дзю и то</i>	»	<i>дзюто</i>	'бачок для супа (соуса)';
<i>ко:</i>	»	<i>хайсуйко:</i>	'дренажная канава';
<i>куй</i>	»	<i>бо:гуй</i>	'кол'; 'свая';
<i>сяку</i>	»	<i>сякуси</i>	'черпак';
<i>со:</i>	»	<i>гунсо:</i>	'старший унтер-офицер';
<i>го</i>	»	<i>готё:</i>	'младший унтер-офицер';
<i>си</i>	»	<i>ситё:тай</i>	'обозная часть';
<i>ки</i>	»	<i>кисё:</i>	'кокарда';
<i>хэй и ман</i>	»	<i>хэймандзю:</i>	'сладкий пирожок';
<i>кан</i>	»	<i>микансуй</i>	'мандариновый напиток';
<i>си</i>	»	<i>канси</i>	'сушеная хурма';
<i>тон</i>	»	<i>тю:тон</i>	'пребывание';
<i>гэн</i>	»	<i>гокигэн</i>	'ваше здоровье';
<i>ко</i>	»	<i>ко:са-суру</i>	'пересекаться';
<i>моти</i>	»	<i>мотирон</i>	'разумеется';
<i>сё</i>	»	<i>бинсё:</i>	'ловкость';
<i>ю:</i>	»	<i>ю:тё:</i>	'апатичность';
<i>бо:</i>	»	<i>сэмбо:</i>	'зависть';
<i>ку</i>	»	<i>кику</i>	'боязнь';
<i>сон</i>	»	<i>сонкэй</i>	'бочковидный';
<i>кё:</i>	»	<i>рё:кё:</i>	'обе стороны';
<i>ган</i>	»	<i>гандзё:на</i>	'крепкий';
<i>коку</i>	»	<i>ринкоку</i>	'очертание'.

В основосложных словах японского происхождения иероглифами, не вошедшими в лимит, написаны следующие компоненты-основы:

цукэ и *саро* в слове *цукэмонодзара* 'миска (блюдо) для солений';

куми » *кумиагэ-танку* 'бак для водопровода';

мава (су) » *мимавасу* 'оглядывать';

саки » *Сэсаки* — фамилия;

ока » *Окаи* — фамилия;

сака » *Осака* — название города¹;

тана в словах *тодана* 'шкаф' и *сёкухиндана* 'буфет';

моти в слове *дайфукумоти* 'рисовый пирожок с бобовой начинкой'.

В последних двух словах компоненты китайского происхождения *сёку*, *хин*, *дай*, *фуку* сочетаются с японскими *тана (дана)* и *моти*.

В некоторых случаях автор первый раз вводит слово в его иероглифическом написании, а в дальнейшем это же слово пишет только каной. Таким образом передаются, например, слова *хикиукэру* 'брат (ответственность на себя)', *кумиагэ-танку* 'водопроводный бак', *дзубон* 'брюки' и др.

Несмотря на введение дополнительных иероглифов, не входящих в лимит, в повести не удалось избежать смешанного иероглифическо-силлабического написания корней и основ в сложных словах (способ *идакиавасэ*). Очевидно, это было сделано сознательно, с тем чтобы не слишком выходить за рамки иероглифического лимита. Так, в тексте находим: *хигэСОРИ* (I)² 'бритьё', *исСЭИ* 'все вместе', *тэВАКЭ* (I), 'распределение (работы)', *асиЦУКИ* (I) 'походка', *киГИРЭ* (I) 'щелка', *НАКИгоэ* (I) 'ржание', *ФУКИкому* 'дуть (внутри чего-либо)' и др. Прописными буквами даны компоненты сложных слов, написанные в тексте повести каной, а строчными — написанные иероглифами.

Вместе с тем и некоторые простые исконно японские слова, для которых в лимите не оказалось иероглифов и которые, следовательно, надо было бы писать каной, в повести фиксируются по-старому иероглифами, для чего автору пришлось ввести еще 38 не включенных

¹ Иероглифы для *саки*, *ока* и *сака* входят в дополнительный список знаков для собственных названий и фамилий.

² Здесь и ниже римские цифры в скобках указывают на разделы Приложения, помещенного в конце статьи.

в лимит знаков. Это знаки для слов: *боку* 'я', *орэ* 'я', *дарэ* 'кто', *мидорэ-ни* 'безрассудно', 'наугад' (наречие), *аруйва* 'или' (союз), *горо* 'приблизительно' (суффикс), *морау* 'получать', *нурасу* 'смачивать', 'мочить', *фуку* 'вытирать', *мавару* 'заходить' (пишется тем же иероглифом, что и *мавасу*), *каму* 'грызть', 'кусать', *цурусу* 'вешать', *сябэру* 'болтать', *йу* 'говорить', *аго* 'подбородок', *хо*: 'щека', *кутибиру* 'губы', *маю* 'бровь', *мабута* 'веко', *хигэ* 'усы', *инко* 'горло', (два иероглифа), *хидзи* 'локоть', *хидза* 'колени', *сири* 'зад', *куцу* 'обувь', *дзубон* 'брюки' (написано иероглифом для слова *хакама* 'штаны японского покроя'), *химо* 'шнурок', *кама* 'котелок', *хаси* 'палочки для еды', *о-каю* 'рисовая каша', *кара* 'шелуха', *суми* 'угол', *вара* 'солома', *яито* 'наказание' (букв. 'лечение прижиганием'), *доро* 'грязь', *умая* 'конюшня', *ниой* 'запах', *сэми* 'цикада'.

Судя по написанию сложных и простых слов, почти половина не вошедших в лимит иероглифов использована для обозначения лексики, относящейся к утвари и посуде (11 единиц) пище (5), одежде (5), частям тела (11). Остальные слова, за исключением двух-трех военных терминов, также относятся к бытовым, часто употребляемым в устной и письменной речи. Иероглифы, связанные с этими словами, независимо от того, входят они в лимит или не входят, известны многим людям. Люди с детства привыкли к тому, что рисовая лепешка (*моти*) пишется таким-то иероглифом, палочки для еды (*хаси*) — таким-то, а обеденный стол — таким-то иероглифом. Здесь между иероглифами и словами установились особенно прочные ассоциации, которые автору, очевидно, не хотелось разрушать.

В топонимической и ономастической лексике новое правописание пробивает себе дорогу с наибольшим трудом, хотя именно в этой области много трудночитаемых слов. Нередко, особенно в адресах на почтовых конвертах, в названиях населенных пунктов используются иероглифы, не входящие в лимит. И в данной повести сохранено традиционное написание города Осака. Между тем в иероглифе для компонента *сака* 'склон' вместо ключа № 170 («склон, спускающийся террасами») следует по новым правилам писать ключ № 32 («земля»). Эти две разновидности иероглифа для морфемы *сака* (с ключом № 170 и с ключом № 32) существова-

ли и раньше, но в лимит вошел только один знак с ключом № 32.

Что касается фамилий и имен, то способ их обозначения на письме, несмотря на соответствующие инструкции, практически в жизни пока еще определяет сам носитель данной фамилии и имени. Очевидно, приходится считаться с желанием людей сохранить написание фамилии в том виде, как это было при отце и деде. В 1951 г. к существующему лимиту было сделано дополнение в 92 иероглифа для фамилий и имен (см. «Найкакү-но кокусү», 1951, № 1). Но оно удовлетворило не всех. Новые правила предписывают подбирать для имен поворожденных легко читаемые простые знаки из лимита или писать их только катаканой. Но это противоречит традиции подбирать не столько простые, сколько «счастливые» иероглифы. Поэтому с новыми правилами не всегда считаются. Написание же фамилий и имен каной некоторое время начинало входить в моду, но теперь встречается крайне редко. В повести, как было сказано, фамилии *Окада* и *Сэсаки* также написаны с употреблением не вошедших в лимит иероглифов.

Рассмотренные нами отступления от новых правил письма привели к тому, что автору пришлось прибегнуть к иероглифам, не входящим в лимит. Эти знаки в повести составляют 11% всех отдельно взятых иероглифов.

3

Кана в повести представлена двумя графическими разновидностями — катаканой и хираганой. Разумеется, превалирует хирагана. Как уже говорилось, автор не сторонник смешанного письма идакиавасэ, поэтому зачастую, лишь однажды употребив слово в таком написании, он в дальнейшем предпочитает писать его только каной, что еще увеличивает долю каны в тексте. В тексте мало знаков катаканы. Из примерно 13 500 знаков каны на долю катаканы приходится всего 208. Это объясняется двумя причинами. Первая состоит в том, что автор почти не употребляет европейских заимствований, которые, как и прежде, пишут только катаканой. Таких слов всего семнадцать: *бакэцу* 'ведро', *супи:до* 'скорость', *ю:моа* 'юмор', *бураси* (II)

'щетка', конкури:то 'бстон', энэруги 'энергия', пан 'хлеб', марасон 'марафон', ню:су 'новости', пай (II) 'паштет', дзубон 'брюки', покэtto 'карман', торакку 'грузовик', ко:хи: 'кофе', танку 'бак', тибусу 'тиф', пайнаппуру 'ананас'. Вторая причина в том, что некоторые исконно японские слова, которые по новым правилам следует писать катаканой, написаны полностью или наполовину иероглифами. К таким словам относятся личные местоимения, слова — названия посуды и утвари, животных, а также суффиксы, союзы и т. д., о чем можно судить по перечню слов, приведенному в п. 2.

4

Следует указать на почти полное отсутствие фуриганы, для которой прежде использовалась хирагана, а теперь, по новым правилам, используется катакана. В дореформенных текстах, особенно литературных, фуригана сопровождала каждое написанное иероглифами слово. Она была необходима потому, что в обращении было много иероглифов, гораздо больше, чем изучалось в начальной и средней школах, поэтому не каждый мог читать текст без помощи фуриганы, тем более что иероглифы могут обозначать по несколько отличающихся по звуковому составу и смыслу знаменательных морфем (слов). Например, слова *гэсю* 'преступление' (ср. *гэсюнин* 'преступник') и *хэта* 'неопытный', 'неумелый' пишутся двумя одними и теми же иероглифами, так что требуемое по контексту чтение иероглифов можно установить только с помощью фуриганы.

В современных текстах с ограниченным количеством тщательно отобранных, а главное, как правило, изучаемых в школе иероглифов надобность в фуригане отпала. Особенно, если учесть, что лексическая нагрузка на иероглифы теперь значительно сократилась. Вместо пяти-шести, а то и более морфем (слов), как это было до реформы письма, теперь абсолютное большинство иероглифов фиксируют только одну или две лексические единицы³.

³ Из 1850 иероглифов лимита 785 обозначают по одной морфеме китайского происхождения, 29 — по одному исконно японскому слову и еще 786 знаков — по две лексические единицы. Остальные — больше.

Нома Хироси все же воспользовался фуриганой, но только однажды, в связи со словом *дзубон* (IV) 'брюки'. Это иностранное слово написано фуриганой (катаканой) с правой стороны иероглифа, который обозначает слово *хакама* 'штаны японского покроя'. Сделано это для того, чтобы через посредство хакама объяснить значение, возможно, не всем известного слова *дзубон*.

Нужно отметить, что к такому способу пояснения смысла заимствованных слов прибегают все реже, так как многие из них достаточно хорошо усвоены и вошли в быт. В этой же книге, но в другом рассказе Нома Хироси слово *райта* (*lighter*) 'зажигалка' дается без пояснения потому, что оно стало общеизвестным, но лет 20 тому назад в текстах его сопровождали поясняющим словом *тэнкаки* 'прибор для получения огня', которое писалось иероглифами. На первых порах варваризмы нуждаются в пояснении, но затем многие из них воспринимаются уже как свои исконные. В рассматриваемой повести все заимствованные слова даны без пояснений, так как они общеизвестны. Исключение составило слово *дзубон*, но, раз объяснив его, автор в дальнейшем пишет это слово только каной.

5

Новым для японского письма является появление фурикандзи. Так называются иероглифы, обозначающие слова, взятые для пояснения смысла тех слов, которые пишутся каной. Таким образом, фурикандзи выполняют роль, противоположную роли фуриганы. К фурикандзи прибегают в тех очень редких случаях, когда нет абсолютной уверенности, что читатель поймет значение написанного каной слова. Фурикандзи (как, впрочем, теперь все чаще и фуригана) не выносятся за строку. Их располагают сразу за поясняемым словом, но берут в скобки. Говоря о том, что фурикандзи выполняют роль, противоположную фуриганае, мы имеем в виду только форму, а не содержание. Суть же одна — с помощью одного слова объяснить смысл другого слова. Явление фурикандзи порождено фонетизацией японского письма, связанной с его реформой. В повести «Еру-но дассаку» есть всего только один пример употребления фурикандзи. Так, вслед за написанным хи-

раганой словом *мотиман* в скобках стоит написанное иероглифами слово *хэймандзю*: (V). Значение обоих слов 'сладкий пирожок с бобовой начинкой'.

6

Выше говорилось, что Нома Хироси, руководствуясь новым правописанием, не использовал фуригану. Это стало возможным потому, что он совершенно отказался от привнесения в слова дополнительных, не присущих им значений, чему много примеров дает дореформенная литература. Для примера сошлемся на роман Кикиути Кана «Сэйсюн токай» («Мечты молодости») [3]. Там автор широко пользуется возможностью писать слова иероглифами и каной. Для этого к слову, написанному иероглифами, с помощью фуриганы подписывается сбоку другое слово. От одного слова берется его значение, а от другого — его звуковой облик, тем самым создается текст и поясняющий подтекст.

Слово, написанное каной (фуриганой), составляет текст, оно произносится при чтении вслух и воспринимается на слух. Слово же, написанное иероглифами, образует подтекст и рассчитано только на зрительное восприятие. Его назначение — объяснить, конкретизировать смысл первого слова или придать ему иной оттенок значения. Так, у Кикиути каной пишется *хаиру* 'входить', а иероглифами — *ню:гаку* 'поступать в школу' [3, 4]. Тем самым глагол *хаиру* приобретает значение 'поступить в школу'. Каной пишется *акари*: 'свет', а иероглифами *то:ка* 'свет фонаря'. Каной пишется *офукуро* 'мамаша' (букв. 'почтенный мешок'), а иероглифами *ока*: 'мать' [3, 132]. Каной пишется *кувайто пиюа* (*quite purity*), а иероглифами — *кандзэн сэйдзэ*:, что служит японским эквивалентом английского словосочетания со значением «полная непорочность» [3, 140].

Таких примеров в этом романе и в других произведениях того времени много. Умелым сопоставлением двух параллельно стоящих слов и особым подбором иероглифов, для чего до реформы были большие возможности, писатели добивались выразительности, образности повествования. Но текст от таких усложнений становился трудночитаемым [см. 1, 37—112; 2, 128—130].

В повести Нома Хироси письмо предельно просто,

слова читаются так, как написаны, и смысл их обычный. Исключение составляет написание иероглифами заимствованного слова *табако* (III) 'табак', 'сигареты'. Как уже говорилось, заимствованные из европейских языков слова следует писать катаканой, но издавна *табако* пишут двумя иероглифами, обозначающими соответственно морфемы *кэмури* 'дым' и *куса* 'трава'. Автор сохранил это написание.

* * *

Подводя итоги, следует сказать, что реформа письма 1946—1949 гг. принесла свои плоды, она не осталась только на бумаге. Иероглифов в текстах стало меньше, упростилась их форма, упростились способы их использования для фиксации слов, что позволяет теперь обходиться без фуриганы. Однако, судя по повести «Ёру-но дассаку», установленный лимит на иероглифы выдерживается не очень строго. Не все здесь можно объяснить субъективным взглядом Нома Хироси на то, какие слова писать иероглифами, а какие — каной, какие иероглифы использовать, а какие — нет. Очевидно, что и сам лимит не лишен недостатков.

В рассматриваемой повести автор ввел немало иероглифов, не входящих в лимит, чтобы только не прибегать к замене одних иероглифов каной при сохранении других иероглифов в одном сложном слове, т. е. чтобы не обращаться к способу *идакиавасэ*. Но надо сказать, что смешанное иероглифико-силлабическое написание многоморфемных слов по-своему полезно. Оно служит переходной стадией к письму чисто фонетическому. Читатель постепенно привыкает к словам, написанным без одного или нескольких иероглифов, а затем будет узнавать их в записи без единого иероглифа. В данной повести есть несколько примеров того, как слово первоначально пишется наполовину иероглифами, а наполовину каной, но затем только каной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Образцы смешанного письма идакинавакэ

鬚そり *hisosori* 'бритье' (そり вместо пероглифа 剃) —
стр. 170 (по повести Номы Хираси [1]).

手わけ *tewake* 'распределение' (わけ = 分) —
стр. 173.

足つき *asitsuki* 'походка' (つき = 付) — стр. 175.

木ぎわ *ki-gira* 'щетка' (ぎわ = 切) — стр. 198.

なき声 *nakigoe* - здесь 'ржание' (なき = 鳴) —
стр. 180.

つき出す *tsukidasu* 'высовывать' (つき = 突) —
стр. 176.

ホ-ロ-引 *horobiki* 'эмалированный' (ホ-ロ- =

珐瑯) — стр. 172.

II. Образцы написания сложных слов с заимствованным компонентом

靴ブラシ *kyoburasi* (靴цу 'сапоги', *бураси* [brush]

'щетка') 'сапожная щетка' — стр. 186.

パイ 罐 *пайкан* (*пай* [pie] 'наштет', *кан* 'банка') 'банка
паштета' — стр. 189.

III. Обозначение иероглифами заимствованного слова

煙草 *табако* [*tabacco*] 'табак', 'сигареты' — стр. 171.

IV. Фуригана

袴 ^{ズボン} *дзубон* 'брюки' (иероглиф 袴 обозначает слово
хакама 'штаны японского покроя') — стр. 184.

V. Фурикандзи

もちまん (餅饅頭) *мотиман* (*хэймандзю:*)
'сладкий пирожок' — стр. 188.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конрад Н. И., Хрестоматия японского языка, вып. III, М., 1949.
2. Соколов А. И., Явление аморфемности в японском письме, — сб. «Японский язык», М., 1963.
3. Кикүти Кан, Сэйсюн токай, изд-во «Синтё:сюппан», Токио, 1931.
4. Нома Хироэи, Курума-но ёру, изд-во «Сёбо:хан», Токио, 1959.

О ВЛИЯНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА ФОНОЛОГИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

В послевоенные десятилетия японский язык интенсивно заимствует иноязычную, особенно англо-американскую, лексику. Ассимилируясь, становясь органической частью японского языка, эти заимствования неизбежно должны оказывать влияние на японскую фонологическую систему (хотя бы потому, что вследствие простой и стабильной структуры японского слога сочетаемость фонем в японском языке сильно ограничена по сравнению с английским). Цель данного сообщения — исследовать изменения в фонологической системе японского языка, вызванные лексическими заимствованиями новейшего времени из английского языка. Материалом для этого исследования послужили японские словари, преимущественно «Варудо синго дзитэн» [9], и научно-технические тексты различного содержания¹.

В процессе заимствования лексики происходит взаимодействие фонологических систем двух языков. Система заимствующего языка — в данном случае японского — испытывает на себе воздействие фонологической системы языка, из которого лексика заимствуется, — в данном случае английского языка. Разные свойства японской фонологической системы проявляют различную устойчивость по отношению к воздействию извне. Незыблемыми остаются, например, принцип открытых сло-

¹ Данное сообщение является продолжением той работы по изучению закономерностей приспособления заимствованных слов к фонетическим средствам японского языка, которая проводилась в Экспериментальной лаборатории автоматизации перевода с японского языка Центрального научно-исследовательского института патентной информации [см. 2].

гов и фонетический состав языка (впрочем, И. В. Неуступны [см. 3, 154 и 162—163] констатирует появление губно-зубного V). А сочетаемость фонем в слогах и отношения между фонемами в парадигме довольно легко поддаются изменениям. По крайней мере все замеченные нами изменения относятся к этим двум сферам.

В описании фонологической системы японского языка существуют разногласия². Относительно фонемного состава мы исходили из описания, предложенного Н. А. Сыромятниковым [см. 5], с той только разницей, что мы исключаем из состава фонем исконной системы те фонемы, которые выделяются на основе анализа заимствованных слов. Таким образом, исконная фонологическая система содержит следующие фонемы: 35 согласных: *k, k', k'', g, g', s, s', sh, sh', z, j, l(ts), t, ch, ch', d, n, n', h(j), h', p, p', p', p', b, b', m, m', m', y, r, r', w*; 10 гласных *a, a', i, i', u, u', e, e', o, o'*; дифтонги *ai, ui* и дифтонги со вторым назализованным элементом: *an, en, on, in, un*.

В системе японского консонантизма наиболее широко представлена корреляция по палатальности [см. 7, 93—96]. Она охватывает все согласные фонемы. Противопоставление по признаку палатализации нейтрализуется перед *i* и перед *e*, причем перед *i* все согласные палатализуются, а перед *e* — нет. Корреляция глухость — звонкость охватывает пары: *k—g, s—z, sh—j, t—d,*

² Некоторые исследователи [см., например: 1, 180—183] считают, что фонология «слоговых языков» должна строиться на принципиально иной основе, чем фонология «неслоговых языков». Мы полагаем, что, хотя японскому языку в отличие от европейских языков свойственна стабильная структура слога, все же считать слог элементарной единицей не следует. Признание слога неделимым накладывало бы искусственное ограничение на детальное описание языка и лишало бы возможности сравнительного описания его фонологической системы. Даже такой факт, как расположение слогов при построении японского слогового алфавита «гедзюку» (по вертикали — слоги с одинаковым согласным элементом, по горизонтали — слоги с одинаковым гласным элементом), свидетельствует, что «фонетическое мышление» (термин Е. Д. Поливалова [см. 4, 89 и 95]) японцев способно выделять отдельные фонемы в структуре слога. Об этом же свидетельствует и процесс образования новых слогов под влиянием заимствований (см. ниже). Поэтому мы исходим из того, что элементарными единицами фонологической системы японского языка являются фонемы. Особенности строения слогов есть особенности системы отношений на множестве фонем.

ch—j, ts—z. Корреляция *p—f* по признаку способа образования нейтрализуется во всех позициях, кроме позиции перед *u*. Корреляция по долготе в исконной японской фонологической системе представлена очень ограниченно. Долгие фонемы в основном встречаются в наречиях, имеющих эмфатическое происхождение [см. 5, 305—309], и в ономатопоэтических словах. Удвоение же согласных на стыке морфем, возникающее в результате редукции узкого гласного в позиции между глухими согласными, нельзя рассматривать как фонологическое явление. Удвоение *m* в начале слова перед слогами *te, ta, to* можно рассматривать как стечение двух *m*, первое из которых является вариантом гласной фонемы *u* в этой позиции [см. 5, 347—348]. Согласный *f*, являющийся вариантом *h* в позиции перед *u*, не имеет ни одной коррелятивной пары. Полугласные *y* и *ɰ* также не имеют коррелятивных пар.

Японские словари фиксируют появление новых сочетаний в заимствованных словах [см. 9], причем иногда новое сочетание может быть представлено единственным словом. Однако поскольку это сочетание зафиксировано в словаре, его можно считать принадлежащим синхронному срезу японской фонологической системы. Распространится ли данное сочетание на большой объем слов, останется нераспространенным или исчезнет из языка,— это вопросы диахронического развития системы. Качественные изменения в системе на данном этапе ее развития важны сами по себе, какими бы незначительными в процентном отношении они ни были. Так, Е. Д. Поливанов писал: «Оставаясь в плоскости действительно реальных фактов, мы должны... иметь дело лишь со следующим: первый этап — отсутствие данного новшества, второй этап — появление этого новшества, и шаг от первого этапа ко второму, конечно, должен содержать сдвиг мутационного порядка» [4, 93].

В связи с заимствованиями в японском языке появились следующие новые сочетания фонем³:

³ В данной работе фонемы и слоги японского языка даются в старой ромадзи независимо от того, как они записаны в словарях-источниках. При переходе от одной транскрипции к другой мы пользовались таблицей соответствия русской транскрипции, каны и старой ромадзи, приведенной в «Большом японско-русском словаре» [8].

(1) *she*. Это сочетание довольно широко представлено в новой лексике японского языка в двух позициях: в начале и в середине слова. Пример:

she:ka (от англ. *shaker*) 'вибрационный грохот'.

(2) *je*. Это сочетание менее распространенное, но довольно устойчивое, в том смысле, что оно входит в ряд терминов, широко применяющихся в техническом подязыке. Примеры:

jet:o (от англ. *jet*) 'струя';

jenereshon (от англ. *generation*) 'генерирование'.

(3) *ti*. Это сочетание получило широкое распространение во всех позициях в слове. Примеры:

tipikaru (от англ. *typical*) 'типичный';

mo:tifu (от англ. *motive*) 'мотив';

a:tisuto (от англ. *artist*) 'художник';

kuo:riti (от англ. *quality*) 'качество'.

(4) *di*. К этому сочетанию относится все сказанное о сочетании *ti*. Примеры:

di:zeru (от англ. *Diesel*) 'Дизель' (фамилия);

sadisuto (от англ. *sadist*) 'садист';

redi (от англ. *lady*) 'леди'.

(5) *che*. Распространенное сочетание. Особенно много примеров на его употребление в начале слова. Примеры:

cherio (от англ. *cheerio*) 'всего хорошего!';

bachera (от англ. *bachelor*) 'бакалавр'.

(6) *fa, fi, fe, fo*. Все эти сочетания получили большое распространение (меньше других распространено сочетание *fi*). Примеры:

На сочетание *fa*:

faia (от англ. *fire*) 'огонь';

manuyufakuchua (от англ. *manufacture*) 'перерабатывать, производить';

gorufa (от англ. *golfer*) 'игрок в гольф'.

На сочетание *fi*:

fi:da (от англ. *feeder*) 'загрузочное устройство';

pirofi:ru (от англ. *profile*) 'профиль, контур'.

На сочетание *fe*:

fea (от англ. *fair*) 'ярмарка';

efekuto (от англ. *effect*) 'эффект';

inferioriti (от англ. *inferiority*) 'неполноценность, низкое качество'.

На сочетание *fo*:

foahando (от англ. *forehand*) 'передняя часть';

fo:maru (от англ. *formal*) 'формальный';

terefon (от англ. *telephone*) 'телефон'⁴.

(7) *ye*. Появление этого сочетания (в словаре встретилось всего одно слово) показывает потенциальную возможность заполнения «вакантного места» в ряду *ya, yu, yo*. Пример:

yesuman (от англ. *yesman*) 'подхалим'.

(8) *wi, we, wo*. Все эти сочетания довольно распространены преимущественно в начале слова. Примеры:

wit:o (от англ. *wit*) 'разум';

wi:ku (от англ. *week*) 'неделя';

we:bu (от англ. *wave*) 'волна';

derawea (от англ. *Delaware*) 'Делавэр' (штат США);

wo:ku (от англ. *walk*) 'прогулка';

worunat:o (от англ. *walnut*) 'грецкий орех'.

(9) *kua, gua, kue, kuo*. Данная запись слогов условна, поскольку мы не имели возможности точно определить качество второго звука. Японское фонетическое письмо передает это сочетание звуков знаками слоговой азбуки так, что первым двум звукам соответствует буква со вторым элементом *u*. И. В. Неуступны [см. 3, 157], впервые обративший внимание на эти сочетания, рассматривал их как необычные для японского языка сочетания двух согласных, второй из которых *w* — звонкий.

Независимо от качества второго звука важно, что фонологически эти сочетания выделяются как новые или вновь появившиеся в фонологической системе японского языка (Н. А. Сыромятников [см. 5, 313] указывает, что в старом японском языке были сочетания *kwa, kwo*, которые исчезли из центральных говоров к концу XIX в.).

Примеры:

guatemala (от англ. *Guatemala*) 'Гватемала';

kuik:u (от англ. *quick*) 'быстрый';

sukuea (от англ. *square*) 'квадратный, прямоугольный';

kuo:ta (от англ. *quarter*) 'четверть';

kuo:rity (от англ. *quality*) 'качество'.

(10) *tsi*. Это сочетание встретилось в словаре в единственном случае. Пример:

⁴ Нам встретился пример на сочетание *[yu:] - [yui:neraru]* (от англ. *funeral*) 'похороны'. Появление такого сочетания, возможно, свидетельствует о тенденции к образованию мягкой фонемы [ʃ].

tzi:do (от англ. *tweed*) 'твид' (материя).

Эти сочтения имеют разную степень ассимиляции, которая зависит от нескольких факторов.

Первый фактор: частота встречаемости фонем и сочетаний фонем в лексическом пласте заимствований из английского языка.

Второй фактор: необходимость создания в японском языке релевантных отношений, присущих системе английского языка.

Поскольку английский язык обладает бóльшим числом фонемных сочетаний, чем японский, при заимствовании неизбежны случаи возникновения омонимии в японском языке там, где в английском ее нет. Например, японскому слову *amba* соответствуют три английских слова: *Invar* 'инвар' (название сплава), *umber* 'умбра' (темно-коричневая краска), *amber* 'яштарь'.

Кроме того, иногда возникает омонимия между заимствованным из английского языка и собственно японским словом. Ср., например:

ana (сокращение от англ. *announcer*) 'диктор' и *ana* 'отверстие';

bando (от англ. *band*) 'пояс', 'оркестр' и *bando* 'окись алюминия'.

Появление новых фонемных сочетаний, по-видимому, обусловлено потребностью различить подобную омонимию.

Первый и второй факторы объясняют, в частности, почему ассимилируются наиболее трудные для японского произношения сочетания, в то время как более легкие отвергаются или получают меньшее распространение. И. В. Неуступны, ссылаясь на Каваками, приводит пример такой ассимиляции. Сочетания *fa, fi, fe, fo* гораздо более трудны для японского произношения, чем *tso, tso*, но распространены шире, чем последние. Причиной этого является, по-видимому, малоупотребительность сочетаний фонемы *ts* с гласными в лексическом пласте заимствований из английского языка [см. 3, 161 и 164].

Третий фактор: наличие вакантных мест в слоговых рядах. Новые фонемы возникают (по крайней мере возникали до настоящего времени) в связи с заимствованиями только из вариантов старых фонем (признаки вариантов одной фонемы приобретают функцию

смыслоразличения). При этом схема слоговых рядов как бы стремится к своему идеальному завершению и достройка рядов с одним вакантным местом происходит легче, чем достройка почти «пустых» рядов. Например, в ряду *sha, shi, shu, sho* в собственно японской фонологической системе только одно незаполненное место — слог *she*. В лексическом пласте заимствований из английского языка это сочетание достаточно распространено, а в системе японского языка нет никаких препятствий к появлению *sh* перед *e*. Более того, известно, что *she* есть в диалектах современного японского языка⁵. Гораздо труднее происходит ассимиляция сочетаний, заполняющих ряды, имеющие в собственно японской системе только одного представителя. Например, *f* раньше была позиционным вариантом фонемы *h* перед *u*. В настоящее время наблюдается процесс заполнения этого ряда, что следует рассматривать как превращение *f* в самостоятельную фонему.

Появление в японском языке новых сочетаний вызвало изменение в системе парадигматических отношений между фонологическими элементами. Исчезла нейтрализация корреляции по палатальности перед *e* в локальных рядах *s-sh, z-j, t-ch*. Ср., например:

sheri (от англ. *sherry*) 'херес' и *seri* 'аукцион';
jentoruman (от англ. *gentleman*) 'джентльмен' и *zento* 'перспектива';
chenji (от англ. *change*) 'изменять' и *tenji* 'экспонировать'.

Кроме того, наблюдается тенденция к стиранию нейтрализации по палатальности перед *i* пар фонем *t—ch, d—j*. Ср., например:

ribati (от англ. *liberty*) 'свобода' и *bachi* 'наказание';
dandi (от англ. *dandy*) 'дэнди' и *danji* 'беседа'.

Как уже указывалось, в собственно японской фонологической системе корреляция *p—f* существует только в позиции перед *u*.

В новой системе *f*, превратившийся из варианта в самостоятельную фонему, входит в коррелятивную пару *p—f* во всех позициях. Ср., например:

fan (от англ. *fan*) 'любитель' и *pan* 'хлеб';

⁵ По свидетельству Н. А. Сыромятникова, сочетание *she* встречалось в диалектах японского языка еще в XVII в. [см. 6, 75].

ŋinga (от англ. *finger*) 'палец' и *pin-ga* (от англ. *pin*) 'булавка';

ŋen (от нем. *Föhn*) 'сильный южный ветер' и *pen* (от англ. *pen*) 'перо';

ŋo:ku (от англ. *folk*) 'народ' и *po:ku* (от англ. *pork*) 'свинина'.

Та же фонема *ŋ* образует коррелятивную пару с фонемой *h* по признаку места образования. (Эта корреляция нейтрализуется перед *u*, причем представителем архифонемы *h/f* в данном случае выступает *f*.) Ср., например:

ŋaia (от англ. *fire*) 'огонь' и *haian* 'отвергнутый план';

ŋizu (от англ. *fizz*) 'шипение, свист' и *hizumi* 'быть изогнутым';

ŋeruto (от англ. *felt*) 'войлок, фетр' и *heruto* 'если сократить...';

ŋo:tu (от англ. *form*) 'форма' и *ho:tu* 'судебные дела'.

В новой фонологической системе в отличие от исконной системы, где противопоставление согласных по долготе носило в основном эмфатический характер, эта корреляция представлена широко. Она охватывает почти все согласные фонемы, включая звонкие взрывные *g:*, *d:* [см. 5, 320] и аффрикаты: звонкую *j:* и глухие *ch:*, *ts:* и *f:*. В исконной японской системе нет примеров даже на удвоение этих фонем на границах морфем. Таким образом, корреляция по долготе охватывает следующие пары: *k—k:*, *g—g:*, *s—s:*, *sh—sh:*, *j—j:*, *t—t:*, *ch—ch:*, *ts—ts:*, *d—d:*, *n—n:*, *f—f:*, *p—p:*, *m—m:*. Ср., например:

bak:asu (от англ. *Bacchus*) 'Бахус' и *bakasu* 'околдовывать'; *tonik:u* (от англ. *tonic*) 'тонизирующее средство' и *toniku* 'крюльчатина';

jog:i (от англ. *jag*) 'зубец' и *jogi* 'стандарт, линейка';

kis:u (от англ. *kiss*) 'поцелуй' и *kisuru* 'ожидать';

dash:u (от англ. *dash*) 'стремительное движение' и *dashu* 'рулевой';

roj:i (от англ. *lodge*) 'ложа' и *roji* 'дорожка';

set:o (от англ. *set*) 'направление' и *seto* 'пролив';

hach:i (от англ. *hutch*) 'бункер' и *hachi* 'восемь';

sets:uru (от англ. *settle*) 'приводить в порядок' и *setsu* 'резать';

kid:o (от англ. *kid*) 'лайка' (кожа) и *kido* 'калитка';
kan:a (от англ. *canna*) 'канна' (растение) и *kana*
'кана' (азбука);

daf:uru (от англ. *duffle*) 'снаряжение туриста' и *dafu*
'трус';

torip:u (от англ. *trip*) 'путешествие' и *toripuru* (от
англ. *triple*) 'тройной, тройственный';

gam:a 'гамма' (буква) и *gamashii* 'похожий на...';

В заимствованной лексике немало примеров употребления долгих *s:*, *b:*. Но нам не удалось подобрать такие коррелятивные пары, в которых только противопоставление *s—s:* и *b—b:* выполняло бы смысловозначительную роль. Согласные *z*, *h*, *r* не имеют коррелятивных пар по долготе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордина М. В., О различных функциональных звуковых единицах языка, — в кн. «Исследования по фонологии», М., 1966.
2. Зейналова С. С., Коханова Е. В., Пузакова Т. И., Самсонова Е. В., Отчет Экспериментальной лаборатории автоматизации перевода с японского языка Центрального научно-исследовательского института патентной информации, ч. VII, 1969 (машинопись).
3. Неуступны И. В., Иноязычные фонологические элементы в современном японском языке. — в кн. «Языковая ситуация в странах Азии и Африки». М., 1967.
4. Поливанов Е. Д., Статьи по общему языкознанию, М., 1968.
5. Сыромятников Н. А., Система фонем японского языка, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. 4, М., 1952.
6. Сыромятников Н. А., Становление новояпонского языка, М., 1965.
7. Трубецкой Н. С., Основы фонологии, М., 1960.
8. «Большой японско-русский словарь», под ред. Н. П. Конрада, М., 1970.
9. «Варудо синго дзитэн (Гайкоку кара кита синго, Нихон дэ дэки-та синго)», Токио, 1964.

О НЕКОТОРЫХ ФАКТАХ ДРЕВНЕЯПОНСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Данная статья состоит из отдельных самостоятельных заметок. В них суммируются различные наблюдения, сделанные нами при исследовании и переводе письменного памятника японской поэзии «Манъё:сю:» (VIII в.), а также при изучении японского народного театра и связанной с ним древней земледельческой обрядности.

Эти заметки не претендуют на окончательные выводы. Вопросы, затронутые в них, еще нуждаются в дополнительном рассмотрении и проверке. Наша цель -- привлечь внимание к материалу, который может пролить дополнительный свет на те или иные процессы в системе японского языка и литературы.

1. О префиксе *са* в песнях «Манъё:сю:»

В тексте памятника «Манъё:сю:» неоднократно встречаются слова (принадлежащие разным частям речи), в составе которых имеется префикс *са*. За немногими исключениями, на которых мы особо остановимся ниже, *са* обычно комментируется просто как префикс, без указания на его значение.

В «Манъё:сю:-дзитэн», составленном известным специалистом и знатоком «Манъё:сю:» академиком Сасаки Нобуцуна, в словарной статье *са* приводятся следующие слова с этим префиксом: *саэда, сагумори, сагоромо, садо:си, санасу, санаракува, санарабу, сани, саницурау, санинури, сану, санэгая, санэдо, санэхау, саноцудори, санохари, сабасиру, саманэси, саюрибана, саёнака, саёбаи, саватару, савараби, сао, саосика, саосикано, саодору, саобунэ* [17, 186].

Однако, как видно из этого перечня, здесь даны не только различные слова с префиксом *са*, но приведены разные формы одного и того же глагола (*сану, санасу, санаракуеа, санэдо*) и одного и того же существительного (*сассика, саосикано*).

При этом в перечне приводится слово *саёнака* (*са + ёнака* 'полочка') и не упоминается *саё* (*са + ё* 'вечь'), которое встречается в песнях памятника и выделено в отдельную словарную статью, где *са* поясняется как префикс тоже без указания значения [см. 17, 198]. Не упоминается в перечне и *саоцудори*, также выделенное отдельно.

В словарной статье *са* Сасаки Нобуцуна дает такое общее пояснение этому префиксу: «помещается в начале тайгея и ёгена и вносит порядок в созвучие слов» [17, 186]. Иными словами, он приписывает данному префиксу чисто фонетическую функцию.

Обычно в своих комментариях к песням памятника и в других статьях словаря он отмечает *са* просто как префикс. Однако имеются исключения. Так, в словарной статье *саэда* (*са + эда* 'ветка') он приводит два толкования *са*: 1) 'маленькая [ветка]' и 2) эпитетальный префикс [17, 186], который, судя по объяснениям, выполняет функцию пояснительного эпитета со значением 'красивый, прекрасный'.

В словаре «Кодзирин» можно найти косвенное пояснение *са* в слове *савараби* как префикса со значением 'ранний, молодой', поскольку в отличие от обычных толкований комментаторами «Манъё:сю:» этого слова (*савараби* — то же, что *вараби*, а *са* просто префикс, не имеющий значения) в «Кодзирине» говорится, что *савараби* — «мэ-о даситару бакари но вараби», т. е. «молодой, ранний побег папоротника» [8, 797].

Во всех остальных приведенных в перечне словах *са* поясняется просто как префикс, лишенный какого-либо смыслового значения.

Однако знакомство с японскими старинными народными песнями и земледельческой старинной обрядностью, сохранившимися в некоторых японских деревнях и в свое время исследованными нами на месте, в Японии [см. 1], а также изучение слов с префиксом *са* в контексте песен «Манъё:сю:» позволило нам соотнести некоторые из этих слов со словом *саотомэ*, в котором *са*

считается сокращением от *сацуки* 'месяц посадки [риса]' или 'пятый месяц по лунному календарю'¹.

Саотомэ — это главные действующие лица в обрядовых представлениях тауэ, совершающие посадку риса (т. е. пересаживающие ростки риса, взятые из питомника, на особо отведенное для этого священное поле — мита).

В описании этих обрядовых зрелищ и в песнях посадки риса слово *саотомэ* часто изображается тремя иероглифами: «пять», «месяц» и «девушка». Поэтому мы переводим слово *саотомэ* как 'майские девушки', исходя, кроме того, и из их роли в этих обрядах, аналогичной роли «майских королев» земледельческих народов Западной Европы (не говоря уже о том, что и теперь эти старинные обрядовые представления совершаются, как и в прошлом, в пятом месяце, т. е. в мае).

Важно отметить, что посадка риса является центральным и самым ответственным моментом при возделывании риса. От нее зависит весь дальнейший ход земледельческих работ и, следовательно, успех урожая. Этот акт до сих пор сопровождается обрядами, в разных местах разными. Это могут быть священнодействие посадки риса (тауэ-синдзи), пляски посадки риса (тауэ-одори), празднества посадки риса (тауэ-мацури) и т. д. [см. 18, 59—83].

Известный этнограф, фольклорист и диалектолог Янагида Кунио указывает, что во время посадки риса особенно чтят бога поля [см. 19, 358]. Он рассказывает, что в некоторых местностях Японии «майских девушек» (саотомэ) обмазывают грязью, взятой с рисового поля, и в этом усматривается пережиток древнего обычая, когда саотомэ бросали на покрытое водой рисовое поле и зарывали живыми, принося их в жертву богу поля и воды (поскольку рисовые поля заливаются водой, бог поля и воды представлял как бы единое божество)

¹ В словаре древнего японского языка Мацуока Синдзю этимология слова *сацуки* объясняется так: *са* в слове *сацуки* — сокращение от *сасу* 'втыкать, сажать [ростки риса]'; *цуки* — 'месяц'. Поэтому *сацуки* имеет смысл *санаэ-цуки* 'месяц посадки риса' (*са* от *сасу*; *наэ* — 'ростки [риса]', отсюда *санаэ* — 'рассада', т. е. ростки риса, которые из питомника пересаживают на поле) [см. 13, 254]. В известном словаре «Котоба-но идзуми» *сацуки* также поясняется как сокращение от *санаэцуки* и как название пятого месяца по лунному календарю [см. 12, 206].

[см. 20, 138]. Таким образом, подобно древним обычаям Египта, где разряженных девушек (их называли «невестами Нила») в качестве жертвы бросали в воды Нила, чтобы вызвать сильный разлив, который приносил обильную жатву, в древней Японии существовал, по-видимому, обычай отдавать саотомэ в жены богу поля.

Впоследствии этот обычай сменили брачные игрища на полях. В связи с этим небезынтересно привести мнение японского этнографа Накаяма Таро, который считает, что слово *унэмэ* (в VII—VIII вв. *унэмэ* — придворные красавицы, прислуживающие при дворе во время пиршеств, часто наперсницы императрицы, избиравшиеся сначала из среды деревенских красавиц, а затем из семей провинциальных чиновников) — это видоизмененное *инэмэ* 'рисовые жены' или 'жены риса' (т. е. девушки, которых первоначально приносили в жертву богу поля) [см. 14, 25].

Из истории других земледельческих народов известны разного рода бракосочетания с божеством поля, риса и т. д., а также брачные игрища на полях, сопровождающие земледельческие обряды.

Подобные игрища существовали и в древней Японии. В IX книге «Манъё:сю:» есть песня (1759), рассказывающая о хороводах и песнях у зажженного костра, которые кончались брачными играми. Это происходило обычно на горных полях, и одним из знаменитых мест брачных игрищ была гора Цукуба, о чем говорится и в «Манъё:сю:», и в «Фудоки» [см. 3, 35].

Учитывая, какое важное место занимает с древних времен посадка риса в японской земледельческой обрядности, естественно предположить, что этот обряд не мог в том или ином виде не оставить каких-либо следов и не получить отражения в народной поэзии «Манъё:сю:».

Отметим также, что и народная поэзия памятника и эти старинные обрядовые представления одинаково восходят к позднему периоду разложения родового строя (удзи).

Все сказанное выше позволяет соотнести слова с префиксом *са* в песнях памятника со словом *саотомэ* и высказать предположение, что в некоторых случаях *са* в этих словах может быть также сокращением от *сацуки* 'месяц посадки риса', 'пятый месяц, май'. Нужно

только учесть, что иногда это может иметь значение мая месяца, а иногда майской обрядности, связанной с посадкой риса. В японском обрядовом быту это не одно и то же. Дело в том, что обрядовая посадка риса всегда предшествует обычной посадке риса в мае месяце. А празднование месяца посадки риса, так называемое сацуки-иваи, происходит иногда и в самом начале года, в январе [см. 19, 237].

Характерно, что слова с префиксом *са* встречаются главным образом в народных песнях памятника: в книге XIV, где помещены песни восточных провинций, записанные на местном диалекте, в книге XIII, которая содержит древнюю народную поэзию западных провинций, и, наконец в народных песнях книг IX, X, XI, XII.

Интересно также указать, что ряд слов с префиксом *са* встречается в песнях провинции Хитати, в которых воспевается гора Цукуба. В частности, слово *сагоромо* (*са* + *горомо* / *коромо* 'платье, одежда') находим именно в такой песне.

Следует заметить, что в народных песнях и при описании земледельческих обрядов посадки риса (*тауэ*) говорится об особых «майских платьях», которые надевают во время *тауэ*. Янагида Кунио указывает, что перед обрядовой посадкой риса *саотомэ* готовят себе платья, которые называются *сацуки-кимоно* 'майская одежда, майское платье' [см. 19, 470].

Речь идет о современном названии. В старом же языке платье, одежда, называлось *коромо*. Поэтому в старину могли называть эту одежду *сацуки-коромо* или *сацукигоромо*. В коротких же песнях — пятистишиях это сложное слово, по-видимому, могло сократиться, по примеру слова *саотомэ* в народных песнях, и произносится *сагоромо*.

Некоторые песни в «Манъё:сю», в которых встречается данное слово, прямо указывают на связь с брачными играми, характерными для земледельческих обычаев японской старины.

Книга XIV, песня 3394:

Сагоромо-но	Если б я забыл
Оцукуба нэро-но	Уступы горные
Яма-но саки	Горы Цукуба
Васуракоба косо	В майских одеждах,
На-о какэнавамэ	Вряд ли я называл бы твое имя.

Судя по следующим за этой песней двум другим песням², можно уяснить, что речь идет о воспоминании, связанном с брачными играми на горе Цукуба.

Слово *сагоромо*, в песне 3394 рассматривается как *макура-котоба*, т. е. постоянный зачин или эпитет к названию горы *Цукуба* (в данном случае *Оцукуба*). Обычно эту постоянную связь сводят к формальному моменту, рассматривая *сагоромо-но* как окаменевший зачин без связи с содержанием песни в целом, употребленный здесь лишь потому, что префикс *о* в слове *Оцукуба* омонимичен слову *о* 'шнур', 'завязки'.

Полагаем, что это позднейшее толкование. Поскольку гора *Цукуба* является известным местом брачных игр и обрядовых хороводов, то значение 'майская одежда' у слова *сагоромо* вполне укладывается как постоянный образ в системе обычных представлений, связанных с горой *Цукуба*.

На такие раздумья наводит и еще одна песня со словом *сагоромо*, помещенная среди народных песен западных провинций в книге XII и связанная с кругом тех же представлений.

Книга XII, песня 2866:

Хитодзума-ни	Чужой желе
Иу ва та-га кото	Сказанные - чьи слова?
Сагоромо-но	— «У майского платья
Коно химо токе то	Этот шнур развяжи» —
Иу ва та-га кото	Сказанные — чьи слова?

Надо отметить, что обрядовые хороводы, заканчивавшиеся брачными играми, существовали и в восточных, и в западных провинциях. Только в западных провинциях их называли утагаки, а в восточных — кагах или каган.

² Книга XIV, песня 3395:

Оцукуба-но	С ночи той, когда луна восходила
Нэро-ни цуку таси	Над горой Цукуба
Анта ё-ва	И встречались мы,
Савада парину о	Много времени уже минуло,
Мата нэтэму камо	Будем ли мы снова спать с тобой?

Книга XIV, песня 3396:

Оцукуба-но	Словно птицу из дремучей чаши
Сигэки ко-но ма-ё	На горе Цукуба, птицу, что летит,
Тацу торн-но	Только взглядом, что ли.
Мэ-ю ка на-о миму	Буду провожать тебя.
Санэдзаранакү ни	А ведь вместе спали мы с тобой...

Стоит еще упомянуть, что в народной песне, исполняемой во время старинной пляски эмбури, которая рассматривается как разновидность пляски посадки риса, есть следующие строки:

...Сиро-о каку ни ва сиро-но ма	...Чтобы поле вспахать, ло-
Хана-но коваки-но о ма-о ёбу	шадь белую,
Муко-ни сайсэн торасэру	Лошадь всю в цветах позо-
Камакура-но сёдомэ ³	вем сюда,
Сацуки мэсита катабира...	Жениху же палку дадим ⁴ .
	А на платьях, надеваемых в
	мае месяце
	Саотомэ из Камакура...

Речь идет о женихе, следовательно, о каком-то свадебном обряде, и о саотомэ в одеждах, надеваемых в мае, т. е. об особых обрядовых одеждах (*сацуки мэсита катабира* 'полотняные платья, надеваемые в месяце посадки риса').

Все высказанные предположения требуют, разумеется, дальнейшего изучения и проверки. Однако даже приведенный материал дает некоторые основания для предположения, что префикс *са* в слове *сагоромо* является сокращением от слова *сацуки*.

Полагаем, что и в слове *сагумори* (*са* + *кумори/гумори* 'облачность') префикс *са* имеет то же значение.

Слово *сагумори* встречается в песне 3310, в книге XIII. Интересно, что в словаре «Котоба-но идзуми» имеется выражение *сацукиями* 'майская тьма'. Так называют особенно темные ночи, какие бывают обычно в мае месяце в период дождей. Эти ночи настолько темны, что стали даже постоянным эпитетом (макура-котаба) к слову *кура* 'тьма'.

Кроме того, в словарях встречается слово *сацукибарэ* 'прояснение во время майских дождей' и заслуживающее в данном случае особого внимания слово *сацукиамэ* 'майский дождь'. Это слово дается обычно со ссылкой на слово *самидарэ* [*са* + *ми* 'вода' + *дарэ* (от *тарэру* 'капать')], которое толкуется тоже как 'майский дождь' и, следовательно, *са* в слове *самидарэ* можно считать сокращением от *сацуки* 'май месяц'.

³ *Сёдомэ* — диалектный вариант *саотомэ*.

⁴ Поясняется, что палку дают вместо вожжей, чтобы погонять лошадь.

Все эти данные позволяют предполагать, что префикс *са* в *сагумори* также является сокращением от *сацукки*, а слово *сагумори* означает 'майская облачность'. Поскольку в этот период идут дожди (сацуккиамэ, или самидарэ), то для данного месяца должна быть характерна и облачность, пасмурность, что, по-видимому, и было отражено в этом слове.

Высказанное нами предположение подтверждается и контекстом песни, где говорится: *Сагумори амэ ва фурики* 'Майский свод заволокло (букв. майская облачность {есть}), и дождь пошел' — картина, характерная для этого месяца.

Любопытно, что в этой песне кроме *сагумори* встречаются и другие слова с префиксом *са*, в частности — *саё*.

Полный текст песни такой:

Коморику-но	В запертую среди гор.
Хацусэ-но кунни-ни	В эту малую страну — Хацусэ,
Саёбай-ни	Когда пришел.
Ва-га курэба	Чтобы взять себе жену,
Танагумори	Небо сплошь заволокло —
Юки-ва фурики	Вот и снег пошел.
Сагумори	Майский свод заволокло —
Амэ-ва фурику	Вот и дождь пошел.
Ноцутори	Птицы, что живут в полях, —
Кигиси-ва тоёми	То фазаны [здесь] кричат.
Иэцутори	Птицы, что живут в домах, —
Какэ-мо паку	Петухи [тесерь] кричат.
Саё-ва акэ	Майской ночи вышел срок.
Коно ё-ва акэну	Эта ночь к концу идет.
Иритэ кауу нэму	Я хочу войти и лечь,
Коно то хиракасэ	Так открой [мне] эту дверь!

Речь идет о тайном супруге, о чем свидетельствует ответная песня возлюбленной, которая боится, чтобы родители не узнали о его приходе. В ответной песне она называет его *комори-цума*, что значит 'тайный супруг' (или 'тайная супруга'). Возможно, речь идет о супруге брачных игр, который пришел в дом к своей возлюбленной из другого села, так как в сопутствующей короткой песне говорится о том, что он приехал на коне. Он говорит, что майская ночь идет к концу, повторяет это в двух строках и просит открыть ему дверь и впустить его. Отсюда возникает предположение, что, возможно, во время майской ночи, в период, когда совершали посадку риса, разрешались любовные встречи, про-

исходили брачные игры, заключались браки. И он поэтому просит скорее влустить его, пока не кончилась майская ночь.

Если считать, что префикс *са* в слове *сагумори* есть сокращение от *сацуки*, напрашивается такое же толкование префикса в слове *саё* (*са* + *ё* 'ночь'). Текст песни подтверждает, что *саё* не просто ночь, а особая ночь.

В той же песне 3310 имеется еще одно слово с *са* — *саёбаи* (*са* + *ёбаи*). По-видимому, и здесь *са* является сокращением *сацуки*.

Слово *ёбаи* имеет разные толкования. Произошло оно от слова *ёбу* 'звать': мужчина после хороводов звал свою избранницу провести с ним ночь. Затем этим словом стали называть сватовство, когда шли звать в жены девушку из другой деревни. Кстати, в связи с этим очень интересно указание Н. И. Конрада в его работе «Лекции по истории Японии» на то, что жители соседних селений заключали браки во время утагаки или кагаи [см. 5, 12]. Позже словом *ёбаи* начали называть тайные свидания, тайную связь без согласия родителей [см. 19, 661] и стали изображать это слово не иероглифом «звать», а двумя иероглифами — «ночь» и «ползти» (ползти ночью, т. е. делать что-то украдкой). Но первоначально оно было, по-видимому, связано с майской обрядностью.

Скопление в одной песне ряда слов с префиксом *са*, ситуация, представленная в песне, и все изложенные выше данные дают основание предполагать, что во всех словах этой песни *са* является сокращением от *сацуки*. Но, разумеется, это — предположение, нуждающееся в дальнейшей проверке.

Рассмотрим теперь префикс *са* в слове *сану* (*са* + *ну* 'спать'). В словаре Сасаки Нобуцуна в отдельной словарной статье *сану* поясняется как *нэру* 'ложиться спать, засыпать', а *са* отмечается просто как префикс без указания значения [см. 17, 194].

В словаре «Кодзирин» *сану* поясняется как *ину*, а *ину* — как *нэру* 'ложиться спать', 'засыпать' [см. 8, 101].

Но в словаре древних слов «Котоба-но изуми» *сану* толкуется иначе: 'ложиться вдвоем' (о муже и жене) или 'спать вместе, разделять ложе' (о мужчине и женщине) [см. 12, 610]. Характерно, что такое значение дается именно в словаре древних слов.

И не случайно этот глагол встречается в народных песнях «Манъё:сю:» именно в книге XIV, где упоминается гора Цукуба — известное место брачных игр (см. песни 3396, 3461, 3497 и др.), а также в народных песнях книги XI, относящихся к циклу айгикоэ-но ута, или сомон, т. е. к песням-переключкам, которыми обменивались женская и мужская сторона во время ведения хороводов (см. песню 2782 и др.).

Любопытно, что Сасаки Нобуцуна, поясняя в словаре *сану* как *нэру*, тем не менее при объяснении содержания песен «Манъё:сю:» толкует *сану*, как и другие комментаторы, — 'спать вместе с милой (милым)'.¹

В позднейшем издании комментированного текста «Манъё:сю:», в серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй» под редакцией известного современного филолога Такаги Итиноскэ [см. 15], *сану* в песне 2782 толкуется также как 'спать вместе с милой (милым)'. Аналогичным образом объясняется *сану* в песнях 3461, 3497 и др.

Только допустив, что *сану* связан с брачными играми, во время майской посадки риса, можно объяснить назначение префикса *са* в этом слове и последующее толкование данного глагола как 'спать вместе с милым (милой)'.²

Учитывая историческую протяженность песен «Манъё:сю:» (даже по датированным песням свыше 400 лет), естественно допустить, что глагол *сану* может встречаться в песнях памятника в разных значениях: и в первоначальном, когда речь шла о связи с майской обрядностью, и в более позднем значении, когда уже утратилась эта конкретность и появилось более общее значение 'спать вместе с милым (милой)', и, наконец, в позднейшем значении, равном значению глагола *нэру* 'спать, засыпать'.³

В огромном материале японского древнего и средневекового языка за пределами «Манъё:сю:», вероятно, преобладают уже последние случаи, и это, по-видимому, позволило Сасаки Нобуцуна в словарной статье отождествить этот глагол с глаголом *нэру*, толкуя его в то же время в песнях памятника, исходя из контекста песен, в более раннем значении.

Однако это уже лежит за пределами наших задач и подлежит особому изучению.

Рассмотрим теперь слово *саюрибана* (*са* + *юрибана*)

'цветы лилии'). Полагаем, что и здесь префикс *са* — сокращение от *сацуки*. Речь идет о цветах лилии, которые расцветают в мае месяце, либо связаны с майской обрядностью.

Из песен «Манъё:сю» известно, что лилии употреблялись для гаданий в обрядах и, возможно, по аналогии с другими растениями — в заговорах. Недаром слово *юри* значит также 'после, потом', 'в будущем', а сами цветы могли быть приметой будущей встречи.

Характерны даты песен, в которых воспеваются саюрибана. Песни эти встречаются в книге XVIII (песни 4086—4088), т. е. уже в литературной поэзии. В заголовке к песням говорится, что чиновники из управления провинции собрались в доме секретаря Хата Иватакэ и пиروвали. Во время пира хозяин, сплетя три венка из саюрибана, положил их на поднос и подал самым почетным гостям, которые сложили по этому поводу песни, выражая в них пожелания «встретиться потом», поскольку об этом говорят саюрибана.. Имеется и дата, когда это происходило, — девятый день пятого месяца, т. е. мая (сацуки). И следовательно, вполне можно предположить, что *саюрибана* есть *сацуки юрибана* 'майские лилии'.

Подтверждают это предположение о значении *са* и две другие песни той же книги (4113 и 4115), в которых упоминаются саюрибана и которые также сложены в мае месяце, о чем указывается в заголовке. Полагаем, что это не случайное совпадение.

Кроме того, хотим обратить внимание на то, что в песнях «Манъё:сю» встречается слово *сабаэ* (*са + хаэ/баэ* 'мухи'). Изображается это слово в тексте тремя иероглифами: «пять», «месяц» и «муха». Другими словами, иероглифы поясняют, что *са* в данном слове является сокращением от *сацуки* 'пятый месяц, месяц май'. В комментарии поясняется, что речь идет о майских мухах. Возможно, что *са* и в слове *саюрибана* представляет собой такое же сокращение.

Остановимся еще на словах *саодори* (*са + одори* 'пляска') и *саодору* (*са + одору* 'плясать'). Полагаем, что *са* — здесь также сокращение от *сацуки*.

Встречается слово *саодори* в песне 4148 (кн. XIX):

Суги-но ну-ни
Саодору кигиси

[В мае] пляшущий фазан на поле Суги.
Не скрываясь, громко в крик кричит.

Итисироку
иэ-ни симо пакаму
коморицума ка мо

Тайная жена
Навряд ли будет плакать
Так громко и так явно для других.

Интересно примечание к этой песне, в котором указывается, что фазанов называют *комори-цума* 'тайные супруги' за то, что они обычно прячутся в траве. Образ «комори-цума» — «тайных супругов» (см. также упомянутую выше песню 3310), по-видимому, возник в системе образов, связанных с брачными игрищами, когда в траве прятались брачные пары. Отсюда, возможно, появился и образ «вакагуса-но цума» — «жены (мужа) в молодой (или весенней) траве», но на этом мы остановимся ниже особо.

Поскольку в данной песне говорится о тайной жене брачных игрищ, связанных с майской обрядностью, то взято не просто слово *одору* 'плясать', а именно *саодору* 'плясать в мае месяце'. Это позволяет соотнести два образа — «саодору» и «комори-цума». Причем напомним, что в песне 3310 *комори-цума* также встречался со словами, имеющими префикс *са* в значении *сацуки*.

К этому еще следует добавить, что фазан (кигиси) — образ, связанный с майскими полями. Его называют также *ноцутори/нуцудори* 'полевая птица', или *саноцутори/сануцудори*, т. е. *са-ноцутори/нуцудори* 'полевая птица'. Полагаем, что в последнем случае речь идет о птице майских полей, по аналогии с *сабаэ* 'майские мухи'.

Мы рассмотрели здесь не все слова с префиксом *са*, но это и не входило в нашу задачу. Это не специальное исследование, а всего лишь заметки, которые могут служить поводом для дальнейших поисков и исследований. Мы хотели лишь обратить внимание на некоторые явления, истоки которых не всегда сохраняются в памяти позднейших поколений.

II. О запретах на имена и о некоторых особенностях употребления личных местоимений

В памятнике «Манъё:сю» обращают на себя внимание несколько своеобразные указания на время правления того или иного императора.

Так, например, время правления императора Юряку (457—479) обозначалось как «время правления верхов-

ного владыки⁵, ведавшего Поднебесной (т. е. Японией) во дворце Асакура, в Хацусэ».

Время правления императора Дзёмэй (629—641) обозначалось как «время правления верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Окамото, в Такэти».

Когда же император Дзёмэй и вслед за ним императрица Саймэй царствовали в одном и том же дворце, то правление императрицы обозначали как «время правления верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Окамото в последующее время».

Время правления императора Тэндзи (662—671) обозначалось как «время правления верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Оцу, в провинции Оми».

Время правления его младшего брата — императора Тэмму (673—686) обозначалось как «время правления верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Киёмц, в Асука», а время правления императрицы Дзито (687—696) — как «время правления верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Фудзивара» и т. д.

Обозначение времени правления императоров через указание на местонахождение их дворцов объясняется тем, что по древнему японскому обычаю с приходом к власти нового императора особым гаданием определяли наиболее благоприятное место для его пребывания и на этом месте строили новый дворец. Только в VIII в., следуя китайским обычаям, впервые утвердили столицу Нара как постоянный центр страны.

Такие описательные обозначения времени правления императоров связаны, видимо, также с существованием религиозных запретов на имена, так как, по древним японским верованиям, произнесение имени могло навлечь беду на его носителя. Наличие таких словесных табу подтверждается рядом песен «Манъё:сю:».

⁵ Верховный владыка (сумэра-микото) — обычный титул императоров, которым, согласно древним мифам, приписывалось божественное происхождение. Император (этим принятым в японоведении переводом слова *тэнно* пользуемся здесь условно) был в те времена вождем общеплеменного союза, объединяющим функции правителя страны и верховного жреца (*мия* обозначало и 'дворец', и 'храм').

В статье Н. П. Капула «К вопросу об этимологии и структуре японских имен собственных» приводится ссылка на японские источники, в которых также говорится о существовании в древней Японии табу, запрещавшем произносить вслух настоящее имя вторых и третьих лиц, чтобы не принести им какого-либо вреда [см. 4, 45]. И более того, в статье указывается, что японские исследователи считают, что настоящие имена древнейшего периода остались неизвестными последующим поколениям [см. 4, 43—44].

Из песен «Манъё:сю:» выясняется интересный факт: в старину существовала «вера в душу слова» (котадама-синко), т. е., другими словами, вера в божественную силу слова, в магию слов. Отсюда — особое значение, которое придавалось произнесению имени. Для девушки, например, произнесение имени было равносильно согласию на брак. Девушка не смела произнести свое имя постороннему, так как назвать себя кому-либо значило доверить ему свою судьбу, свою жизнь.

Этот обычай отражен в ряде песен памятника. Песня I в книге I рассказывает об императоре Юряку, который просит юную девушку, собирающую съедобные травы, сказать свое имя. Юряку говорит ей, что он — могущественный правитель страны и что ему она может довериться. Кстати, в том, что Юряку — автор этой песни, сомневаются. Считают, что это обработанная запись народной песни, поскольку мотив этот характерен для народных песен и очень в них распространен.

В книге V странник обращается к рыбацкам и спрашивает их: «Как по имени мне вас назвать?» И те отвечают: «Только тем, кто ищет раковины здесь, мы охотно подаем от сердца весть. Странникам, кому постель — трава, мы своих имен не назовем» [6, 500]. Сказать имена они могут только тем, кого знают, кто вместе с ними занимается тем же делом. Постороннему — имен не говорим.

В книге XI, в песне 2441 также отражен обычай словесных запретов на имена. Автор песни пребывает в страхе, что произнес имя своей возлюбленной, т. е. то, что должен был свято хранить.

Любопытна в свете такого обычая песня 3730 в книге XV, автор которой назвал имя милой богам дороги, принося им дары. Дело в том, что богам дороги было

принято доверять свои заветные мысли, желания, имена близких людей, прося для них защиты и покровительства.

Характерны в этом смысле названия трав, которые употребляли, по-видимому, для любовных заговоров, например, трава «Скажи имя».

Примером такого любовного заговора может служить песня 3077 в книге XII из народных песен западных провинций:

Мисаго иру	Там, где птицы мисаго,
Арисо-ни оуру	На берегу каменистом
Нанорисо-но	Зеленые травы «Скажи свое имя».
Еси на-о норасэ	И пусть так случится, скажи свое имя,
Оя-ва сиру томо	Пусть даже родители знают об этом!

Этот же мотив встречается в песне 362 (книга III) знаменитого поэта Акахито:

Мисаго иру	Там, где птицы мисаго,
Исоми-ни оуру	В изгибах прибрежных
Нанорисо-но	Зеленые травы «Скажи свое имя».
На-ни нораситэ ё	И ты их послушай, скажи свое имя,
Оя-ва сиру томо	Пусть даже родители знают об этом!

В следующей песне 363 приводится еще один близкий вариант этой песни:

Мисаго иру	Там, где птицы мисаго,
Арисо-ни суру	На берегу каменистом
Нанорисо-но	Зеленые травы «Скажи свое имя».
Нанори-ва норасэ	И ты их послушай, себя назови мне,
Оя-ва сиру томо	Пусть даже родители знают об этом!

Если первая песня — любовный заговор, то, возможно, что две последующие песни — просто непосредственное обращение к любимой с просьбой назвать свое имя, т. е. дать согласие на брак, доверить свою судьбу.

Трудно утверждать что-либо с полной уверенностью, но несомненно, что все эти песни отражают одно и то же бытовое явление — словесные запреты на имена, которые девушки говорят только своим избранникам.

В связи с разговором о запретах на имена необходимо обратить внимание на то, что среди поэтов «Манъёсю» нельзя назвать ни одного имени в подлинном значении этого слова.

Дается родовое имя и описательная формула разного вида вместо имени. Например, имя знаменитой поэтессы *Отото-но Саканоэ-но ирицумэ* по сути означает 'госпожа (или девица) Отото (родовое имя, фамилия) из Саканоэ (название местности, откуда происходит поэтесса)'. И лишь впоследствии название местности приобретает значение имени — *Отото Саканоэ*.

Другой из авторов «Манъёсю» — дочь Отото Саканоэ — обозначается в памятнике как «старшая дочь Отото [из] Саканоэ» (песня 584). А ее перодная дочь называется «старшая дочь Отото из Тамура (местность, где она родилась)» (песня 756).

Ряд поэтесс обозначается как «девица из такого-то рода или дома», например: «девица из дома Каса» (песня 395 и др.), «девица из дома Ки» (песня 643 и др.), «девица из дома Исикава» (песня 97 и др.) и т. д.

Иногда женщины обозначаются по отцу: «дочь Соло Икуха» (песня 124 и др.), иногда по мужу: «жена Какнотомо Хитомаро» (песня 504), «жена Такэти Курохито» (песня 291), «жена Тагима Маро» (песня 43), «жена Фудзивара Сукунамаро» (песня 4491) и т. д.

Иногда указывается придворное звание: «старшая придворная дама высокого ранга из дома Исикава» (песня 518 и др.), «придворная дама из дома Агатаоникан» (песня 4235).

Можно встретить указание на то, что данная песня сложена младшей сестрой императора Нинтоку (песня 489) или младшей сестрой Отото Якамоти (песня 4184), что автор песни — приближенная принца Нинтабэ (песня 3835) или приближенная принца Саи (песня 3857).

Следует отметить, что имена принцесс часто совпадают с названиями местностей, которые встречаются в памятнике. Невольно, по аналогии с другими примерами, приходит мысль, что они названы по той местности, где родились или жили. Например: принцесса Камо (песня 556), принцесса Касануи (песня 1611), принцесса Авата (песня 4060), принцесса Коти (песня 4059), принцесса Ки (песня 390 и др.), принцесса Унаками (песня 531), принцесса Хинокума (песня 202), принцесса Тадзима (песня 114 и др.).

Иногда автор песни обозначается как «супруга из дома Фудзивара» (песня 104) и при этом поясняется, что она также зовется «главная хозяйка Фудзивара»

или «главная хозяйка Хигами (название местности)», но имя ее не указывается, а в комментарии поясняется, что речь идет о супруге императора.

Что касается унэмэ (см. в начале статьи), то в комментариях даже есть специальное указание, что их звали по местности, откуда они были родом.

Так, вместо имени в заголовках указывается: «унэмэ из Суруга» (песня 507), «унэмэ из Тэсима» (песня 1026) или «укарэмэ (веселая женщина) из Камо» (песня 4272).

Полагаем, что и здесь определенную роль играли словесные табу на имена.

Поэтому, вероятно, из 4516 песен памятника только в двух песнях можно встретить женское имя: в одном — как упоминание, в другом — как обращение (песни 95 и 110 в книге II).

Но даже в этих двух случаях примеры не совсем обычные. В первой песне речь идет об унэмэ, которую министр двора сделал своей наложницей, а по поводу другой песни комментатор Коносу Морихиро отмечает, что в данном случае это прозвище девицы из дома Исикава, а не имя [см. II, 133], и это указывается в примечании после заголовка в тексте памятника.

Таким образом, и эти две песни являются непоказательными и представляют собой не правило, а исключение.

Как правило же, в песнях имена не употребляются.

Возлюбленный, обращаясь к любимой, пользуется выражением *ваги моко*, или сокращенно — *ваги мо* 'моя любимая, моя милая' букв. 'моя младшая сестра'. А возлюбленная, обращаясь к любимому, пользуется выражением *вага сэко*, или сокращенно — *вага сэ* 'мой любимый, мой милый' букв. 'мой старший брат'.

В песнях восточных провинций можно встретить вместо *вага сэко* — *сэнана*, вместо *ваги мо* — *вага кора*.

Но чаще всего вместо имени используются личные местоимения: *кими* 'ты' — в отношении возлюбленного и иногда (реже) в отношении возлюбленной; *ка* 'ты' в отношении любимой и иногда (реже) в отношении возлюбленного. Иногда в старом языке местоимение первого лица *варэ* 'я' употребляется в значении 'ты'.

Таким образом, вместо имен при обращении часто используют личные местоимения. И это навсегда оста-

лось характерной чертой японской разговорной речи.

Как известно, муж в современном быту обычно обращается к жене и окликает ее не по имени, а пользуется личным местоимением *омаэ* 'ты'. Она также обычно не называет его по имени, а пользуется, обращаясь к нему и окликая его, местоимением *аната* 'вы'. Братья и приятели, окликая друг друга и обращаясь друг к другу, часто употребляют не имя, а личное местоимение *кими* 'ты'.

Эта характерная черта современной разговорной речи, вероятно, в какой-то степени может быть объяснена древней традицией, вызванной в далеком прошлом словесным запретом на имена.

III. О толковании некоторых песен «Манъё:сю»

1. Заслуживает внимания песня 3386 в книге XIV, в которой помещены записи песни восточных провинций.

Текст в обычном понимании японских исследователей такой:

Ниодори-но	(Первая строка — окаменевший зачин)
Каусука васэ-о	Пусть совершают священный обряд
Низсу томо	Вкушения первого риса в Каусука,
Соно канасики-о	Своего любимого
То-ни татэмэ я мо	Заставляю ли стоять за дверьми?

В песне отражен древнейший обычай и древнейший народный праздник вкушения первого риса — ниивамэ-сай. В старину в японских деревнях, когда кончалась жатва, первые колосья в благодарность за урожай риса подносили в храм богам, охранявшим данное селение⁶, и вкушали в коллективной трапезе первый рис. Этот праздник и обряд очень чтились. В ночь этого праздника налагались очистительные запреты. В эту ночь не полагалось впускать никого чужого в дом, нужно было избегать встреч с чужими людьми, налагались любовные запреты. В ночь перед праздником возбранялись свидания и любовные встречи, тщательно за-

⁶ Любопытно, что подношение первых колосьев называли *хацуло* ('первые колосья'). И когда стали заменять это благодарственными денежными приношениями в храмы, то по-прежнему и эти благодарственные подношения именовали *хацуло*.

крывались на запоры двери, чтобы никто чужой не проник в дом.

Зачин песни *ниодори-но* имеет разные толкования. Одни толкуют *ниодори* как макура-котаба к *Кацусика* (название местности) и считают, что оно обозначает особую породу диких уток, называемых также *кайцубури*. Употребление слова *ниодори* в качестве зачина к слову *Кацусика* объясняется в этом случае тем, что утки *ниодори* надолго погружаются в воду, ныряют — по-японски *кадзуку* ('нырять'). Из фонетической близости *кадзуку* 'нырять' и географического названия *Кацусика* возникает привычная связь между этими словами, превращающая *ниодори* в постоянный зачин к *Кацусика*.

Однако эта связь в данном случае, хотя и имеет подспудный смысл, кажется очень искусственной в контексте песни.

Между тем в других японских источниках имеется материал, который гораздо убедительнее объясняет эту связь.

Так, выясняется, что в старинном японском труде поэта и исследователя монаха Кэнсё «Сю:тю:сё:», представляющем собой ценный лексический комментарий к словам старинных песен, есть указание на то, что слово *ни[x]одори* есть измененный вариант *ништори* 'новый (первый) сбор [риса]', *нии* — 'новый, свежий' (в данном случае — 'первый'), а *тори* — 'сбор [риса]'.

При таком истолковании слова *ниодори* понятна его связь как зачина с последующими словами — *Кацусика* (так как местность *Кацусика* славится скороспелым рисом) и *васэ* 'скороспелый рис', а также с основной канвой песни, в которой говорится об обряде подношения богам первого сбора риса.

Аналогичное объяснение *ниодори* встречается в капитальном труде Фудзивара Киёскэ «О:гисё:», посвященном комментариям «Манъё:сю:», «Кокинсю:» и вообще проблемам поэтики и поэтического стиля. Такое же толкование данного слова дает в своем труде «Мумё:сё:» Камо Тёмэй — автор знаменитых «Записок из кельи».

На основании такого толкования песня, вернее ее содержание, приобретает определенную цельность, естественность и характерную для народных песен конкретность ситуации.

2. Заслуживает внимания и песня 3448 в той же книге XIV памятника.

Хана тирау	Осыпаются цветы...
Коно мукацуо-но	До тех пор, пока
Она-но о-но	Этот пик перед нами, пик в Она ⁷
Хидзи-ни цуку мадэ	Не коснется отмени,
Кими-га ё могамо	До тех пор хочу, чтобы ты жил.

Эта песня комментируется обычно как пожелание долголетия (поскольку в ней упоминается действие, которое не может произойти) или как застольная песня-благопожелание, распеваемая на пиршествах.

Однако в контексте песен данной книги она скорее воспринимается как народный заговор. Недаром она и помещена здесь рядом с другими песнями-заклинаниями. По мнению этнографа и филолога Оригуги Синобу, первая строка — формула зачина — связана с прославлением урожая. Возможно, здесь подразумевается акт, который имеет место до сих пор в японском земледельческом обрядовом быту, когда бумажные цветы, являющиеся символом плодородия, в виде венков или украшений особых шляп (ханагаса), принадлежащих саотомэ, рвут и бросают в толпу, а люди с дракой ловят бумажные клочки и уносят их домой как талисман, приносящий обильный урожай, счастье, процветание.

Возможно, в старину при заговоре или благожелательных заклинаниях совершали какой-либо подобный акт рассыпания живых или бумажных цветов, который, как это обычно бывает в формулах заговора, передается в свою очередь словесной формулой, описывающей данный акт. И эта магическая словесная формула, «притягивающая» счастье, процветание и т. п., вошла впоследствии отвлеченным постоянным зачином в заклинания такого рода, которые позднее приняли характер просто песен-благопожеланий.

В этом отношении песня является прототипом известного гимна императору, помещенного в антологии X в. «Кокинсю»: что можно считать еще одним свидетельством глубокой связи литературной поэзии с народной.

⁷ Она — название местности, по другой версии — название горы в уезде Инаса провинции Тоотоми (нынешняя префектура Сидзуока).

3. Интересна песня 1672 в книге IX, содержащей старинные народные песни. Составление ее приписывается часто поэту Такахаси Мусимаро, который был большим любителем народной поэзии, легенд, преданий. Вот эта песня:

Куроуси гата	В бухте Куроуси ⁸ .
Сиюхи-но ура-о	Где отхлынул прилив,
Курэнан-но	Волоча по берегу алый подол
Тамамо сусо хики	Яшмового платья ⁹ ,
Юку ва та-га цума	[Та, что] идет, — чья жена?

Некоторые комментаторы считают, что здесь речь идет о придворной даме, другие — что речь идет о жене самого автора.

Однако знакомство со священнодействиями тауэ (посадки риса) позволяет видеть в этой песне отражение древних обрядов.

Так, в префектуре Хиросима, в уезде Аса, в деревне Ясумура во время обряда хапа-тауэ (пышной посадки риса) на поле, предназначенное для обрядовой посадки, выходит целая процессия черных быков. За каждым из них идет его хозяин, направляя борону, которую тащит бык. Для этого праздника отбирают самых дородных и совершенно черных быков и украшают их цветами, лентами, шнурами из красного и белого¹⁰ шелка [см. 9, 33].

Другой образ, который всплывает при чтении этой песни, — образ саотомэ («майских девушек»), обычно одетых в белые кимоно, а поверх кимоно — в красную широкую и длинную юбку. Вспоминаются и рассказы японских этнографов о древних обычаях приношения девушек в жертву богу поля в качестве жены (см. выше, об инэмэ).

⁸ Бухта Куроуси (*Куроуси* букв. 'Черные быки') находится в провинции Кин, в уезде Кайсо, там, где ныне городок Суминоэ (префектура Вакаяма).

⁹ Яшмовое платье — просто красивое платье. Яшмовый — очень распространенный эпитет в песнях «Манъёсю», как в народных, так и в литературных. Употребляется в значении пояснительного эпитета: красивый, прекрасный и т. п.

¹⁰ Все эти цвета имеют магическое значение: черный цвет — цвет черных туч, способствует вызыванию дождя, необходимого для произрастания риса; красный цвет и белый цвет — цвета солнечной магии, они вызывают солнце, способствующее хорошему урожаю.

Все эти факты заставляют иначе воспринимать картину, рисующуюся в данной песне. В новом понимании зачин *куроуси-га та* выступает как экспозиция: поле с черными быками, поле черных быков (*куроуси* 'черные быки', *га* — показатель родительного падежа, *та* 'рисовое поле').

То, что впоследствии Куросигата стало географическим названием, очень характерно для Японии, где такие названия обычно хранят память о совершавшихся обрядах или другой характерной черте данной местности.

Далее, в песне выступают саотомэ, волоча красные подола своих юбок, так же как в деревне Ясумура, идя вслед за быками.

Та-га цума 'чья жена?' можно понять и в смысле 'жена поля' (*та* 'рисовое поле', *га* — показатель родительного падежа и *цума* 'жена'), и тогда образ будет соответствовать картине древнего обряда.

То, что в этой песне перед нами образ саотомэ, подтверждает песня 1710 в той же книге, так как там описание образа крестьянской девушки, занимающейся посадкой риса, т. е. саотомэ, совпадает в характерной детали с описанием образа в данной песне.

Ваги моко-га	Берег Куранаси — берег, где
Акамо хидзутитэ	Амбаров нет, чтобы рис сложить,
Уэсита-о	Жатву с поля сняв, где милая моя,
Каритэ осамэму	Красный [свой] подол пачкая в грязи,
Куранаси-но хама	На поле сажала рис.

Образ милой с красным подолом перекликается с образом женщины из предыдущей песни. Эта вторая песня подтверждает предположение, что образ женщины связан с посадкой риса, с земледельческим обрядом. Любопытно, что во второй песне говорится о подоле, запачканном грязью. Невольно вспоминаются рассказы Янагида Кунио об обычае пачкать грязью подол саотомэ, который сменил жестокие обычаи приносить девушек в жертву богу поля.

Трудно здесь что-либо утверждать определенно, но нельзя не согласиться с тем, что связь в этих песнях с земледельческой обрядностью, т. е. с посадкой риса, очевидна.

Надо еще учесть, что записи не всегда бывают точ-

ны, бывают ошибки, описки, но так или иначе в первой песне, приведенной нами, «просвечивает» картина, подсказанная старинной земледельческой обрядностью, сохранившейся с далеких дофеодалных времен. Доказать это — дело дальнейшего исследования.

4. Останавливает на себе внимание песня 1277 из книги VII памятника. В этой книге помещены народные песни, причем много песен из сборника известного поэта Какиномото Хитомаро, в котором содержатся и его собственные песни, и записи народных песен западных провинций.

Текст песни такой:

Амэ-ни ару
Химэсугавара-но
Куса на карисонэ
Мина-но вата
Какуроки камини
Акута си цуку мо

Это — шестистишие (сэдока), обычно его толкуют так: Не коси траву на полях Химэсугавара, к черным [твоим] волосам, черным, как черные раковины (мина), прильнет грязь'.

Очевидно, что песня связана с какими-то хозяйственными запретами. Песня комментируется скупо, многое остается неясным.

То, что речь идет о хозяйственных запретах, подтверждается сопоставлением этой песни с обрядовой песней синтоистских древних мистерий — кагура, которые сохранились в современной Японии в самых различных модификациях. Представления кагура, выросшие на почве крестьянских земледельческих обрядовых представлений, превратились в пышные церемонии религиозного порядка, где исполнителями являются жрецы, изображающие богов, а содержанием представлений — мифы. В основе своей кагура повторяют магические земледельческие пляски крестьян, но уже на ином уровне и в ином качестве.

Такое сопоставление с песней кагура позволяет комментировать данную песню несколько иначе, чем это делают обычно японские исследователи, и даже внести некоторую поправку в чтение текста.

Так, первая строка, обычно читавшаяся *амэ нари*, в последнем комментированном издании «Манъё:сю:» [см.

15] прочтена *амэ-ни ару*. В первом случае вообще не хватает пятого слога. Во втором случае строка прочтена с учетом, что в ней должно быть пять слогов. А песня кагура позволяет предполагать, что эту строку нужно читать не *амэ-ни ару*, а *амэ-ни масу*, поскольку далее следует слово *химэ* 'принцесса'. Японские комментаторы присоединяют *химэ* к следующему слову *сугавара* 'поле, покрытое травами суга' и читают *химэсугавара*, рассматривая это как неизвестное географическое название или выдвигая предположение, что речь здесь идет о поле, покрытом небольшими травами суга. В обоих случаях они отмечают неясность этого выражения.

Между тем в обрядовой песне кагура зачин *амэ-ни масу* значит то же самое, что *амэ-ни ару* 'быть, пребывать на небесах', с той только разницей, что *амэ-ни ару* применимо к полю, а *амэ-ни масу* говорится о богах.

В песне кагура выражение *амэ-ни масу* относится к принцессе Тоёока (Тоёока-химэ).

Кодэра Юкити, японский театровед, исследователь кагура, в своей книге, посвященной изучению этих синтоистских мистерий, главным образом так называемых сато-кагура (сельских кагура), совершаемых в сельских храмах, приводит три песни кагура, в которых *амэ-ни масу* относится к принцессе Тоёока [см. 10, 50]. Песни кагура обычно исполняются двумя полухориями. Две строки исполняет так называемая начинающая сторона (мото-но ката), три последние строки песни — кончающая сторона (суэ-но ката). Вот эти песни.

Первая песня.

Н а ч и н а ю щ а я с т о р о н а :

Коно цуэ-ва	Этот посох,
Идзук-но цуэ дзо	Откуда же посох?

К о н ч а ю щ а я с т о р о н а :

Амэ-ни масу	Это посох из дворца
Тоёока-химэ-но	Принцессы Тоёока,
Мия-но цуэ нари	Пребывающей на небесах.

Вторая песня.

Н а ч и н а ю щ а я с т о р о н а :

Митэгура-ва	Символ священный
Вага-ни ва арадзу	Не принадлежит нам.

К о н ч а ю щ а я с т о р о н а :

Амэ-ни масу	[Это] символ священный бо-
	гини —
Тоёока-химэ-но	Принцессы Тоёока,
Ками-но митэгура	Пребывающей на небесах.

Третья песня.

Н а ч и н а ю щ а я с т о р о н а :

Ково хоко-ва	Это копье,
Идзуко-но хоко дзо	Откуда же копье?

К о н ч а ю щ а я с т о р о н а :

Амэ-ни масу	[Это] копье из дворца
Тоёока-химэ-но	Принцессы Тоёока,
Мия-но хоко пари	Пребывающей на небесах.

Ко всему этому следует добавить, что принцесса Тоёока — божество, распоряжающееся съестными припасами, в том числе и съедобными травами и растениями, корни которых, а иногда и сами травы шли в пищу¹¹.

По-видимому, и в песне из «Манъё:сю» первую строку следует читать *амэ-ни масу* и присоединять эти слова к слову *химэ*, которое подразумевается, как и в песнях кагура, принцессу Тоёока.

Сугавара 'поля, покрытые травой суга'. Мы переводим 'святые поля', исходя из контекста песни: они принадлежат богине-принцессе Тоёока, и там нельзя косить траву. *Суга* толкуется в комментариях по-разному: и как 'осока', и как 'растения из семейства лилий'. Указывается, что это то же самое, что *сугэ*. Эти травы играют определенную роль в обрядах, в гадании, в частности в гаданиях об урожае.

В песне 948 корни суга играют какую-то роль в обряде очищения. В песне 1250 возлюбленный идет в поля собирать плоды сугэ для своей любимой. Причем известно, что из сока корней сугэ получается особый краситель, а суга растет в роце возле храма, т. е. опять имеет отношение к чему-то священному, как все, что находится вблизи храма.

¹¹ В разных местностях это божество, по-видимому, имеет несколько отличные названия: *Тоёока-химэ-но ками*, то же что *Тоёукэ-химэ-но ками* [см. 7, 224].

В рассматриваемой песне (1277) речь идет о полях, принадлежащих принцессе Тоёока. Поэтому тот, кто посмеет косить траву на этих полях, подвергнется небесной каре.

Интересно отметить, что во время совершения обрядовой посадки риса отводятся особые поля для этой посадки. Называются они обычно *мита* 'священные поля'. Они огораживаются веревкой из священной рисовой соломы в знак запрета входить на них посторонним.

И в данной песне тоже речь идет, по-видимому, об определенном хозяйственном запрете, поскольку принцесса Тоёока является богиней, ведающей съестными запасами.

Акута комментаторы толкуют как 'грязь'. Но в контексте данной песни, нам кажется, это слово нужно понимать в смысле 'скверна', т. е. что-то оскверняющее, ужасное, носящее характер небесной кары.

Все изложенное здесь, конечно, является лишь одной из возможных гипотез, но тем не менее привести материал, который при дальнейшем исследовании, возможно, поможет раскрытию содержания древних текстов, стоит.

5. Много раздумий вызывают макура-котоба. Нами уже посвящена специальная статья этому сложному тропу японской древней поэзии [см. 2]. Здесь мы приведем некоторый материал, касающийся макура-котоба *вакагуса-но* к слову *цума* 'супруг, супруга'. Этот эпитет современные комментаторы обычно поясняют как постоянный образ-сравнение: «жена, прелестная (нежная), как вешняя трава (букв. молодая трава)» или «муж, прекрасный, как весенняя трава».

Но это можно рассматривать как позднейшее эстетическое переосмысление образа.

Выше мы уже высказывали предположение, что образ «комори-цума» — «тайный супруг (супруга)» возник в системе образов, связанных с брачными игрищами, когда в траве прятались брачные пары. Отсюда, возможно, и появился образ «вакагуса-но цума» — «жена (муж) на молодой весенней траве».

Интересно, что *вакагуса-но* служит постоянным зачином (макура-котоба) также к *ниитамакура*, например, в песне 2542 в книге XI, где собраны народные песни западных провинций:

Вакагуса-но
 Ништамакура-о
 Макисомэтэ
 Е-о я хэдатэму
 Никуку аранакун

Японские комментаторы по-разному толкуют первые три строки: 1) 'Когда впервые стали изголовьем твои объятия, нежные, как вешняя трава...' (*тамакура* 'подушка, изголовье из рук'). Но при таком толковании выпадает *нии* 'новый; свежий; первый' (в *ништамакура*); 2) 'начав спать в объятиях жены, подобной весенней траве...'. Но здесь снова пропущено *нии* в *ништамакура*. Кроме того, на том основании, что *вакагуса-но* является постоянным образом-сравнением для жены, в текст песни вводится образ жены, которого, строго говоря, нет. Такой прием возможен, так как иногда макура-котоба в песнях выступает как заменитель своего определяемого, но сам характер трактовки этого образа, как мы уже говорили выше, является позднейшим переосмыслением.

В то же время, если допустить, что речь идет о брачных игрищах, когда спали на весенних полях, то выражение *вакагуса-но ништамакура* можно пояснить как 'изголовье на новом поле (поле нового земледельческого года) из весенних трав'. Спать, когда изголовьем служат весенние травы нового поля, вполне соответствует обстановке майских брачных игрищ (интересно отметить, что в современном языке сохранилось слово *нишимакура* 'ложе новобрачных' образно 'брачная ночь').

В связи с этим следует привести еще одну песню (3370) из книги XIV:

Асигара-но	На склонах Хакопэ
Хаконэ-но нэро-но	В Асигара,
Никогуса-но	Если б [ты] была куклой
Ханацудзума нарэ я	Из травы Нико,
Химо токадзу нэму	Тогда бы [ты] легла, не распустив шнура...

По-видимому, судя по ряду других песен этой книги, речь идет об обрядовых брачных игрищах. Обычно считают, что в песне говорится о девушке, которая из стыдливости мешкает развязывать свои одежды.

Хаконэ — горы в уезде Асигара в провинции Сагами (ныне префектура Канагава). *Никогуса* ('трава Нико') в словаре «Котоба-но Идзуми» объясняется как трава, которую называют также *Эмигуса* ('трава Улыбка') и *Вакагуса* ('трава Молодость'). По виду она напоминает папоротник, никогда не вянет, весной отливает красным цветом и считается очень красивой травой. Для нас важно, что эта трава называется также *вакагуса*. *Ханацудзума* имеет разные толкования: 'легковерная жена', 'невеста'. Однако полагаем, что это позднейшие толкования. Более раннее толкование дает Оригути Синобу, считая, что в песне речь идет о кукле, сделанной из травы Нико, и о старинном обряде.

Известно, что в японских погребальных обрядах вместо того, чтобы хоронить с умершим его живую жену и слуг, стали заменять их куклами из глины (*халива*). Невольно возникает предположение, не заменяла ли такая кукла из травы (*Вакагуса*) живую саотомэ, которую приносили в жертву богу поля в качестве жены. И именно отсюда и возник образ «*вакагуса-но цума*».

То, что две приведенные выше песни (2542, 3370) являются песнями разных провинций (первая — песней западных провинций, вторая — восточных), ничего не меняет по существу. Обрядовые игры, о которых мы говорим, характерны были, как уже указывалось, и для восточных, и для западных провинций.

Таковы некоторые дополнительные данные по поводу макура-котоба *вакагуса-но* к слову *цума*. Они могут быть использованы для специального изучения этого образа.

* * *

Все эти отдельные заметки являются лишь предварительным итогом наших наблюдений, так как для тщательного исследования культурного наследия древности необходимо использование методов разных наук.

За рассмотренными выше частными, узкоспециальными вопросами стоят большие проблемы первобытного синкретизма, основ древней эстетики, становления системы поэтической образности и ее модификации, развития языкового мышления и самой языковой системы, а также в конечном итоге вопросы особенностей формирования и развития древней японской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г л у с к и н а А. Е., Генетические связи японского народного театрального искусства, М., 1945.
2. Г л у с к и н а А. Е., К изучению древней японской поэзии (Заметки о макура-котоба), — «Народы Азии и Африки», 1967, № 3.
3. «Древние Фудоки», М., 1968.
4. К а п у л Н. П., К вопросу об этимологии и структуре японских имен собственных, — сб. «Японский язык», М., 1963.
5. К о н р а д Н. П., Лекции по истории Японии, ч. I. Древняя история, М., 1937.
6. «Японская поэзия», М., 1956.
7. «Дай нихон симмэй дзисё», Токио, 1912.
8. «Кодзирин», Токио, 1931.
9. К о д э р а Ю к и т т и, Энгэки-кара мита тауэ-но сшдзи, — «Миндзоку гайдзюцу», 1929, № 9.
10. К о д э р а Ю к и т т и, Гэйдзюцу-то ситэ кагура-но кэнкю, Токио, 1929.
11. К о н о с у М о р и х и р о, Манъё:сю: дзэнсяку, Токио, 1943.
12. «Котоба-но идзуми», Токио, 1899.
13. М а ц у о к а С и д з у о, Нихон кого дзитэн, Токио, 1937.
14. Н а к а я м а Т а р о, Сайрэй то фудзоку, Токио, 1932.
15. «Нихон котэн бунгаку тайкэй», «Манъё:сю:», I—IV, Токио, 1958—1962.
16. О ц у к а Т а ц у д з о, Макура-котоба дзитэн, 1954.
17. С а с а к и Н о б у ц у н а, Манъё:сю: дзитэн, Токио, 1956.
18. Х о н д а Я с у д з и, Нихон-но миндзоку гэйпо, Токио, 1960.
19. Я н а г и д а К у н и о, Миндзоку дзитэн, Токио, 1965.
20. Я н а г и д а К у н и о, «Кё:досирои», Токио, 1922.

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ТЕРМИНЫ В ДРЕВНЕЯПОНСКОЙ ТОПОНИМИИ

Общеизвестно, что ономастика подразделяется на: антропонимику, астрономику, топонимику, этнонимику и т. д.

В советском языкознании, которое относительно недавно начало заниматься проблемами ономастики, еще нет твердо установившихся определений указанных понятий. Мы пользуемся дефинициями проф. О. С. Ахмановой и проф. В. А. Никонова.

О. С. Ахманова пишет: «Ономастика — раздел языкознания, изучающий собственные имена» [1, 288]. «Топонимика — раздел лексикологии, изучающий географические названия» [1, 478].

В. А. Никонов дает более широкое определение: «Топонимика — особый раздел языкознания, пересекающийся с историей языка, диалектологией, этимологией, лексикологией и другими разделами лингвистики, неразрывно связанный с историей, географией, этнографией» [5, 164].

Нами проводится предварительное изучение древнеяпонской топонимии. При этом мы придерживаемся принятых в советском языкознании определений и терминологии: под топонимикой мы понимаем раздел ономастики, занимающийся всесторонним изучением совокупности географических названий (возникновение, развитие, смена, исчезновение топонимов, их связь с жизнью общества и т. д.), а под топонимией — саму совокупность географических названий определенного ареала.

Начало научному изучению топонимов в Японии положено трудами филолога Мотоори Норинага (1730—1801), принадлежавшего к национальной школе ученых (кокугакуся), в частности его сочинением «Тимэй дзи-

он тэнъ:рэй» («Примеры нестандартного чтения географических названий» [б. м.], 1800).

В XX в. в Японии появился ряд исследований, главным образом по современной топонимике (см. работы Янагида Кунио, Канадзава Сё:дзабуро:, Мацуо Тосио, Кагами Кандзи и др.)¹.

Изучение японской топонимии в Советском Союзе начато лишь с 1959 г., когда был опубликован «Словарь японских географических названий» А. П. Аболмасова и Л. А. Немзера, авторы которого в разделе «О пользовании словарем» уделяют внимание номенклатурным терминам, перечень которых включен в «Список названий рельефа» (см. указанный словарь, стр. 16—18).

Материалом для нашего исследования послужили топонимы, занесенные в пять опубликованных нами Фудоки (Идзумо, Хитати, Харима, Бунго и Хидзэн) [см. 2; 3].

Топонимы составляют один из разрядов японской лексики и, следовательно, подчиняются тем же законам словообразования, что и другие разряды слов древнеяпонского языка.

Вопросы японской лексики, словообразования рассматриваются в многочисленных исследованиях советских лингвистов-японистов и прежде всего проф. А. А. Пашковского [см. 7; 8], поэтому в настоящей работе мы на них не останавливаемся.

В пяти указанных выше Фудоки записано 1545 топонимов, в том числе: 86 названий административных единиц и населенных пунктов, 348 оронимов и 337 гидронимов.

Особенность японской топонимии — обязательное наличие в топониме специфической заключительной морфемы, характеризующей географический тип объекта: гора, река, село, город и т. п. Эта морфема обычно именуется как «номенклатурный термин» [см. 4].

Считаем возможным выделить два разряда древнеяпонских номенклатурных терминов:

1. Обозначения административных единиц и населенных пунктов.
2. Обозначения топографических объектов.

¹ Библиографию по японской топонимике см. в статьях Б. П. Яценко [9] и К. А. Попова [8].

Если второй разряд номенклатурных терминов (далее — НТ) не претерпевает заметных изменений, то первый разряд, тесно связанный с развитием японского государства, за исторически обозримый период уже третий раз значительно видоизменился.

До реформы Тайка (645—646) существовала система «куни — агата — сато» («провинция — район — село»). В результате реформ Тайка в 646 г. в Японии была принята система «куни— ко:ри—сато» («провинция — уезд — село»), которая просуществовала до второй половины XIX в., когда с 1871 г. была введена новая, существующая по сей день система «фудо:кэнгунсонсэй» («префектура — область, уезд — село»).

Первый разряд НТ

Куни (провинция), например: Мусаси-куни, Харима-куни, Хитати-куни².

Ко:ри (уезд): Камо-ко:ри, Сикама-ко:ри, Сисава-ко:ри.

Сато (село): Косэ-сато, Миэ-сато, Ямада-сато.

Мура (деревня): Итаку-мура, Касама-мура, Тамано-мура.

Бэ (особый поселок): Амари-бэ, Ая-бэ, Каму-бэ.

Умая (почтовый двор): Акаси-умая, Курода-умая, Ноги-умая.

Мия (дворец): Магари-мия, Оно-мия, Хисиро-мия.

Ясиро (синтоистский храм): Икума-ясиро, Каваками-ясиро, Такэ-ясиро.

Второй разряд НТ

А. Гидронимы

Ватари (речная переправа): Кагами-ватари, Такасэ-ватари, Тана-ватари.

И (источник, колодец): Мацубара-и, Мэта-и, Сака-и.

Икэ (пруд, запруда): Акэти-икэ, Курия-икэ, Масу-икэ.

Кава (река): Ава-кава, Анаси-кава, Икама-кава.

² Здесь и далее мы приводим основные номенклатурные термины, часто встречающиеся в Фудоки. В примерах для наглядности НТ отделяются дефисом. В круглых скобках указывается значение, от которого произошел данный НТ.

Минато (озеро): *Адзэ-минато*, *Атакана-минато*, *Самута-минато*.

Сима (остров): *Авадзи-сима*, *Ито-сима*, *Ками-сима*.

То (узкий пролив, ворота): *Ива-то*, *Хаяки-то*, *Хаяси-то*.

Уми (море, большой морской залив): *Нака-уми*, *Намэката-уми*, *Носиро-уми*.

Ура (бухта): *Вакамацу-ура*, *Ванаса-ура*, *Инами-ура*.

Хама (морское побережье): *Кара-хама*, *Нагасу-хама*, *Нори-хама*.

Цу (пристань, морская переправа): *Аэ-цу*, *Кахара-цу*, *Ми-цу*.

Ю (горячий источник): *Ака-ю*, *Кубэри-ю*, *Миню-ю*.

Б. Оронимы

Минэ (пик): *Асакуна-минэ*, *Инацуки-минэ*, *Хирэфури-минэ*.

Мори (горная роща; гора, покрытая лесом): *Косо-мори*, *Хатаи-мори*, *Химэкосо-мори*.

Но (горное необработанное поле, плато): *Агама-но*, *Амиси-но*, *Атака-но*.

Ока (холм, маленькая гора): *Арахара-ока*, *Икари-ока*, *Ина-ока*.

Сака (склон): *Арака-сака*, *Кото-сака*, *Мика-сака*.

Саки (мыс, отрог горы): *Кагакаму-саки*, *Мимираку-саки*, *Нука-саки*.

Та (пашня, обработанное поле): *Катабуки-та*, *Мати-та*, *Сака-та*.

Такэ (вершина горы): *Иимори-такэ*, *Сини-такэ*.

Тани (долина): *Ивата-тани*, *Каорита-тани*, *Ми-тани*.

Хака (курган, могильный холм): *Ину-хака*, *Ума-хака*, *Кагу-хака*.

Хара (равнина): *Аси-хара*, *Икэ-хара*, *Микадзуки-хара*.

Яма (гора): *Авака-яма*, *Ивакура-яма*, *Ицума-яма*.

Мы видим, что к названию провинции присоединялся НТ *куни*, происшедший от апеллятива *куни* 'страна, земля, местность' (см. Камо Момоки, Нихонгогэн, т. I, Токио, 1943, стр. 414; далее — КМН).

К названию уезда присоединялся НТ *кохори* (совр. *ко:ри*).

Японские ученые Араи Хакусэки (1657—1725), Мотоори Норинага (1730—1801), Канадзава Сё:дзабуро: (1872—1966) и Мацуока Сидзуо считают, что *кохори* произошло от заимствованного древнекорейского апеллятива *копур* ('большое селение'). Вероятно, это древнее слово звучало по-японски как *копори* или *копури*.

К названию села присоединялся НТ *сато*, происшедший от апеллятива *сато*, которым в дореформенный период обозначался всякий населенный пункт, а с 646 г. он был использован для названия низшей административной единицы — села (КГД, 629).

К названию деревни присоединялся НТ *мура*. Камо Момоки пишет, что апеллятив *мура/мурэ* ('куча, группа'), вероятно, заимствован из древнекорейского языка (КМН, 334) (ср. с современным корейским *маиль* 'селение, деревушка').

Подобные же изыскания могут быть проведены и в отношении других групп НТ (гидронимы и оронимы), но мы полагаем, что это должно явиться темой отдельного исследования.

Номенклатурный термин весьма четко определяет тип объекта, характеризуемого данным топонимом. Исключения составляют только два случая.

Первый случай: при перенесении названия с одного объекта на другой (обычно соседний, но не однородной группы). Например:

Асаяма-*сато* (село Асаяма в уезде Камудо провинции Идзумо) и Асаяма-*кава* (река Асаяма, там же) — и село, и река получили название от горы Аса (Аса-*яма*), вблизи которой они находились, поэтому морфема *яма* вошла в эти два топонима, потеряв свою функцию НТ.

Аватани-*ясиро* (синтоистский храм Аватани); здесь вторая морфема топонима Аватани — *тани* — ранее тоже была НТ [в топониме Ава-*тани* (долина Ава)], но, войдя в состав более сложного топонима Аватани-*ясиро*, она потеряла свою служебную функцию НТ и весь топоним Аватани-*ясиро* уже нельзя расшифровать как «храм в долине Ава», а только как «храм Аватани».

Второй случай — при наименовании одного объекта употребляются два НТ: (1) *сато* и *мура*, (2) *ока* и *яма*.

Мы полагаем, что первый случай можно объяснить следующим образом: стройная административная систе-

ма в древней Японии была создана в период реформ Тайка (645—646), и с того времени в отношении низшей административной единицы (провинция — уезд — село) применялся термин *сато*; *сато* включало неопределенное число деревень — *мура*, но строго установленное число дворов — пятьдесят. Поскольку в Фудоки описание административной системы ограничивалось только селом — *сато*, то упоминание о деревнях — *мура* может значить, что в Фудоки VIII в. включены сведения, относящиеся к дореформенному периоду VII в.

Что же касается употребления двух НТ — *яма* (гора) и *ока* (холм), то мы полагаем, что применение того или другого НТ, т. е. *яма* или *ока*, зависело от местных условий. Даже небольшая возвышенность для жителей равнины могла казаться горой и соответственно называться *яма*, а значительная возвышенность для жителей горной местности казалась холмом и называлась *ока*. Вообще же довольно трудно и сейчас сделать различие между маленькой горой (горкой) и большим холмом. Когда же гора или холм получали собственное название, т. е. образовывался топоним, то *яма* и *ока* превращались в НТ и постепенно теряли связь с апелляциями, от которых они произошли.

Номенклатурный термин, как и «географическое название, — явление общественное...» [5, 24]; «...причины, породившие названия, всегда и только исторические» [5, 27].

Не вдаваясь в подробные объяснения, в подтверждение данного положения отметим лишь, что НТ отражают тот период, в который они были созданы и существовали.

В совокупности НТ VII—VIII вв. превалируют такие, которые характеризуют хозяйственную деятельность человека, тесно связанную с природой и сельским хозяйством: *ватари* (речная переправа), *икэ* (запруда), *та* (пашня) и т. д. (см. приведенный выше список НТ).

Все НТ VII—VIII вв. чисто японского происхождения, среди них нет канго: *сима* (остров), а не *-то*; *уми* (море), а не *-кай*; *яма* (гора), а не *-сан* и пр.

Древние НТ представляют собой стройную бинарную систему; легко выделяются оппозиционные НТ: *кун* (провинция) — *мияко* (столица), *сато* (обычное село) — *бэ* (особое село или поселение); *ясира* (синтоистский

храм) — *тэра* (буддийский храм); *ватари* (речная переправа) — *цу* (морская переправа); *но* (необработанное поле, целина) — *та* (обработанное поле, пашня); *яма* (гора) — *хара* (равнина) и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. А х м а н о в а О. С., Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
2. «Древние Фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн)», перевод, предисловие и комментарий К. А. Попова, М., 1969.
3. «Идзумо-фудоки», перевод, комментарий и предисловие К. А. Попова, М., 1966.
4. «Инструкция по передаче на картах географических названий Японии». Главное управление геодезии и картографии, М., 1953.
5. Н и к о л о в В. А., Введение в топонимику, М., 1965.
6. П а ш к о в с к и й А. А., Словообразование в современном японском языке, докт. дисс., М., 1952.
7. П а ш к о в с к и й А. А., Классификация японских сложных слов, — «Японский лингвистический сборник», М., 1959.
8. П о п о в К. А., Некоторые вопросы топонимики Харимано кун, — сб. «Топонимика Востока», М., 1969.
9. Я ц е н к о Б. П., Особенности японской топонимики, — сб. «Топонимика Востока», М., 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. А. Сыромятников</i>	5
Система наклонений повояпонского языка	5
<i>В. М. Алпатов</i>	
О вежливо-почтительных формах глагола в современном японском языке	53
<i>К. Е. Черевко</i>	
Наречия в системе частей речи современного японского языка	79
<i>А. А. Холодович</i>	
Некоторые вопросы управления в японском языке	113
<i>И. В. Головин</i>	
Признаки предложения в японском языке	133
<i>И. Ф. Вардуль</i>	
Супрасистемические потенции предложения и частица <i>ва</i>	159
<i>А. А. Пащковский</i>	
Особенности японской лексики	169
<i>Н. И. Фельдман</i>	
Некоторые вопросы японско-русской лексикографии	187
<i>Е. В. Саламонович</i>	
Об одном типе фразеологических единиц японского языка	195
<i>А. Н. Соколов</i>	
Ограничение реформы японской письменности 1946—1949 гг. в повести Нома Хироси «Еру-но дассаку»	199
<i>М. Л. Борщевская, Е. В. Самсонова</i>	
О влиянии лексических заимствований на фонологическую систему японского языка	211
<i>А. Е. Глушкина</i>	
О некоторых фактах древнеяпонского языка и литературы	220
<i>К. А. Попов</i>	
Номенклатурные термины в древнеяпонской топонимии	249

ВОПРОСЫ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*Редактор Л. С. Гингольд
Художник М. Эльцуффин
Художественный редактор Н. Р. Бескин
Технический редактор Л. Т. Михлича
Корректоры В. В. Воловик и В. М. Кочеткова*

Сдано в набор 9/ХІІ 1970 г. Подписано к печати 4/ІІІ 1971 г. А-05847.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,73.
Тираж 3600. Изд. № 2691. Зак. 1330. Цена 89 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука», Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

В сборнике представлены последние исследования советских японоведов-лингвистов по актуальным вопросам грамматики и лексики, фонологии и письменности японского языка, как современного, так и древнего.

(1891—1970)

Неоценимы заслуги выдающегося советского востоковеда академика Николая Иосифовича Конрада. Особенно велик его вклад в советское японоведение, и в частности в изучение японского языка,—перу Н. И. Конрада принадлежат многочисленные труды по японскому языкознанию, среди них фундаментальный «Синтаксис японского национального литературного языка» (М., 1937). Под его руководством был составлен двухтомный «Большой японско-русский словарь» (М., 1970). Замечательный педагог, Н. И. Конрад воспитал большой отряд японоведов-лингвистов.

Этот сборник посвящен памяти учителя. В него вошли статьи учеников Н. И. Конрада и учеников его учеников.

85
4358/1
Цена 89 коп.